

Годъ XVI (1905).

Книга 79 (IV).

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

✓ Л. Лопатинъ. Памяти князя С. Н. Трубецкого.

✓ Вл. Соловьевъ. Изъ письма Владимира Сергѣевича Соловьева къ графу Льву Николаевичу Толстому.

Н. Лосскій. Обоснованіе мистическаго эмпиризма.

✓ Н. Шапиръ. Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ.

✓ Е. Гопіусъ. Философія «Московской философско-математической школы и ея отношеніе къ интеллектуализму философовъ XVIII вѣка и экономическому материализму К. Маркса».

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

II. Библиографическій листокъ.

III. Обзоръ журналовъ.

Московское Психологическое Общество.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская улица, соб. домъ
1905.

„Вопросы Философiи и Психологiи“.

1905 г. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Годъ XVI.

Самостоятельныя статьи и замѣтки по философiи и психологiи. Въ понятiя философiи и психологiи включаются: 1) логика и теорiя знанiя, этика и философiя права, эстетика, исторiя философiи и метафизика, философiя наукъ, опытная и физиологическая психологiя, психопатологiя. 2) Критическiя статьи и разборы ученiй и сочиненiй западно-европейскихъ философiевъ и психологовъ. 3) Общiе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философiи и библiографiя. 4) Философская и психологическая критика произведенiй искусства и научныхъ сочиненiй по различнымъ отдѣламъ знанiя. 5) Переводы классическихъ сочиненiй по философiи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, iюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Содержанiе послѣднихъ книгъ журнала:

Май—iюнь (№ 73). Обоснованiе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссаго. — Философскiе взгляды Эрнста Маха. Д. Викторова. — Основы энергетическаго мiросозерцанiя. В. Воробьева. — Психопатологическiй методъ въ русской литературной критикѣ. М. Шайневича. — Психическiй подборъ. А. Богданова. — О реалистическомъ мировоззрѣнiи. С. Булгакова. — Критика и библiографiя. — Московское Психологическое Общество.

Сентябрь—октябрь (№ 74). Обоснованiе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссаго. — Государство и право. П. Новгородцева. — Основы энергетическаго мiросозерцанiя. В. Воробьева. — Психопатологическiй методъ въ русской литературной критикѣ. — М. Шайневича. — Психическiй подборъ. — А. Богданова. — Теорiя новѣйшаго критицизма. С. Аскольдова. — Критика и библiографiя.

Ноябрь—декабрь (№ 75). Обоснованiе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссаго. — Государство и право. П. Новгородцева. — Вѣра въ безсмертiе. Кн. С. Н. Трубеткого. — Теорiя новѣйшаго критицизма. С. Аскольдова. — Объ истинномъ и мнимомъ реализмѣ. С. Котляревскаго. — Новѣйшiе русскiе метафизики. Л. Габриловича. — О новомъ русскомъ идеализмѣ. Н. Вердьева. — Критика и библiографiя.

Январь—февраль (№ 76). Ученiе Канта о познанiи. Л. Лопатина. — Кантъ, какъ моралистъ. П. Новгородцева. — Кантъ и естествознанiе XVIII столѣтiя. В. Вернадскаго. — Психологiя фанатизма (Фотiй Спасскiй). В. Чижа. — Генiй и здоровье Н. В. Гоголя. Г. Трошина. — Письма по философiи естествознанiя. А. И. Ващинскаго. — Критика и библiографiя. — Московское Психологическое Общество.

Мартъ—апрѣль (№ 77). Обоснованiе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссаго. — Предисылки демократiи. С. Котляревскаго. — Критика чистаго опыта. Д. Викторова. — Психологiя фанатизма (Фотiй Спасскiй). В. Чижа. — Генiй и здоровье Н. В. Гоголя. Г. Трошина. — Наказанiе какъ факторъ культуры. И. В. Махайковскаго. — Пивагоръ и пивагорейцы. Кн. С. Трубеткого. — Критика и библiографiя.

Май—iюнь (№ 78). Обоснованiе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссаго. — Габриѣль Тарль, личность, идеи и творчество. Н. Баженова. — Генiй и здоровье Н. В. Гоголя. Г. Трошина. — Изъ области чистой этики Е. Спекторскаго. — Очерки философiи естествознанiя. А. Шукарева. — Генрихъ Риккертъ и его книга „Границы естественно-научнаго образованiя понятiй“. Ф. Софронова. — Критика и библiографiя.

20-84
Фил 11.3

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVI.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга IV (79).

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ 1905 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. докъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Памяти князя С. Н. Трубецкого. Л. Лопатина	Стр. I
---	-----------

Изъ письма Владиміра Сергѣевича Соловьева къ графу Льву Николаевичу Толстому.	241
Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лоссекаго . (Окон- чаніе).	247

Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ (опытъ научно-психоло- гической критики). Николая Шапирь	487
Философія «Московской философско-математической шко- лы» и ея отношеніе къ интеллектуализму философвъ XVIII вѣка и экономическому матеріализму К. Маркса. Е. А. Гопіуса	554

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

L'année psychologique publiée par A. Binet avec collabo- ration de H. Beaunis, V. Henri et Th. Ribot. Secrétaire de la Redaction Larguier des Bangels. Dixième année. Paris, 1904 Г. Виноградова	587
---	-----

II. Библиографическій листокъ.

III. Обзоръ журналовъ.

Mind , Vol. XIII, New Series, №№ 49—52. Январь — ок- тябрь 1904 г. П. Мокіевскаго	598
--	-----

Archiw für Geschichte der Philosophie , Band. XVII. Neue Folge. X Band. 1904. I Heft. Н. Аникиевой	607
Rivista filosofica . Сентябрь—февраль 1904—1905. Н. Вальденбергъ	615
Психологическое Общество . (Отчеты о засѣданіяхъ и списокъ членовъ Психологическаго Общества)	620

Памяти князя С. Н. Трубецкого.

Жутко и страшно! Голова кружится при мысли, что же это произошло. И такъ чувствуютъ не только близкіе къ усопшему люди. На моей памяти я не знаю случая, чтобы смерть какого-нибудь общественнаго дѣятеля такъ потрясла Москву, такъ потрясла всю Россію. Я думаю, что вѣсть о его смерти отзовется и за предѣлами Россіи, и что и тамъ поймутъ, какъ много потеряла наша бѣдная родина въ лицѣ этого твердаго, честнаго гражданина. Вѣдь князь Сергѣй Трубецкой не только общественный дѣятель, Сергѣй Трубецкой — общественное знамя. Онъ знамя мирнаго и легальнаго развитія страны по пути свободнаго прогресса. И вотъ это знамя вырвано у насъ. Несмотря на пріобрѣтенныя блага политической свободы, ни откуда не слышно увѣреннаго и спокойнаго призыва къ мирному и законному рѣшенію ставшихъ передъ нами трудныхъ задачъ. Подымается скорбный вопросъ: куда же идемъ мы? Что ждетъ насъ? Неужели только мракъ и стонъ кровавыхъ междоусобій и всеобщаго разгрома?

Но вѣдь значеніе кн. Трубецкого и не въ одномъ этомъ. На поприще общественной дѣятельности онъ выступилъ сравнительно недавно, побуждаемый силою обстоятельствъ. Самъ по себѣ и прежде всего онъ глубокой мыслитель, вписавшій яркими буквами свое имя въ исторію русской философіи, онъ крупный ученый съ европейскою извѣстностью, онъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ публицистовъ. По своимъ философскимъ воззрѣніямъ онъ близко сходилъ съ своимъ другомъ Вл. С. Соловьевымъ, но въ его взглядахъ болѣе рѣзко сказывалась рационалистическая и критическая струя. Отличный знатокъ всей философской литературы, онъ съ юныхъ лѣтъ особенно внимательно и горячо изучалъ творенія Канта, Шеллинга, Баадера, Гегеля, а изъ древнихъ Платона и Аристотеля. Его міросозерцаніе представляло возвышенный идеализмъ, послѣдовательно приложенный къ рѣшенію всѣхъ философскихъ проблемъ, но идеализмъ не въ современномъ, а скорѣе въ античномъ смыслѣ слова. Современный намъ идеализмъ опирается на теорію относительности знанія, онъ легко переходитъ въ точку зрѣнія *феноменизма* или даже *иллюзионизма*. Идеализмъ кн. С. Н. Трубецкого можно назвать положительнымъ: онъ тѣсно сливается съ его религиозными вѣрованіями и всецѣло проникнуть убѣжденіемъ во вселенскомъ, космическомъ господствѣ разума. По его взгляду, нашъ субъективный разумъ потому способенъ подняться до познанія истины, что во всѣхъ вещахъ и во

всѣхъ ихъ свойствахъ, отношеніяхъ и законахъ осуществляется разумъ объективный и универсальный, который составляетъ внутренній корень и нашего субъективнаго духа. Единный въ своихъ основныхъ принципахъ и функціяхъ разумъ живетъ во всѣхъ людяхъ и отъ этого зависитъ органическое единство общечеловѣческаго опыта и общечеловѣческаго познанія. Въ этомъ смыслѣ покойный Сергѣй Николаевичъ очень оригинально толковалъ теорію познанія Канта. Съ другой стороны, онъ убѣжденно настаивалъ, что всѣ вещи и всякая реальность вообще мыслимы лишь при томъ условіи, что разумъ (какъ смыслъ или законъ сущаго—*λογος*) вызвалъ ихъ и выразился въ нихъ. Доказательству абсолютной немыслимости какой бы то ни было внѣ-разумной или внѣ-логической реальности посвящены наиболѣе тонкія метафизическія разсужденія покойнаго. Рядомъ съ этимъ онъ всегда очень выдвигалъ еще одинъ принципъ, тѣсно связанный съ главными послылками его философской системы: вопреки распространенному чисто субъективистическому взгляду на душевные и умственные процессы, онъ думалъ, что нашъ духъ въ каждомъ актѣ воспріятія и познанія дѣйствительно выходитъ изъ себя и дѣйствительно соприкасается съ независимою отъ него реальностью; всякая наша жизнь и всякое познаніе есть наше дѣйствительное взаимодействіе съ тѣмъ, что отъ насъ независимо. Въ этомъ выводѣ онъ, если угодно, совпадаетъ съ современными эмпирио-

критицистами; но насколько обдуманнѣе и неотразимѣе его аргументація сравнительно съ ними.

Кн. С. Н. Трубецкой извѣстенъ въ философской литературѣ не только какъ создатель очень своеобразнаго и стройнаго міросозерцанія. Онъ не менѣе замѣчательнъ своими трудами по исторіи древней философіи и религіозныхъ идей первоначальнаго христіанства. Въ этомъ отношеніи о немъ приходится сказать, что онъ сумѣлъ быть необыкновенно оригинальнымъ въ такой области, гдѣ все, повидимому, было изучено и разъ навсегда установлено и гдѣ, казалось, были возможны лишь частныя поправки и дополненія. Благодаря тонкому изученію религій и культуры древняго міра, и въ глубокомъ сознаніи тѣсной связи между идеями философскими и религіозными, онъ далъ совсѣмъ новое освѣщеніе цѣлому ряду ученій, которымъ, какъ можно было думать раньше, оцѣнка безповоротно уже сдѣлана. Тѣни Пифагорейцевъ, Гераклита, Эмпедокла оживаютъ передъ нами въ его изложеніи, и съ нихъ какъ будто совсѣмъ спадаетъ та печать ребяческой наивности, которая неотдѣлимо срослась съ ними въ обычныхъ изображеніяхъ у историковъ философіи. Эта оригинальность поражаетъ насъ уже въ «Метафизикѣ въ древней Греціи». Она только возрастала съ расширеніемъ его изслѣдованій. Въ послѣднее время онъ работалъ надъ печатаніемъ своей исторіи древней философіи. И вотъ онъ умеръ, не окончивъ его.

Впрочемъ, для насъ, близкихъ къ Сергѣю Ни-

колаевичу людей, слишкомъ тяжело объективно разсуждать о его общественной или научной роли. Въдь у насъ изъ груди живой кусокъ мяса вырванъ! Общественная и научная дѣятельность человѣка—это только часть его личности и не самая важная. Будемъ вѣрить,—выступятъ въ будущемъ дѣятели не менѣе твердые и безупречные, чѣмъ кн. Сергѣй Трубецкой. Будутъ у насъ и оригинальные философы, и крупные ученые, и хорошіе публицисты. А *его* не будетъ и въ этомъ ужасъ смерти. То незамѣнимое и неоцѣнимое, что составляетъ внутреннюю суть данной личности, ея индивидуальность, ея неотдѣлимую отъ нея собственность,—это ушло отъ насъ навѣки. Къ этому можно привыкнуть долгими годами, но помириться съ этимъ нельзя. При кончинѣ близкихъ людей невольно думается только объ этой *ихъ* незамѣнимой индивидуальности, а ея словами не передашь. Скажу о томъ, что болѣе всего бросалось въ глаза у покойнаго. Рѣдко встрѣчаются въ жизни люди съ такою цѣльною, такою стройною, такою, если можно такъ выразиться, *стильною* нравственною личностью. Высокое душевное благородство, совсѣмъ недоступное ни для чего мелкаго, ни для чего пошлаго, низкаго или грязнаго, было основной стихіей его существа. При этомъ въ его натурѣ гармонически уживались странныя противоположности: ясный, могучій, оригинальный умъ, твердая ни чѣмъ не подкупная воля, и съ другой стороны женская мягкость сердца и, рѣшусь

сказать, — какое-то дѣтское простодушіе, ясная жизнерадостность, неисчерпаемый юморъ, чисто юношеская восприимчивость ко всему забавному. Въ послѣдніе дни, на нашихъ университетскихъ совѣтахъ, истерзанный болѣзнью и нравственными муками своего служебнаго положенія, съ лицомъ умирающаго, какъ обманывалъ онъ насъ кроткою ясностью своего душевнаго настроенія.

О всѣмъ извѣстной добротѣ его говорить много не буду. Сколько народу онъ спасъ, сколькимъ помогъ и за сколькихъ хлопоталъ, отдавая иногда все свое время! Я хотѣлъ бы только останóвиться еще на двухъ чертахъ его характера: на его незапятнанной душевной чистотѣ, которую онъ пронесъ черезъ всю свою жизнь, на переборъ свойственному нашему времени больному любопытству къ прихотямъ субъективной чувствительности, и на совершенномъ отсутствіи у него тщеславія и какой-нибудь рисовки. Онъ одинаково былъ простъ и сердеченъ, и тогда, когда былъ увлекающимся студентомъ, и тогда, когда достигъ широкой славы и всеобщаго признанія. О себѣ онъ какъ-то совсѣмъ не думалъ, точно ему времени на это не хватало. Да! свѣтлый онъ прошелъ среди насъ и свѣтлымъ удалился въ тотъ міръ, въ который такъ непоколебимо, такъ ясно и такъ живо вѣрилъ. До свиданья, дорогой.

Л. Лопатинъ.

Изъ письма Владиміра Сергѣевича Соловьева къ графу Льву Николаевичу Толстому.

Все наше разногласіе можетъ быть сосредоточено въ одномъ конкретномъ пунктѣ—воскресеніи Христа.

Я думаю, что въ вашемъ собственномъ міросозерцаніи (если только я вѣрно понимаю ваши послѣднія сочиненія) нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы признать истину воскресенія, а есть даже нѣчто такое, что заставляетъ признать ее. Сначала скажу объ идеѣ воскресенія вообще, а потомъ о воскресеніи Христа.

1) Вы допускаете, что нашъ міръ прогрессивно видоизмѣняется, переходя отъ низшихъ формъ и степеней бытія къ высшимъ или болѣе совершеннымъ. 2) Вы признаете взаимодѣйствіе между внутренней, духовною жизнью и высшею, физическою, и 3) на почвѣ этого взаимодѣйствія вы признаете, что совершенство духовнаго существа выражается въ томъ, что его собственная духовная жизнь подчиняетъ себѣ его физическую жизнь, овладѣваетъ ею.

Исходя изъ этихъ трехъ пунктовъ, я думаю, необходимо придти къ истинѣ воскресенія. Дѣло въ томъ, что духовная сила по отношенію къ матеріальному существованію не есть величина постоянная, а возрастающая. Въ мірѣ животномъ она вообще находится лишь въ скрытомъ, потенциальномъ состояніи; въ человѣчествѣ она освобождается и становится явной. Но это освобожденіе совершается сначала лишь идеально въ формѣ разумнаго сознанія: я различаю себя отъ своей животной природы, сознаю свою внутреннюю

независимость отъ нея и превосходство передъ нею. Но можетъ ли это *сознаніе* перейти въ *дѣло*. Не только можетъ, но отчасти и переходитъ. Какъ въ мірѣ животномъ мы находимъ нѣкоторые зачатки или проблески разумной жизни, такъ въ человѣчествѣ несомнѣнно существуютъ зачатки того высшаго совершеннаго состоянія, въ которомъ духъ дѣйствительно фактически овладѣваетъ матеріальною жизнью. Онъ борется съ темными стремленіями матеріальной природы и покоряетъ ихъ себѣ (а не различаетъ только себя отъ нихъ). Отъ степени внутренняго духовнаго совершенства зависитъ большая или меньшая полнота этой побѣды. Крайнее торжество враждебнаго матеріальнаго начала есть смерть, т.-е. освобожденіе хаотической жизни матеріальныхъ частей съ разрушеніемъ ихъ разумной, цѣлесообразной связи. Смерть есть явная побѣда безсмыслія надъ смысломъ, хаоса надъ космосомъ. Особенно это ясно относительно живыхъ существъ высшаго порядка. Смерть человѣка есть уничтоженіе совершеннаго организма, т.-е. цѣлесообразной формы и орудія высшей разумной жизни. Такая побѣда низшаго надъ высшимъ, такое обезоруженіе духовнаго начала показываетъ, очевидно, недостаточность его силы. Но вѣдь эта сила *возрастаетъ*. Для человѣка безсмертіе есть то же, что для животнаго—разумъ; смыслъ животнаго царства есть животное разумное, т.-е. человѣкъ. Смыслъ человѣчества есть *безсмертный*, т.-е. Христосъ. Какъ животный міръ тяготеетъ къ разуму, такъ человѣчество тяготеетъ къ безсмертію. Если борьба съ хаосомъ и смертію есть сущность мірового процесса, при чемъ свѣтлая, духовная сторона хоть медленно и постепенно, но все-таки *одолѣваетъ*, то воскресеніе, т.-е. дѣйствительная и окончательная побѣда живого существа надъ смертію есть необходимый моментъ этого процесса, который въ принципѣ этимъ и оканчивается; весь дальнѣйшій прогрессъ, строго говоря, имѣетъ лишь экстенсивный характеръ — состоитъ въ универсальномъ усвоеніи этой индивидуальной побѣды или въ распространеніи ея слѣдствій на все человѣчество и на весь міръ.

Если подъ чудомъ разумѣть фактъ, противорѣчащій общему ходу вещей и потому невозможный, то воскресеніе есть прямая противоположность чуду — это есть фактъ безусловно необходимый въ общемъ ходѣ вещей; если же подъ чудомъ разумѣть фактъ, впервые случившійся, небывалый, то воскресеніе „первенца изъ мертвыхъ“ есть конечно чудо—совершенно такое же, какъ появленіе первой органической клѣточки среди неорганическаго міра, или появленіе животнаго среди первобытной растительности, или перваго человѣка среди орангутанговъ. Въ этихъ чудесахъ не сомнѣвается естественная исторія, такъ же несомнѣнно и чудо воскресенія для исторіи человѣчества. Разумѣется съ точки зрѣнія механическаго матеріализма все это — (нелѣпость)¹⁾ Но я былъ бы очень удивленъ, если бы съ вашей точки зрѣнія услышалъ какое-нибудь принципиальное возраженіе. Я увѣренъ, что идея воскресенія и „первенца изъ мертвыхъ“ для васъ такъ же естествова, какъ и для меня. Но, спрашивается, осуществилась ли она въ томъ историческомъ лицѣ, о воскресеніи котораго рассказывается въ евангеліяхъ. Вотъ основанія, которыми я подтверждаю свою увѣренность въ дѣйствительномъ воскресеніи этого лица, Иисуса Христа какъ первенца изъ мертвыхъ.

1) Побѣда надъ смертію есть необходимое натуральное слѣдствіе внутренняго духовнаго совершенства; то лицо, въ которомъ духовное начало забрало силу рѣшительно и окончательно надо всѣмъ низшимъ, не можетъ быть покорено смертію; духовная сила, достигнувъ *полноты* своего совершенства, неизбѣжно переливается, такъ сказать, черезъ край субъективно-психической жизни, захватываетъ и тѣлесную жизнь, преображаетъ ее, а затѣмъ окончательно одухотворяетъ, неразрывно связываетъ съ собою. Но именно образъ полнаго духовнаго совершенства я и нахожу въ евангельскомъ Христѣ; считать этотъ образъ вымышленнымъ я не могу по множеству причинъ, приводить которыя

¹⁾ Пропускъ.

нѣтъ надобности, такъ какъ и вы не считаете евангельскаго Христа мѣомъ. Если же этотъ духовно-совершенный человекъ дѣйствительно существовалъ, то онъ тѣмъ самымъ былъ первенецъ изъ мертвыхъ и другого такого ждать нечего.

II. Второе основаніе моеѣ вѣры позвольте пояснить сравненіемъ изъ другой области. Когда астрономъ Леверье посредствомъ извѣстныхъ вычисленій убѣдился, что за орбитой Урана должна находиться еще другая планета, а затѣмъ увидаль ее въ телескопъ именно такъ, какъ она должна была быть по его вычисленіямъ, то едва ли онъ имѣлъ какой-нибудь разумный поводъ думать, что эта видимая имъ планета не есть та, которую онъ вычислилъ, что она не настоящая, а настоящая еще можетъ быть открыта въ послѣдствіи. Подобнымъ образомъ, когда, основываясь на общемъ смыслѣ мірового и историческаго процесса и на послѣдовательности его стадій, мы находимъ, что послѣ проявленія духовнаго начала въ идейной формѣ—съ одной стороны въ философіи и художествѣ эллиновъ, а съ другой въ этическо-религіозномъ идеалѣ пророковъ еврейскихъ (понятіе Царствія Божія)—дальнѣйшій, высшій моментъ этого откровенія долженъ былъ представить явленіе того же духовнаго начала *лично и реально*, его воплощеніе въ живомъ лицѣ, которое не въ мысляхъ только и художественныхъ образцахъ, а на *дѣлѣ* должно было показать силу и побѣду духа надъ враждебнымъ дурнымъ началомъ съ его крайнимъ выраженіемъ—смертью, т.-е. должно было дѣйствительно воскресить свое матеріальное тѣло въ духовное, — и когда вмѣстѣ съ тѣмъ у свидѣтелей, очевидцевъ, неграмотныхъ евреевъ, не имѣющихъ никакого понятія о міровомъ процессѣ, его стадіяхъ и моментахъ, мы находимъ описаніе именно такого человека, лично и реально воплощающаго въ себѣ духовное начало, при чемъ они съ изумленіемъ, какъ о событіи для нихъ неожиданнымъ и невѣроятнымъ, рассказываютъ, что этотъ человекъ воскресъ, т.-е. представляютъ чисто-эмпирически, какъ послѣдовательность фактовъ, то, что для насъ имѣетъ внутреннюю логическую

связь,—видя такое совпаденіе мы рѣшительно не въ правѣ обвинять этихъ свидѣтелей въ томъ, что они выдумали фактъ, все значеніе котораго для нихъ самихъ было неясно. Это почти то же, какъ если бы мы предположили, что рабочіе, строившіе телескопъ парижской обсерваторіи, хотя ничего не знали о вычисленіяхъ Леверье, однако нарочно устроили такъ, чтобы онъ увидаль въ этотъ телескопъ призракъ несуществующаго Нептуна.

III. О третьемъ основаніи моей вѣры въ воскресеніе Христа я упомяну только въ двухъ словахъ, такъ какъ оно слишкомъ извѣстно, что не уменьшаетъ его силу. Дѣло въ томъ, что безъ факта воскресенія необычайный энтузіазмъ апостольской общины не имѣлъ бы достаточнаго основанія и вообще вся первоначальная исторія христіанства представляла бы рядъ невозможностей. Развѣ только признать (какъ это иные и дѣлали), что въ христіанской исторіи вовсе не было перваго вѣка, а что она началась прямо со втораго или даже третьаго.

Я лично, съ тѣхъ поръ какъ признаю, что исторія міра и человѣчества имѣетъ смыслъ, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ воскресеніи Христа, и всѣ возраженія противъ этой истины своею слабостью только подтверждаютъ мою вѣру. Единственное оригинальное и серьезное возраженіе, которое мнѣ извѣстно, принадлежитъ вамъ. Въ одномъ недавнемъ разговорѣ со мною вы сказали, что если признать воскресеніе и слѣдовательно особое сверхъестественное значеніе Христа, то это заставитъ христіанъ болѣе полагаться для своего спасенія на таинственную силу этого сверхъестественнаго существа, нежели на собственную нравственную работу. Но вѣдь такое злоупотребленіе истинною въ концѣ-концовъ есть лишь обличеніе злоупотребляющихъ. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ Христосъ, хотя и воскресшій, ничего окончательнаго для насъ безъ насъ самихъ сдѣлать не можетъ, то для искреннихъ и добросовѣстныхъ христіанъ никакой опасности квіетизма тутъ быть не можетъ. Ее еще можно было бы допустить, если бы воскресшій

Христось имѣлъ для насъ видимую дѣйствительность, но при настоящихъ условіяхъ, когда дѣйствительная, личная связь съ нимъ можетъ быть только духовною, что предполагаетъ собственную нравственную работу человѣка, — только лицемѣры, или негодяи могутъ ссылаться на благодать въ *ущербъ* нравственнымъ обязанностямъ. Къ тому же Богочеловѣкъ не есть всепоглощающее абсолютное восточныхъ мистиковъ и соединеніе съ нимъ не можетъ быть односторонне-пассивнымъ. Онъ есть первенецъ изъ мертвыхъ, указатель пути, вождь и знамя для дѣятельной жизни, борьбы и совершенствованія, а не для погруженія въ Нирвану.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были практическія послѣдствія воскресенія Христова, вопросъ объ истинѣ его рѣшается не ими.

Мнѣ было бы въ высшей степени интересно знать, что вы скажете объ этомъ по существу.

Обоснованіе мистическаго эмпиризма ¹⁾).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Элементарные методы знанія.

I. Теорія мистическаго эмпиризма (теорія непосредственнаго усмотрѣнія связи основанія и слѣдствія).

Сужденіе есть актъ дифференціаціи объекта путемъ сравненія. Въ результатѣ этого акта, при успѣшномъ выполненіи его, мы имѣемъ предикатъ Р, т.-е. дифференцированную сторону дѣйствительности, субъектъ, т.-е. часть дѣйствительности, ближайшимъ образомъ подвергавшуюся дифференціаціи и характеризуемую признакомъ S и необходимое отношеніе (отношеніе основанія и слѣдствія) между субъектомъ и предикатомъ, такъ какъ предикатъ есть элементъ или сторона (aspect) субъекта.

Дифференціація путемъ сравненія выдѣляетъ Р, но она выдѣляетъ его *изъ* объекта S, какъ элементъ этого объекта, т.-е. съ сознаниемъ связи между S и Р. Если бы не было этого сохраненія и усмотрѣнія связи между Р и объектомъ S, то не было бы и сужденія. Слѣдовательно, теорія сужденія должна допускать, что мы сознаемъ не только *элементы* міра, но и *отношенія* между этими элементами, процессы дѣйствованія, функціональныя зависимости и т. п., какъ *живое, реальное единеніе*. Мистическій эмпиризмъ (интуитивизмъ) удовлетворяетъ этому требованію, такъ какъ утверждаетъ, что весь міръ со всѣмъ своимъ содержаніемъ, со

¹⁾ «Вопр. фил. и Псих.» № 78.

всѣми своими элементами и связями между ними, непосредственно данъ познающему субъекту.

Сужденія, возникающія этимъ простымъ путемъ усмотрѣнія связи между основаніемъ и слѣдствіемъ, суть сужденія воспріятія. Процессы воспріятія могутъ быть двухъ родовъ: прямые и косвенные. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ элементы дѣйствительности соединены другъ съ другомъ необходимыми связями, связями основанія и слѣдствія, такъ что если дана часть дѣйствительности S , то вмѣстѣ съ нею неизбѣжно и необходимо должна быть дана (быть можетъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ) и нѣкоторая другая часть дѣйствительности P . Отсюда, если объекты реально содержатся въ актахъ воспріятія познающаго существа, является возможность слѣдующихъ двухъ формъ воспріятія. Въ однихъ случаяхъ мы воспринимаемъ нѣкоторую сложную часть дѣйствительности S и, не выходя за ея предѣлы, подвергаемъ ее дифференціаціи и находимъ въ ея составѣ элементъ P , какъ необходимую сторону цѣлаго. Такія воспріятія мы будемъ называть *прямыми*. Въ другихъ случаяхъ мы воспринимаемъ часть дѣйствительности S , но вслѣдъ за этимъ выходимъ за ея предѣлы, прослѣживая необходимую связь ея съ другою частью дѣйствительности P и воспринимая такимъ образомъ это P въ его необходимомъ отношеніи къ S . Такія воспріятія мы будемъ называть *косвенными*.

Сужденіе есть не что иное, какъ дифференцированный путемъ сравненія въ какомъ-либо отношеніи объектъ. То отношеніе, которое дифференцировано въ сужденіи, само обладаетъ всегда богатымъ содержаніемъ и находится въ связи со всевозможными другими объектами. Отсюда слѣдуетъ, что всякое сужденіе само можетъ стать матеріаломъ для дальнѣйшаго построенія знанія. Построеніе новаго сужденія изъ матеріала уже существующихъ сужденій называется *умозаключеніемъ*. Какъ и воспріятія, умозаключенія могутъ быть двухъ родовъ—*прямыя* и *косвенныя*. Въ однихъ случаяхъ мы, не выходя за предѣлы данныхъ сужденій, накладываемъ ихъ другъ на друга (если дано нѣсколько су-

жденій) такъ, что субъекты ихъ образуютъ одно цѣлое, а предикаты другое цѣлое, и затѣмъ подвергаемъ эти цѣлыя дальнѣйшей общей для всѣхъ ихъ частей дифференціаціи (что возможно не иначе, какъ при наличности тождественнаго содержанія въ этихъ частяхъ), получая изъ нихъ новые субъектъ и предикатъ, т.-е. новое сужденіе. Такія умозаключенія мы будемъ называть *прямыми*. Въ другихъ случаяхъ мы комбинируемъ данныя сужденія (если ихъ нѣсколько) такъ, что они образуютъ цѣпь, соединяясь своими однородными по содержанію элементами (слѣдовательно, эта операція возможна лишь въ томъ случаѣ, если субъекты или предикаты или субъектъ и предикатъ пары различныхъ сужденій заключаютъ въ себѣ тождественные элементы) и затѣмъ выходимъ за предѣлы связей этой цѣпи, замыкая ее т.-е. прослѣживая нѣкоторую новую связь, соединяющую разнородные элементы цѣпи. Такія умозаключенія мы будемъ называть *косвенными или дедуктивными*.

Прямая воспріятія и умозаключенія образуютъ группу *прямыхъ методовъ знанія*, а косвенныя воспріятія и умозаключенія образуютъ группу *косвенныхъ методовъ знанія*. Между этими группами существуютъ глубокія различія, и всѣ они вытекаютъ изъ того, что въ прямыхъ методахъ всѣ элементы высказываемаго сужденія усматриваются прямо въ содержаніи взятаго для опознанія матеріала, а въ косвенныхъ методахъ одинъ изъ элементовъ сужденія усматривается косвенно путемъ выхода за предѣлы взятаго для опознанія матеріала. Иными словами, такъ какъ субъектъ и предикатъ сужденія относятся другъ къ другу, какъ основаніе и слѣдствіе, это значитъ, что въ прямыхъ методахъ основаніе и слѣдствіе даны и намъ остается только выразить отношеніе между ними въ дифференцированной формѣ, тогда какъ въ косвенныхъ методахъ мы должны, принявъ данное за основаніе, подыскать къ нему сначала слѣдствіе, или, наоборотъ, принявъ данное за слѣдствіе, подыскать къ нему основаніе и тогда уже высказать это отношеніе въ дифференцированной формѣ.

Оба эти метода возможны лишь въ томъ случаѣ, если въ опытѣ непосредственно даны не только элементы міра, но и всѣ связи между ними, не исключая связей основанія и слѣдствія. Кромѣ того, косвенные методы возможны лишь въ томъ случаѣ, если воспринятый объектъ, служащій исходнымъ пунктомъ развитія этого рода знанія, присутствуя реально въ актѣ знанія, реально влечетъ за собою свои основанія и такимъ образомъ самъ *выводитъ* насъ за свои предѣлы, заставляетъ насъ прослѣдить свои отношенія къ другимъ элементамъ міра.

Строго говоря, согласно теоріи интуитивизма, всѣ процессы знанія, не исключая и умозаключеній, суть процессы воспріятія и различія между ними опредѣляются лишь тѣмъ, строится ли сужденіе на основаніи прямого или косвеннаго воспріятія, а также тѣмъ, строится ли сужденіе на основаніи уже существующихъ сужденій или безъ ихъ помощи.

Разсмотримъ теперь подробно различія между этими формами знанія и затѣмъ уже, въ концѣ главы, сравнимъ теорію интуитивизма съ другими теоріями, чтобы показать, что безъ признанія данности въ воспріятіи связей основанія и слѣдствія нельзя объяснить процессъ возникновенія сужденія.

II. Прямые методы.

Простѣйшій изъ прямыхъ методовъ знанія есть построеніе сужденія на основаніи одного акта воспріятія, путемъ дифференцированія непосредственно даннаго въ немъ и еще необработаннаго въ познаніи содержанія. Развитое сознаніе, опираясь на прошлый опытъ, легко дифференцируетъ непосредственно данный матеріалъ и тотчасъ же выходитъ дальше за его предѣлы, вслѣдствіе чего получается косвенное воспріятіе. Слѣдовательно, чистыя формы сужденій прямого воспріятія должны встрѣчаться преимущественно на низшихъ ступеняхъ развитія сознанія. Впрочемъ, съ другой стороны по мѣрѣ своего развитія сознаніе охватываетъ

сразу все большіе круги дѣйствительности и, благодаря этому нѣкоторыя категоріи сужденій, имѣвшія на средней ступени развитія косвенный характеръ, на болѣе высокой ступени развитія могутъ перейти въ разрядъ прямыхъ. Такъ, напр., сужденія „въ этой комнатѣ темно“ или „N. поскольку и упалъ“ въ развитомъ человѣческомъ сознаніи относятся къ числу прямыхъ сужденій воспріятія. Они могутъ быть не только единичными, но и общими, какъ это слѣдуетъ изъ ученія, которое мы отстаивали въ главѣ объ „Общемъ и индивидуальномъ“. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ, напр., когда ребенокъ говоритъ „огонекъ сельдитый, дѣлаетъ бо, бо (больно)“, эти сужденія такъ неясно обрисовываются, что нельзя рѣшить принадлежатъ ли они къ числу общихъ или единичныхъ.

Слѣдующій, болѣе сложный прямой методъ относится уже къ числу умозаключеній. Онъ состоитъ въ томъ, что новое сужденіе строится путемъ дифференціаціи одного или нѣсколькихъ уже существующихъ сужденій. Какъ сказано выше, въ этомъ случаѣ данныя сужденія (если ихъ нѣсколько) накладываются другъ на друга такъ, что субъекты ихъ образуютъ одну группу, а предикаты другую, и затѣмъ эти цѣлыя подвергаются общей для всѣхъ ихъ частей дифференціаціи, вслѣдствіе чего изъ нихъ получаются новые субъектъ и предикатъ, т.-е. новое сужденіе.

Общая дифференціація для группы субъектовъ, а также для группы предикатовъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если они съ какой-либо стороны обладаютъ общимъ содержаніемъ, если въ нихъ есть тождественное во многомъ, напр. если въ качествѣ посылокъ даны сужденія $S_m \text{---} nP$, $S_a \text{---} cP$ и т. п. Мало того, получивъ изъ этихъ сужденій путемъ дифференціаціи ихъ S и P , мы только тогда можемъ придти къ новому сужденію „ $S \text{---} P$ “, если сознаемъ существованіе связи между S и P , если P сознается, какъ сторона (aspect) функція, дѣйствіе, вообще какъ слѣдствіе S . Иными словами, это значить, что дифференціаціи подвергаются въ посылкахъ не только субъекты, но и связь между ними, такъ

что связь „S—P“ была уже дана въ посылкахъ, однако еще въ недифференцированной формѣ.

Описанный нами процессъ вскрываетъ тождественное содержаніе нѣсколькихъ сужденій, слѣдовательно, въ результатѣ его получается сужденіе, болѣе общее или во всякомъ случаѣ не менѣе общее (когда дифференцируется одно лишь сужденіе), чѣмъ каждое изъ данныхъ сужденій (посылки). Такой процессъ сужденія мы будемъ называть *обобщеніемъ* или *прямымъ индуктивнымъ умозаключеніемъ* въ отличіе отъ косвенной индукціи, о которой рѣчь будетъ ниже. Прямымъ мы называемъ это индуктивное умозаключеніе потому, что въ немъ связь S и P усматривается непосредственно не только въ содержаніи всѣхъ посылокъ вмѣстѣ, но даже и въ каждой посылкѣ въ отдѣльности.

Теоріи, развиваемыя въ логикѣ, имѣютъ въ виду только тотъ процессъ индуктивнаго умозаключенія, который мы называемъ косвеннымъ. Поэтому мы опасаемся, что наши взгляды на индукцію вызовутъ рядъ недоумѣній. Во избѣжаніе ихъ мы обращаемъ вниманіе на то, что сложный научный методъ, который принято называть индукціею, не упущенъ нами изъ виду и будетъ разсмотрѣнъ позже, среди косвенныхъ методовъ знанія. Но тамъ мы покажемъ, что эта сложная научная косвенная индукція возможна лишь на почвѣ гораздо болѣе простого, безхитростнаго индуктивнаго умозаключенія, которое мы называемъ прямымъ. Въ свою очередь эта прямая индукція возможна лишь при наличности нѣкоторыхъ условій, облегчающихъ процессъ обобщенія; они состоятъ въ слѣдующемъ: связи причиненія, функциональной зависимости и т. п., вообще связи основанія и слѣдствія непосредственно даны въ воспріятіи познающему субъекту; слѣдовательно элементы дѣйствительности покрыты какъ бы мѣтками, показывающими, какія пары явленій сопринадлежны. Отсюда, если принять въ расчетъ развитое въ предыдущей главѣ реалистическое ученіе объ общемъ, слѣдуетъ, что всякое обобщеніе могло бы быть слѣдано изъ одного единичнаго акта воспріятія, такъ какъ

всякій частный случай, подходящий подъ обобщеніе, заключаетъ въ себѣ весь матеріалъ, составляющій содержаніе обобщенія—„всякое S есть P“. Обыкновенно, однако мы дѣлаемъ обобщеніе только послѣ воспріятія цѣлаго ряда частныхъ случаевъ, подходящихъ подъ общій законъ; многочисленность фактовъ необходима не потому, чтобы повторенія *создавали* связь между S и P, а потому, что связь, данная уже въ каждомъ отдѣльномъ воспріятіи, бываетъ, обыкновенно, неясно дифференцирована, такъ что мѣтки на явленіяхъ слабо отличаются другъ отъ друга своими отѣнками и повторенія воспріятія содѣйствуютъ тѣмъ процессамъ сравненія, благодаря которымъ изъ хаоса дѣйствительности отчетливо дифференцируется пара явленій S и P, а также связь между ними. Само собою разумѣется, дифференціаціи связей особенно содѣйствуютъ тѣ случаи, когда содержаніе различныхъ воспріятій варьируется или въ томъ смыслѣ, что S и P въ различныхъ воспріятіяхъ сохраняются, а другія сопутствующія явленія мѣняются (случаи, соотвѣтствующіе методу единственнаго совпаденія въ косвенной индукціи), или въ томъ смыслѣ, что всѣ сопутствующія обстоятельства сохраняются неизмѣнными, а S удаляется, присоединяется или измѣняется по количеству, при чемъ соотвѣтствующія перемѣны происходятъ и въ P (случаи, соотвѣтствующіе методу единственнаго различія въ косвенной индукціи). Тѣмъ не менѣе воспріятія функциональныхъ и причинныхъ связей, какъ и всѣ вообще воспріятія отношеній принадлежатъ къ числу чрезвычайно однообразныхъ переживаній, и потому дифференцированіе ихъ требуетъ виртуозной способности различенія и отождествленія. Во многихъ случаяхъ необходимъ талантъ или геній, чтобы прослѣдить ту тонкую нить, которая связываетъ между собою явленія и самый актъ этого усмотрѣнія сопутствуется чувствованіями, показывающими, что въ немъ познающій субъектъ особенно глубоко погрузился въ объективное интуитивно-данное содержаніе воспріятія. Фонсегривъ въ своей статьѣ „Généralisation et induction“ говоритъ ¹⁾: „Замѣча-

¹⁾ Revue philosophique, XLI, 1896, апрѣль, стр. 373.

тельно, что ученые, рассказывая о своих открытіяхъ, если они не задаются цѣлью согласовать свое описаніе съ предвзятою методологіею, заимствованною у философовъ и въ большинствѣ случаевъ ложною, употребляютъ слѣдующія и подобныя имъ выраженія: „мнѣ пришла на умъ идея; я былъ внезапно пораженъ; у меня тогда явилось какъ бы внезапное озареніе (illumination)“. Они отмѣчаютъ также, что открытіе ихъ совершилось не медленнымъ и непрерывнымъ путемъ посредствомъ накопленія опытовъ, а неожиданно, внезапно, вдругъ: точно завѣса разорвалась, поднялся покровъ, блеснула молнія. Въ этихъ случаяхъ скорѣе объектъ открываетъ себя ученому, чѣмъ ученый открываетъ его, соотвѣтственно ученію перипатетиковъ, что разумъ остается пассивнымъ при процессѣ абстракціи. Поэтому многія открытія были сдѣланы на основаніи одного опыта. Второй опытъ бываетъ необходимъ въ томъ случаѣ, если ученому не удалось ничего усмотрѣть въ первомъ“. По мнѣнію Клодь Бернара въ изслѣдованіи истины путемъ опыта „чувству всегда принадлежитъ инициатива, оно порождаетъ *априорную* идею или интуицію“, затѣмъ разумъ развиваетъ эту идею, а опытъ (методически подобранныя новыя наблюденія или эксперименты) контролируетъ выводы разума. Априорная идея есть своего рода „интуитивная антиципация разума, ведущая къ счастливой находкѣ“. Она „появляется какъ новое или неожиданное отношеніе, которое разумъ замѣчаетъ между вещами“. Геніальность характеризуется этимъ „утонченнымъ чувствомъ (*sentiment délicat*), qui pressent d'une manière juste les lois des phénomènes de la nature“ ¹⁾, но должно подвергаться контролю методическаго наблюденія и эксперимента. Здѣсь слѣдуетъ, конечно прибавить, что Клодь Бернаръ, описывая тотъ же фактъ прозрѣнія, на какой указываемъ и мы, объясняетъ его не въ духѣ нашего интуитивизма, а скорѣе въ духѣ до-кантовскаго рационализма, допускающаго существованіе врожденныхъ идей. „Экспериментальная идея,—говоритъ онъ,—воз-

¹⁾ Claude Bernard, Introduction a l'étude de la médecine expérimentale, стр. 50, 59, 77.

никаетъ изъ своего рода предчувствія разума, который судить, что явленія должны происходить извѣстнымъ образомъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ нашемъ разумѣ есть интуиція или чувство законовъ природы, но мы не знаемъ формы ихъ и только опытъ можетъ указать намъ ее“. „Разумъ человѣка отъ природы обладаетъ чувствомъ или идеею принципа, который управляетъ частными случаями“ 1). Поэтому между прочимъ Клодъ Бернаръ полагаетъ, что индуктивное изслѣдованіе есть лишь одинъ изъ видовъ дедукціи, т.-е. состоитъ въ переходѣ отъ общаго къ частному.

Со взглядами Клодъ Бернара сходны взгляды Либиха, поскольку онъ полагаетъ, что въ естествознаніи всякое изслѣдованіе имѣетъ дедуктивный или апріорный характеръ, такъ какъ руководится апріорною идеею 2). Для насъ особенно интересно то, что онъ рѣшительно отрицаетъ необходимость *многихъ* наблюденій для индуктивнаго обобщенія. „Всякій, кто сколько-нибудь ознакомился съ природою,—говоритъ онъ,—знаетъ, что всякое явленіе природы, всякое событіе въ природѣ вполнѣ и нераздѣльно содержитъ въ себѣ весь законъ или всѣ законы, по которымъ оно возникаетъ; поэтому истинный методъ отправляется не отъ многихъ случаевъ, какъ хочетъ Беконъ, а отъ одного единственнаго случая; когда этотъ случай объясненъ, то вмѣстѣ съ этимъ объяснены и всѣ аналогичные случаи; нашъ методъ есть древній аристотелевскій методъ, только примѣненный съ гораздо большимъ искусствомъ и опытностью“ 3). Обдавая презрѣніемъ Бекона, онъ остроумно замѣчаетъ: „методъ Бекона есть методъ многихъ случаевъ, а такъ какъ каждый необъясненный случай есть ноль, и тысячи нолей, въ какомъ бы порядкѣ ни поставить ихъ, не составляютъ никакого числа, то отсюда ясно, что весь его индуктивный

1) Тамъ же, стр. 61, 83.

2) I. v. Liebig, Ueber Francis Bacon von Verulam und die Methode der Naturforschung, стр. 49.

3) Тамъ же, стр. 47.

процессъ сводится къ безцѣльному переключиванію то туда, то сюда неопредѣленныхъ чувственныхъ воспріятій“¹⁾).

Въ своей статьѣ *Généralisation et induction* Фонсегривъ указываетъ, кромѣ Клодь Бернара и Либиха, также на Гете и Тиндаля, которые пользуются терминомъ „интуиція“, описывая процессъ научнаго открытія²⁾. Самъ Фонсегривъ развиваетъ въ этой статьѣ теорію индукціи, которую онъ называетъ интуитивною: по его мнѣнію, отличить существенныя черты даннаго явленія отъ случайныхъ сопутствующихъ обстоятельствъ и такимъ образомъ установить типъ явленія можно не иначе, какъ путемъ интуиціи; далѣе, подъ этотъ интуитивно установленный типъ мы дедуктивно подводимъ попадающіеся намъ конкретные случаи и при этомъ опять-таки интуитивно, усматриваемъ *возможность* безконечнаго количества подобныхъ подведеній. Слѣдовательно, индукція состоитъ изъ двухъ актовъ интуитивнаго усмотрѣнія и изъ одного акта дедуктивнаго умозаключенія.

Но, конечно, интуиція, о которой говоритъ Фонсегривъ, глубоко отличается отъ допускаемой нами интуиціи: мы полагаемъ, что въ опытѣ данъ непосредственно реальный транссубъективный міръ, тогда какъ Фонсегривъ признаетъ всѣ элементы познавательнаго процесса за содержаніе разума, чувственности, вообще душевной жизни познающаго субъекта. Однако онъ утверждаетъ, что необходимыя связи могутъ быть усмотрѣны даже и въ единичномъ данномъ въ опытѣ случаѣ; слѣдовательно, онъ сходится съ нами въ томъ, что опытъ даетъ не только временныя или пространственныя, но и болѣе глубокія и при томъ необходимыя связи между явленіями.

Замѣчательно, что даже и тѣ ученые, которые не при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 48. Между прочимъ Клодь Бернаръ также замѣчаетъ, что правила, устанавливаемыя Бекономъ и ему подобными философами, могутъ „показаться восхитительными людямъ, которые видятъ науку лишь издалека“, но не настоящимъ ученымъ. *Introduction* и т. д., стр. 394.

²⁾ *Revue philosophique*, XLI. май, стр. 528.

знають интуитивнаго характера индукціи, такъ или иначе обнаруживаютъ склонность коснуться этого вопроса, или, признавая, что въ процессѣ индуктивнаго умозаключенія обнаруживается какая-то особенная проницательность ума ¹⁾, или указывая на то, что теорія индуктивнаго умозаключенія, дающая еще со временъ Аристотеля такъ много труда ученымъ и до сихъ поръ далекая отъ завершения, была бы легко построена, если бы можно было допустить, что силы, дѣйствующія въ природѣ, доступны воспріятію, какъ силы. Такъ, напр., Юмъ говоритъ, что если бы сила или энергія какой-нибудь причины могли быть открыты умомъ, мы были бы въ состояніи предвидѣть дѣйствіе даже безъ помощи опыта и могли бы сразу съ увѣренностью высказывать о немъ сужденіе съ помощью одного только мышленія и разсужденія“ ²⁾. Точно такъ же Каринскій въ своей „Классификаціи выводовъ“ признаетъ, что „если бы имѣли мы въ воспріятіи самую производящую явленіе силу, намъ не было бы никакой нужды при помощи методовъ исключенія доискиваться причинной связи между явленіями; мы могли бы тогда разгадывать эту связь прямымъ путемъ изъ анализа самыхъ явленій, производящихъ одно другое“ ³⁾.

Впрочемъ, намъ нечего доказывать, что индукція становится легко объяснимою, если допустить, что необходимыя связи между явленіями даны въ воспріятіи. Съ этимъ, вѣроятно, всѣ согласятся безъ дальнихъ разсужденій, но могутъ при этомъ возразить, что трудно рѣшиться на такое допущеніе. Поэтому въ дополненіе къ сказанному нужно подчеркнуть тѣ соображенія, которыя дѣлаютъ это допущеніе необходимымъ. Самое главное изъ нихъ состо-

¹⁾ Напр. Джевонсъ говоритъ: «Есть какая-то врожденная проницательность, которую обладаютъ немногіе и которая даетъ имъ возможность, конечно не безъ труда и временныхъ ошибокъ, открывать одно во многомъ». Основы науки, перев. Антоновича, стр. 584.

²⁾ Юмъ, Изслѣд. челов. разумѣнія, перев. Церетели, стр. 70.

³⁾ Каринскій, Классификація выводовъ, стр. 8. См. также объ интуиціи, какъ источникѣ индуктивнаго умозаключенія, Lachelier, Du fondement de l'induction, 4. изд., стр. 25—36.

ить въ томъ, что познаваемый міръ имманентенъ процессу знанія, разобщенія между познаваемымъ объектомъ и познающимъ субъектомъ нѣтъ; поэтому если міръ есть не беспорядочная груда явленій, а необходимое единство, то и связи, создающія это единство, даны такъ же непосредственно, какъ весь міръ. И въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь къ объективному содержанію воспріятій и сужденій нетрудно замѣтить въ немъ наличность самыхъ разнообразныхъ отношеній, не только пространственныхъ и временныхъ, но и отношеній причиненія, функциональной зависимости, субстанціального единства, мотива и поступка и т. п. Различія между этими переживаніями не отрицаютъ даже и такіе философы, какъ Юмъ, они только не признаютъ ихъ объективности и производятъ ихъ изъ комбинацій различныхъ временныхъ отношеній съ различными эмоціями познающаго субъекта. Вслѣдствіе этого имъ приходится строить скептическую теорію индукціи. Однако въ концѣ настоящей главы, разсмотрѣвъ косвенную индукцію, мы постараемся показать, что философы, отрицающіе воспріятіе необходимой связи между вещами, не могутъ построить никакой, даже и скептической теоріи индукціи, и въ этомъ будетъ заключаться послѣдній аргументъ въ пользу нашей теоріи.

Намъ могутъ сказать, что мы занимаемся механизмомъ индуктивнаго умозаключенія, такъ сказать, онтологическою его стороною, между тѣмъ какъ теорія знанія должна рѣшить совсѣмъ другой вопросъ: она должна изслѣдовать, какое право имѣемъ мы на индуктивныя умозаключенія. Это различіе дѣйствительно имѣетъ огромное значеніе для теорій, согласно которымъ отношеніе между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ міромъ таково, что вопросы о происхожденіи сужденія и о правѣ на сужденіе могутъ рѣшаться независимо другъ отъ друга. Не слѣдуетъ однако думать, будто всѣ теоріи знанія таковы. По крайней мѣрѣ въ теоріи знанія интуитивизма, отрицающей разобщеніе между познаваемымъ міромъ и познающимъ субъектомъ, та-

кого раздѣленія быть не можетъ: въ ней всякій вопросъ о происхожденіи есть также вопросъ о правѣ и наоборотъ. Въ подтвержденіе этого положенія покажемъ, что права на прямое индуктивное умозаключеніе установлены уже нами въ изложеніи механизма этого процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы установить логическую правомѣрность индуктивнаго умозаключенія, нужно показать, что мы имѣемъ право, опираясь на одно или нѣсколько воспріятій, признать, во-первыхъ, что воспріятыя нами S и P соединены другъ съ другомъ объективно необходимою связью и, во-вторыхъ, что эта связь существуетъ между „всѣми S“ и P. На первый вопросъ интуитивизмъ отвѣчаетъ такъ: показателемъ истинности познанія служить *наличность* самого познаваемого бытія. Связь между S и P вовсе не производится и даже не воспроизводится познающимъ субъектомъ, она просто *констатируется* въ воспріятіи въ виду того, что наличный объектъ S безъ всякаго содѣйствія со стороны познающаго субъекта влечетъ за собою наличность также и объекта P, и для обнаруженія этой связи въ чистой формѣ нуженъ только *анализъ* воспріятія. Поскольку связь между S и P обладаетъ указанными свойствами, она есть принадлежность самого познающаго объекта, и потому мы имѣемъ право утверждать ее.

Вопросъ, какое право имѣемъ мы дѣлать обобщенія, т.-е. утверждать, что „всѣ S“ связаны съ P, замѣтивъ, что *нѣсколько* S связаны съ P, можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ только тою теоріею, которая показываетъ, что обобщеніе дѣликомъ относится къ *наличному* бытію, т.-е. содержитъ въ себѣ имманентное знаніе. Вопросъ этотъ чрезвычайно затруднителенъ потому, что на первый взглядъ кажется, будто индуктивное умозаключеніе есть перенесеніе свойствъ нѣсколькихъ воспріятыхъ явленій на безчисленное множество невоспріятыхъ явленій. Въ такомъ случаѣ индуктивное умозаключеніе имѣло бы характеръ трансцендентнаго знанія. Такъ и смотритъ на него современная логика, но такъ какъ при этихъ условіяхъ оно было

бы лишено всякихъ оснований, то большинство современныхъ теорій обосновываютъ право на такой переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному съ помощью ученія о единообразіи природы. Такимъ образомъ оказывается, что всякое индуктивное умозаключеніе есть силлогизмъ, большею посылкою котораго служить законъ единообразія природы. Однако эта теорія не только не разрѣшаетъ всѣхъ затрудненій, но ведетъ еще къ новымъ. Во-первыхъ, она не можетъ отвѣтить на вопросъ, откуда получилась посылка о единообразіи природы. Во-вторыхъ, превращая всѣ процессы умозаключенія въ дедуктивные, она, какъ мы покажемъ далѣе, не можетъ объяснить возникновенія всѣхъ общихъ сужденій. Наконецъ, въ-третьихъ, никакія ссылки на законъ единообразія природы не спасаютъ индуктивнаго умозаключенія отъ трансцендентнаго характера, если разумѣть подъ единообразіемъ природы безчисленную *повторяемость* однородныхъ, но *численно различныхъ* явленій. При этихъ условіяхъ, сколько бы разъ мы ни наблюдали связь S съ P, если мы скажемъ, что и въ будущемъ S всегда окажется связаннымъ съ P, наше утвержденіе имѣетъ только характеръ *воспоминанія о воспріятомъ нами прошломъ*, и совершенно невозможно понять, откуда эти воспоминанія могли бы почерпнуть силу *охватывать* будущее, если будущее есть новый процессъ и если этотъ новый процессъ не производится нашими воспоминаніями.

Подробнѣе объ этихъ вопросахъ мы поговоримъ въ концѣ главы послѣ разсмотрѣнія косвенной индукціи, а теперь покажемъ, какъ выходитъ изъ затрудненій интуитивизмъ. Очевидно, въ вопросѣ о происхожденіи *обобщенія* онъ долженъ опереться на реалистическое ученіе объ общемъ, изложенное въ предыдущей главѣ. На основаніи этого ученія можно сказать, что въ индуктивномъ умозаключеніи вовсе нѣтъ перехода отъ данныхъ случаевъ къ *новымъ*, неизвѣстнымъ случаямъ; вообще въ индуктивномъ умозаключеніи нѣтъ и рѣчи о количествѣ случаевъ и объемѣ сужденій: въ немъ, какъ и вездѣ въ процессахъ мышленія, всѣ преобразова-

нія совершаются въ содержаніи сужденій, а отсюда уже, какъ *побочное* явленіе, возникаютъ также и преобразованія въ объемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ посылокъ намъ извѣстно, что $aS - P_m$, $bS - P_n$ и т. п., а въ выводѣ мы узнаемъ, что наличность одного S , безъ всякихъ дополненій вродѣ a , b и т. п., съ необходимостью влечетъ за собою P . Здѣсь нѣтъ рѣчи объ объемѣ, однако расширеніе объема знанія здѣсь *можетъ* возникнуть, какъ побочное явленіе, въ томъ случаѣ, если S окажется многообъемлющею индивидуальностью ¹⁾, если, будучи *тѣмъ же самымъ* S , оно можетъ комбинироваться не только съ a или b , но и съ c , d , е... Поскольку въ этихъ случаяхъ есть S и P , они охватываются нашимъ знаніемъ, но они вовсе не новы для насъ: такъ какъ они въ полномъ смыслѣ этого слова тождественны съ тѣми S и P , которые были въ посылкахъ $aS - P_m$, $bS - P_n$, то наша формула „ S есть P “ не предсказывала объ этихъ случаяхъ по воспоминанію только, не намекала на нихъ, а прямо *содержала* ихъ въ себѣ, безвременно охватывала все неисчислимое количество ихъ. Наоборотъ, то, что дѣйствительно ново въ этихъ новыхъ случаяхъ, напр. наличность d въ случаѣ $dS - P_r$, вовсе и не предсказывается нашею формулою и узнается изъ какого-либо иного источника въ тотъ моментъ, когда мы хотимъ воспользоваться своею формулою для цѣлей дедуктивнаго умозаключенія, напр., когда мы говоримъ „ d есть S “, но „ S есть P “, значить, „ d есть P “. Такъ какъ практически мы пользуемся своимъ знаніемъ съ помощью такихъ дедуктивныхъ примѣненій его все къ новымъ и новымъ случаямъ, то вниманіе наше охотно сосредоточивается на множественности комбинацій S съ другими элементами дѣйствительности и потому мы склонны подчеркивать въ своей формулѣ ея объемъ, говоря „*есть* S “; такимъ образомъ *производное* свойство индуктивнаго умозаключенія выдвигается на первый планъ и сбиваетъ изслѣдователя процессовъ мышленія съ правильного пути.

1) См. предыдущую главу «Вопр. фил.», кн. 78, стр. 208—211.

Имѣя въ виду наше допущеніе непосредственной данности въ воспріятіи необходимыхъ связей между сторонами дѣйствительности, намъ могутъ замѣтить, наконецъ, что при этомъ условіи процессъ знанія не представлялъ бы никакихъ затрудненій, и наука давно уже была бы законченнымъ цѣлымъ. Въ отвѣтъ на это мы можемъ съ соотвѣствующими измѣненіями повторить то, что уже было сказано вообще по поводу ученія о данности познаваемаго міра: мы лишь ввели условіе, безъ котораго индуктивное умозаключеніе было бы совершенно невозможно и необъяснимо, однако и при наличности этого условія индуктивное умозаключеніе остается труднымъ дѣломъ. Прежде всего, такъ какъ содержаніе дѣйствительности неисчерпаемо, нужно обладать огромнымъ тактомъ въ выборѣ тѣхъ сторонъ ея, тѣхъ S и P , которыя заслуживаютъ изслѣдованія. Далѣе, чтобы установить, какія стороны дѣйствительности суть слѣдствіе изъ S или, наоборотъ, основаніе для P , необходимо вполне отчетливо дифференцировать связь между S и P , что не легко, такъ какъ отношенія вообще даютъ слишкомъ мало опорныхъ пунктовъ для сравненія. Поэтому первичныя обобщенія неизбежно должны быть неточными, неясными или даже совершенно ложными. Слѣдующіе примѣры могутъ пояснить характеръ этой недифференцированности. Такое обобщеніе, какъ „мы слышимъ ушами“, заключаетъ въ себѣ зерно истины въ томъ смыслѣ, что наличность извѣстныхъ процессовъ въ слуховомъ аппаратѣ есть часть причины воспріятія слуховыхъ ощущеній, однако въ примитивномъ мышленіи это правильное усмотрѣніе связи между двумя процессами, съ одной стороны, покрыто толстою корою представленій, не относящихся къ дѣлу (ухо, какъ цѣлое; слышаніе, какъ процессъ не только воспріятія ощущеній, но и воспріятія рѣчи и т. п.), а съ другой стороны, лишено нѣкоторыхъ необходимыхъ оговорокъ и ограниченій (кромѣ процессовъ въ слуховомъ аппаратѣ для воспріятія нужны еще процессы въ головномъ мозгу, а также въ сферѣ я, напр. вниманіе и т. п.). На основаніи нѣсколь-

кихъ опытовъ мы безъ труда замѣчаемъ, что „чѣмъ ближе положень орѣхъ къ углу шипцовъ, тѣмъ легче его расшелкнуть“, но усмотрѣть, что облегченіе зависитъ отъ отношенія между разстояніемъ орѣха отъ угла шипцовъ и разстояніемъ точки приложенія силы отъ угла шипцовъ гораздо труднѣе, потому что условія сравненія разныхъ переживаній неблагопріятствуютъ этой дифференціаціи ихъ. Точно такъ же не трудно замѣтить, что „если разжать пальцы, то вещь, которую держишь ими, упадетъ, такъ какъ она *тяжела*“; но замѣтить, что тяжесть обусловлена землею, трудно, потому что притяженіе земли есть факторъ неизмѣнно наличный въ нашемъ опытѣ и этимъ обстоятельствомъ затрудняется дифференцированіе его путемъ сравненія.

Ошибки, неизбежныя въ первоначальныхъ обобщеніяхъ вслѣдствіе неполной дифференціаціи элементовъ дѣйствительности и отношеній между ними, могутъ быть трехъ родовъ: во-первыхъ, субъектъ или предикатъ (или оба вмѣстѣ) могутъ заключать въ себѣ лишніе элементы, во-вторыхъ, субъектъ или предикатъ (или оба вмѣстѣ) могутъ быть лишены нѣкоторыхъ необходимыхъ элементовъ и, наконецъ, въ-третьихъ, обѣ эти ошибки, т.-е. присутствіе лишнихъ и отсутствіе необходимыхъ элементовъ могутъ встрѣтиться вмѣстѣ въ одномъ и томъ же сужденіи. Несовершенство нашего мышленія и до сихъ поръ еще такъ велико, что большинство сужденій, даже и принятыхъ въ науки, заключаетъ въ себѣ всѣ перечисленныя ошибки, какъ мы постараемся показать позже. Остается только утѣшаться тѣмъ, что во многихъ случаяхъ эти ошибки не представляютъ собою прямо лжи, а принадлежать къ числу неточностей, заключаютъ въ себѣ недоразвитую мысль. Таковы, напр., въ большинствѣ тѣ случаи, когда субъектъ заключаетъ въ себѣ лишніе, еще не выдѣленные изъ него элементы; иногда также отсутствіе необходимыхъ элементовъ въ субъектѣ не указываетъ на то, что они прямо отрицаются, а является слѣдствіемъ того, что они не могутъ

быть отчетливо указаны вслѣдствіе недостаточной дифференцированности и потому лишь смутно подразумѣваются. Мало того, нерѣдко обобщеніе соединяетъ элементы S и P , связанные другъ съ другомъ лишь отдаленною связью черезъ большое количество промежуточныхъ членовъ, или даже элементы, вовсе не находяшіеся въ причинной зависимости другъ отъ друга, но связанные другъ съ другомъ во времени косвенно, напр. въ томъ случаѣ, когда S и P суть слѣдствія какого-нибудь еще неизвѣстнаго намъ фактора R . Такія знанія относятся къ числу такъ называемыхъ эмпирическихъ законовъ. Неточность, неясность и неопредѣленность многихъ обобщеній этого рода доходятъ до колоссальныхъ размѣровъ; въ подтвержденіе достаточно указать на то, что многія суевѣрія принадлежать къ числу обобщеній этого типа. Однако необходимо помнить, что даже и суевѣрія въ большинствѣ случаевъ заключаютъ въ себѣ зерно истины, такъ что даже и здѣсь чаще встрѣчается неточность, недоговоренность, чѣмъ явная, окончательно окристаллизовавшаяся ложь.

Чтобы объяснить, какъ могутъ возникнуть согласно теоріи интуитивизма такія обобщенія, которыя соединяютъ S и P , причинно не связанные другъ съ другомъ, необходимо вспомнить развитое выше ¹⁾ ученіе о субъектѣ сужденія. Субъектомъ сужденія служитъ не только дифференцированный элементъ дѣйствительности S , но и вся та неисчерпаемая область дѣйствительности, къ которой ближайшимъ образомъ принадлежитъ S' и которая только указывается съ помощью дифференцированного S , но вовсе не исчерпывается имъ. Поэтому усматривая связь между P и тою областью дѣйствительности, которая характеризуется признакомъ S , но неизвѣстна еще намъ со своей стороны, непосредственно связанной съ P , мы говоримъ „ S есть P “, хотя иногда отчетливо сознаемъ, что S , какъ S , не можетъ быть причиною P .

¹⁾ См. гл. VI, «Вопр. фил.», кн. 77, стр. 77—79.

Наконецъ, по поводу теоріи интуитивизма можетъ явиться сомнѣніе, прямо противоположное предыдущему. Какъ бы ни была затруднительна дифференціація отношеній, все же въ нашемъ безконечно разнообразномъ мірѣ должны найтись области, въ которыхъ намъ удалось уже достигнуть столь отчетливаго дифференцированія связей, что обобщеніе производится на основаніи *одного* случая и признается *научно* удостовѣреннымъ безъ всякой повѣрки посредствомъ дальнѣйшихъ наблюденій. Существуетъ ли наука, въ которой такой методъ обобщеній былъ бы общепринятымъ? Если на этотъ вопросъ получится утвердительный отвѣтъ, то интуитивизмъ будетъ отъ этого въ выигрышѣ, такъ какъ навѣрное обобщенія этого рода съ трудомъ объясняются или даже вовсе игнорируются другими теоріями. И въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ получается утвердительный. Научныя обобщенія изъ одного случая встрѣчаются на каждомъ шагу въ математикѣ и въ такихъ родственныхъ ей наукахъ, какъ геометрія или механика. Какъ одно изъ звеньевъ, они входятъ въ доказательства всякой теоремы геометріи. Въ самомъ дѣлѣ, теорема, напр. о суммѣ угловъ треугольника, доказывается съ помощью дедуктивныхъ умозаключеній для одного какого-нибудь, положимъ, остроугольнаго треугольника; вслѣдъ за этимъ на основаніи отчетливаго усмотрѣнія, что величина суммы угловъ обусловливается не всѣми свойствами даннаго остроугольнаго треугольника, а только тѣми, которыя *тождественны* во всѣхъ треугольникахъ, доказанное положеніе утверждается относительно всякаго треугольника вообще, т.-е. обобщается на основаніи одного лишь подвергнутаго изслѣдованію случая. Какъ это вполне понятно на основаніи теоріи интуитивизма и вовсе непонятно на основаніи другихъ теорій, обобщеніе въ этихъ случаяхъ производится съ такою легкостью, что мы вовсе не усматриваемъ его, какъ особое звено доказательства, и логика до сихъ поръ колеблется еще признать существованіе этого звена. Между тѣмъ безъ указанія на эту форму доказательства никакъ нельзя объяснить правомѣрность умо-

заключеній, опирающихся на разсмотрѣніе одной какой-либо частной формы пространственно-временныхъ отношеній или отношеній величинъ.

III. Косвенные методы.

Прямые методы примѣняются тогда, когда основаніе S и слѣдствіе P даны въ воспріятіи и наша задача состоитъ лишь въ томъ, чтобъ дифференцировать ихъ вмѣстѣ съ ихъ отношеніемъ другъ къ другу. Наоборотъ, косвенные методы примѣняются тогда, когда въ воспріятіи дано только основаніе S (или слѣдствіе P и къ нему нужно подыскать слѣдствіе P или основаніе S), а также въ томъ случаѣ, когда по даннымъ отношеніямъ S и P къ другимъ элементамъ дѣйствительности нужно усмотрѣть ихъ отношеніе другъ къ другу. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *косвеннымъ воспріятіемъ*, а во второмъ случаѣ съ *косвеннымъ (дедуктивнымъ) умозаключеніемъ*.

Косвенныя воспріятія возможны потому, что объекты присутствуютъ въ воспріятіи, какъ реальное бытіе; слѣдовательно, если воспринимаемый объектъ S служить основаніемъ для объекта P, то объектъ P неизбѣжно долженъ быть налицо, онъ какъ бы *возникаетъ* на нашихъ глазахъ подъ влияніемъ S, а потому, если мы сосредоточимъ свое вниманіе на переходѣ отъ S къ его слѣдствіямъ, мы построимъ сужденіе „S есть P“, или даже сужденіе объ одномъ только P, если насъ интересуетъ само P, а не зависимость его отъ S. Точно такъ же, если въ воспріятіи дано P и если это P есть слѣдствіе S, то оно опять-таки какъ бы на нашихъ глазахъ возникаетъ изъ S, слѣдовательно, S должно быть налицо и, если мы сосредоточимъ вниманіе въ этомъ направленіи, мы опять таки констатируемъ, что „S есть P“, или даже построимъ сужденіе только объ S, если насъ интересуетъ само S, а не связь его съ P. Такъ, наблюдая палетающій шкваль, мы ожидаемъ, что парусная лодка накинется; войдя въ комнату и увидѣвъ людей съ взволнованными лицами, едва говорящихъ другъ съ другомъ, взгля-

дывающихъ другъ на друга съ ненавистью и т. п., мы догадываемся, что тотчасъ между ними произошла сцена раздора; увидѣвъ, что ребенокъ, спокойно игравшій рядомъ съ нами, вдругъ встрепенулся, покраснѣлъ и смотритъ куда-то расширенными отъ страха глазами, мы поворачиваемся въ ту сторону, куда онъ смотритъ, и замѣчаемъ приближающуюся собаку. По поводу послѣдняго примѣра намъ могутъ сказать, что косвенное воспріятіе ничѣмъ не отличается отъ прямого. Мало того, согласно теоріи имманентности знанія, все объективное содержаніе сужденій, не только чувственно воспринимаемое, но и вспоминаемое и мыслимое, дано, содержится въ актахъ знанія, какъ реальное бытіе (какъ возможно, чтобы прошлое, будущее и вообще недоступное чувственному воспріятію было реально дано въ актахъ знанія, этотъ вопросъ должна рѣшить онтологія). А если такъ, то, повидимому, первый и второй случай ничѣмъ не отличается отъ третьяго, и всѣ они вмѣстѣ вполне сходны съ прямыми воспріятіями? Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи изучаемаго процесса оказывается, что это не вѣрно. Во-первыхъ, въ случаѣ косвеннаго воспріятія намъ первоначально дано только основаніе или только слѣдствіе, а второй элементъ цѣпи явленій мы *находимъ* лишь *впослѣдствіи* благодаря исканію, обусловленному первымъ элементомъ. Во-вторыхъ, даже и послѣ того, какъ дополнительный къ данному S или P элементъ найденъ, воспріятіе его не всегда оказывается чувственнымъ, т. е. такимъ, какъ въ третьемъ примѣрѣ (ребенокъ и собака); очень часто оно имѣетъ, какъ въ первомъ и второмъ примѣрѣ (будущій кренъ лодки, прошедшая ссора), нечувственный характеръ и потому, вслѣдствіе нашей слабой способности разбираться въ нечувственныхъ переживаніяхъ, ручательствомъ его наличности даже и послѣ того, какъ онъ найденъ, служить *не столько прямое, сколько косвенное воспріятіе*.

Повидимому, вмѣсто того, чтобы допускать такую утонченную и своеобразную способность, какъ косвенное воспріятіе, можно было бы объяснить тѣ же явленія самымъ простымъ

способомъ, именно воспоминаніемъ о прошлыхъ сходныхъ случаяхъ. И мы дѣйствительно вполнѣ согласимся съ тѣмъ, что прошлыя дифференцированныя переживанія *облегчаютъ* дифференціацію настоящихъ переживаній, а также съ тѣмъ, что процессъ косвеннаго воспріятія *сопутствуется* воспоминаніями, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто усмотрѣніе необходимой наличности Р (кренъ лодки) въ случаѣ наличности S (шквала) или, наоборотъ, въ приведенныхъ выше сужденіяхъ есть результатъ воспоминанія. Если бы Р было воспоминаніемъ о другихъ прошлыхъ случаяхъ, то оно такъ и сознавалось бы, какъ нѣчто относящееся къ другимъ случаямъ, а вовсе не связанное необходимо съ этимъ S (напр. по поводу налетающаго шквала мы можемъ вспомнить о видѣнномъ прежде кренѣ броненосца, но это воспоминаніе не составитъ объясняемаго нами сужденія). Наконецъ, если наличное S (налетающій шквалъ), присутствующее согласно теоріи интуитивизма въ актѣ воспріятія, какъ реальное бытіе, можетъ быть *основаніемъ* для *воспоминанія*, т.-е. нечувственного воспріятія *другихъ* прежде бывшихъ случаевъ, то, повидимому, еще проще и естественнѣе этому S быть *основаніемъ* для *предвидѣнія*, т.-е. нечувственного воспріятія *того самаго Р, которое сейчасъ явится на сцену въ данномъ случаѣ*.

Нашу аргументацію въ пользу косвеннаго воспріятія можно попытаться подорвать указаніемъ на то, что объясненіе указанныхъ сужденій воспоминаніями ссылается на общепризнанный законъ ассоціаціи, тогда какъ косвенное воспріятіе есть какая-то подозрительная разновидность ясновидѣнія. Однако въ отвѣтъ на это мы скажемъ, что прошли уже тѣ времена, когда ссылки на ассоціацію могли удовлетворять гносеологовъ и психологовъ. Современный ученый хорошо понимаетъ, что ассоціація идей есть явленіе сложное, производное изъ какихъ-то болѣе основныхъ свойствъ сознанія, а можетъ быть и всего міра, и еще вовсе не разслѣдованное по существу. Быть можетъ, въ основѣ воспоминаній по смежности лежитъ общая связь наличной дѣйствительности съ прошлою, связь основанія и слѣдствія, въ

силу которой, гдѣ есть одни элементы цѣлаго, тамъ должны быть въ той или иной формѣ реальными и другіе элементы цѣлаго ¹⁾; въ такомъ случаѣ оказалось бы, что сами воспоминанія по ассоціаціи суть не что иное, какъ *одинъ изъ видовъ косвеннаго воспріятія*, одна изъ формъ ясновидѣнія въ прошломъ.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе на тѣ сужденія, построеніе которыхъ только и можетъ быть объяснено косвеннымъ воспріятіемъ, а не какими-нибудь другими способами. Сюда относятся всѣ случаи знанія объ абсолютно индивидуальныхъ (индивидуальныхъ въ узкомъ смыслѣ этого слова) процессахъ, прямыми свидѣтелями которыхъ мы не можемъ быть. Таковы, напр., предвидѣнія будущаго индивидуальнаго хода развитія соціальной жизни какой-либо страны, являющіяся у лицъ, хорошо знакомыхъ съ настоящимъ и прошлымъ страны. Таковы интеллектуальные процессы, благодаря которымъ художникъ, создавъ новый индивидуальный характеръ и обрисовавъ его нѣсколькими положеніями, въ дальнѣйшемъ развитіи событій, хотя они по-прежнему остаются индивидуальными, уже принужденъ идти строго опредѣленнымъ путемъ. Такту художника причастны до нѣкоторой степени и цѣнители его произведенія, поскольку они понимаютъ, правильно или неправильно развивается художественное произведеніе.

Ученіе о косвенномъ воспріятіи, какъ это видно особенно изъ послѣднихъ примѣровъ, имѣетъ огромное значеніе для общей методологіи наукъ. Цѣлый обширный классъ наукъ, теорія которыхъ стала привлекать къ себѣ вниманіе только въ послѣднее время, возможенъ только при допущеніи косвеннаго воспріятія. Мы имѣемъ въ виду науки объ индивидуальномъ въ узкомъ смыслѣ этого слова въ противопо-

¹⁾ См., напр., въ „Психологіи“ Гефдингга его попытку свести всѣ виды ассоціаціи къ ассоціаціи цѣлаго и части и въ свою очередь поставить эту ассоціацію въ связь съ единствомъ всего сознанія. Перев. Я. Колубовскаго, 3-е изд., стр. 134. См. также Кант, *Kritik der reinen Vernunft*, 2-е изд. Кербиха, стр. 125.

ложность наукамъ объ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальныя событія, хотя и связанныя другъ съ другомъ необходимо, не повторимы ни въ какомъ смыслѣ этого слова: отсюда слѣдуетъ, что предсказаніе ихъ, управленіе ими и даже простое констатированіе ихъ (если мы не очевидцы ихъ) не можетъ опираться на аналогію съ другими нашими опытами и возможно не иначе, какъ путемъ косвеннаго воспріятія.

По поводу разсмотрѣнныхъ нами раньше случаевъ, относящихся къ такъ-называемымъ повторяющимся явленіямъ, (крень лодки и т. п.), намъ могутъ замѣтить въ концѣ-концовъ, что это дедуктивныя умозаключенія (если шкваль налетаетъ на парусную лодку при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, то парусная лодка накреняется; шкваль дѣйствительно налетаетъ и т. д.; слѣдовательно, лодка дѣйствительно накренится), а вовсе не косвенное воспріятіе. Съ этимъ замѣчаніемъ мы опять-таки согласимся въ его первой части, но прибавимъ, что оно не противорѣчитъ нашей теоріи, такъ какъ мы полагаемъ, что дедуктивное умозаключеніе находится въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ косвеннымъ воспріятіемъ. Въ разсмотрѣнномъ, напр., случаѣ дедуктивное умозаключеніе явнымъ образомъ возникаетъ лишь *посль того*, какъ явилась путемъ косвеннаго воспріятія *догадка*, что эта лодка накренится; иначе было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ намъ пришло въ голову общее правило („если шкваль налетитъ и т. п., то лодка накренится“), и почему пришло въ голову именно это правило, а не какое-либо другое; слѣдовательно, дедуктивное умозаключеніе, по крайней мѣрѣ въ разсматриваемомъ случаѣ, есть только *процессъ повѣрки уже совершившагося акта сужденія*. Поэтому-то оно съ начала и до конца состоитъ преимущественно изъ дифференцированныхъ, доступныхъ отчетливому усмотрѣнію и контролю элементовъ; поэтому-то въ немъ связи между посылками и выводомъ кажутся сами собою понятными, какъ бы даже не требующими дальнѣйшаго изслѣдованія и оправданія, и если намъ удастся подвести какое-либо сужде-

ніе подъ форму дедуктивнаго умозаключенія, то оно намъ кажется доказаннымъ по преимуществу. Неудивительно поэтому, что логика и до сихъ поръ почти исключительно занимается дедуктивными умозаключеніями, и всѣ другіе элементарные приемы мышленія стремится втиснуть въ рамки этого метода. Какъ всегда, косвенное, производное, благодаря своей дифференцированности, обращаетъ на себя вниманіе и подвергается изученію прежде всего. Однако въ своихъ отчетливыхъ формахъ оно въ большемъ количествѣ заключаетъ уже застывшіе продукты первичной живой творческой дѣятельности; упуская изъ виду эти болѣе простыя дѣятельности, логика придаетъ дедуктивному умозаключенію мертвенный характеръ. Такъ какъ дедуктивное умозаключеніе есть производный процессъ, то, анализируя его, она рано или поздно натывается на такіе элементы, на такія послылки, которыя даже и съ помощью натяжекъ не могутъ быть ни изъ чего дедуцированы; передъ вопросомъ объ источникѣ достовѣрности такихъ посылокъ она останавливается въ безсиліи и беретъ ихъ, какъ мертвые готовые продукты, не усматривая живыхъ источниковъ ихъ происхожденія. Между тѣмъ очевидно, что вся хваленая достовѣрность и ясность дедуктивнаго умозаключенія зависятъ отъ достовѣрности посылокъ, и если вопросъ о происхожденіи посылокъ не рѣшенъ, то это значитъ, что мы довольствуемся достовѣрностью и ясностью, взятыми на прокатъ неизвѣстно откуда.

Совсѣмъ иной характеръ пріобрѣтаетъ дедуктивное умозаключеніе, если поставить его въ связь съ процессами прямого воспріятія, прямой индукціи и косвеннаго воспріятія, какъ возможными источниками посылокъ. При этомъ условіи оказывается, что и дедуктивное умозаключеніе есть хотя и производный, но все же творческій, примѣнимый не только для повѣрки, но и для открытій процессъ. Мало того, оказывается, что онъ вовсе не состоитъ только изъ безошибочнаго, но за то бесплоднаго развертыванія посылокъ, а заключаетъ въ выводѣ настоящій шагъ впередъ,

именно косвенное воспріятіе нѣкоторой новой стороны дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ дедуктивное умозаключеніе есть не что иное, какъ косвенное воспріятіе, возникающее на почвѣ уже существующихъ сужденій, подобно тому, какъ прямая индукція есть прямое воспріятіе, возникающее на почвѣ существующихъ сужденій.

Элементъ интуитивнаго косвеннаго воспріятія нетрудно найти и въ непосредственныхъ (изъ одной посылки) и въ опосредствованныхъ (изъ двухъ и болѣе посылокъ) дедуктивныхъ умозаключеніяхъ. Непосредственныя дедуктивныя умозаключенія состоятъ въ томъ, что зная *одно* какое-нибудь отношеніе между S и P , мы узнаемъ на основаніи его также о существованіи нѣ котораго *другаго* отношенія между тѣми же или болѣе индивидуализированными, взятыми въ утвердительной или отрицательной формѣ S и P . Напр., въ случаѣ простаго обращенія, изъ сужденія, устанавливающего отношеніе между S и P , мы узнаемъ отношеніе между P и S . При поверхностномъ взглядѣ на такія умозаключенія кажется, что въ нихъ выводъ не заключаетъ ничего новаго въ сравненіи съ посылкою, такъ что для полученія его мы вовсе не нуждаемся въ интуитивномъ усмотрѣніи новыхъ отношеній. На дѣлѣ это не вѣрно. Отношеніе P къ S вовсе не тождественно съ отношеніемъ S и P (напр. сужденіе „всѣ S и P “ при обращеніи даетъ „нѣкоторыя P суть S “); мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношеніе S къ P извѣстно, а обратное отношеніе остается совершенно неопредѣленнымъ (напр., въ частно-отрицательныхъ сужденіяхъ „нѣкоторыя S не суть P “). Слѣдовательно для полученія вывода необходимо отчетливо поставить въ сознаніи связь, направленную отъ S къ P , и не теряя ее изъ виду, прослѣдить *ту же самую дѣйствительность* въ направленіи отъ P къ S , чтобы найти новыя ея свойства. Этотъ процессъ по существу, вполне сходенъ съ косвеннымъ воспріятіемъ: и здѣсь и тамъ новыя стороны дѣйствительности необходимо связаны съ уже извѣстными сторонами ея связью основанія и слѣдствія или функціональной

зависимости. Разница лишь въ томъ, что въ дедуктивномъ умозаключеніи выводъ содержитъ въ себѣ элементы дѣйствительности S и P, уже дифференцированные въ посылкахъ, такъ что остается только усмотрѣть связь между ними, между тѣмъ какъ въ сужденіи, полученномъ путемъ косвеннаго воспріятія, субъектъ или предикатъ или даже оба они вмѣстѣ вовсе еще не даны въ прямомъ воспріятіи, служащемъ исходнымъ пунктомъ этого акта.

Опосредствованныя дедуктивныя умозаключенія требуютъ такого же акта косвеннаго воспріятія. Они состоятъ въ томъ, что, поставивъ въ сознаніи дифференцированную съ двухъ различныхъ сторонъ дѣйствительность M, т.-е. выразивъ ея содержаніе въ двухъ сужденіяхъ, изъ которыхъ одно заключаетъ въ себѣ S, а другое P, мы затѣмъ при-сматриваемся къ содержанію этой дѣйствительности и усматриваемъ въ ней нѣкоторое новое свойство, именно отношеніе S къ P.

Традиціонная логика рассматриваетъ лишь простѣйшія изъ этихъ умозаключеній, именно тѣ, въ которыхъ посылки состоятъ только изъ понятій S, M и P, а выводъ только изъ понятій S и P: въ нихъ различіе между посылками и выводомъ состоитъ лишь въ томъ, что въ выводѣ выпадаетъ понятіе M и присоединяется связь основанія и слѣдствія между S и P. Другія формы дедуктивныхъ умозаключеній традиціонная логика или упускаетъ изъ виду или стремится втиснуть въ рамки описанной формы, между тѣмъ какъ современная логика все рѣшительнѣе начинаетъ признавать самостоятельность ихъ. Типичнымъ образцомъ этихъ формъ могутъ служить, напр., слѣдующіе выводы: Θ алесъ жилъ раньше Анаксимандра; Анаксимандръ жилъ раньше Анаксимена; значитъ Θ алесъ жилъ раньше Анаксимена; Кантъ жилъ безвыѣздно въ Кенигсбергѣ, Шеллингъ никогда не былъ въ Кенигсбергѣ, значитъ, Кантъ никогда не видѣлся съ Шеллингомъ; A равно D; B равно D; значитъ, A равно B. Во всѣхъ этихъ умозаключеніяхъ выводное сужденіе отличается отъ посылокъ тѣмъ, что въ немъ мы выбрасы-

ваемъ три элемента посылокъ— M , отношеніе S къ M (временное, пространственное и т. п.) и отношеніе P къ M (временное, пространственное и т. п.)—и соединяемъ связью основанія и слѣдствія не оставшіяся S и P , а S и его пространственное, временное и т. п. отношеніе къ P , вовсе не заключавшееся въ посылкахъ. Характеръ этихъ умозаключеній можно пояснить съ помощью слѣдующаго сравненія: если намъ дана точка M и пространственное отношеніе къ ней точекъ S и P , то въ связи съ этими данными само пространственное цѣлое, къ которому принадлежать S , M и P , рисуется намъ съ такою отчетливостью, что мы можемъ уже, непосредственно разсматривая самыя S и P , прослѣдить ихъ отношеніе другъ къ другу, *хотя оно совершенно не похоже на отношенія ихъ къ M* . Точно такой же процессъ усмотрѣнія нѣкотораго совершенно новаго отношенія совершается и во всѣхъ приведенныхъ умозаключеніяхъ, но, само собой разумѣется, онъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ намъ удалось уже отчетливо дифференцировать элементы дѣйствительности и функциональныя связи между ними. До сихъ поръ такія умозаключенія преимущественно примѣняются для опредѣленія пространственныхъ и временныхъ отношеній, отношеній равенства, свойствъ агрегата на основаніи свойствъ частей и т. п. Надо полагать, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ дифференцированности нашихъ представленій о мірѣ, будутъ появляться все новыя и новыя разновидности такихъ умозаключеній. Почему именно пространственныя и временныя отношенія, а также отношенія равенства даютъ наибольшее количество хорошо обоснованныхъ умозаключеній этого рода, на этотъ вопросъ должна отвѣтить онтологія, разъяснивъ природу этихъ сторонъ дѣйствительности. Мы же здѣсь можемъ ограничиться только общимъ указаніемъ принципа, лежащаго въ основѣ дедуктивныхъ умозаключеній. Онъ тотъ же, что и въ косвенныхъ воспріятіяхъ: отъ основанія (даннаго въ посылкахъ) мы восходимъ къ слѣдствію (въ выводѣ) или, наоборотъ, отъ слѣдствія (даннаго въ посылкахъ) мы нисходимъ къ основанію (въ выводѣ).

Этотъ процессъ возможенъ потому, что объекты, составляющіе содержаніе посылокъ, находятся въ актѣ знанія налицо, какъ реальное бытіе, а потому и основанія ихъ также должны быть налицо, и слѣдствія изъ нихъ должны *возникать* какъ бы на нашихъ глазахъ.

Въ борьбѣ съ интуитивизмомъ традиціонная логика можетъ попытаться подвести всѣ дедуктивныя умозаключенія подъ формулы четырехъ фигуръ силлогизма, сводя ихъ въ свою очередь къ первой фигурѣ¹⁾, и утверждать, что первая фигура силлогизма не требуетъ интуиціи, такъ какъ въ выводѣ она не даетъ ничего такого, что не содержалось бы уже въ посылкахъ.

Не будемъ спорить о томъ, можно ли отлить всѣ опосредствованныя дедуктивныя умозаключенія въ формы четырехъ фигуръ силлогизма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это предпріятіе выполнимо не иначе, какъ съ помощью натяжекъ и насилій²⁾. Однако этимъ вопросомъ намъ заниматься незачѣмъ: чтобы отстоять свою точку зрѣнія, мы можемъ пойти инымъ путемъ, именно показать, что выводъ даже и въ первой фигурѣ силлогизма опирается на интуитивное усмотрѣніе нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ дѣйствительности въ сравненіи съ тѣмъ, что усмотрѣно въ посылкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, выводъ по первой фигурѣ силлогизма основывается на томъ принципѣ, что основаніе основанія есть основаніе слѣдствія (а также слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія): если S есть основаніе M, а M основаніе P, то S есть основаніе P. Усматриваемая въ выводѣ связь S съ P не есть *то же самое*, что и связь S съ M и M съ P: въ посылкахъ связь отъ S къ P опосредствуется звеномъ M, а въ выводѣ мы усматриваемъ, что дѣйствительность, къ которой принадлежать S, M и P, представляетъ

1) Напр., умозаключеніе $A = D, B = D$, значитъ, $A = B$, можно слѣдующимъ образомъ ввести въ формы первой фигуры силлогизма: двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою; A и B суть двѣ величины, равныя порознь третьей, слѣдовательно A и B равны между собою.

2) См. Карпинскій, „Классификація выводовъ“, стр. 64—76.

собою *единое цѣлое* настолько, что если дано S, то дано и P. Разница между первою фигурою силлогизма и остальными опосредствованными дедуктивными умозаключеніями состоитъ лишь въ томъ, что въ ней связь между S и P, усматриваемая въ выводѣ, по своему содержанию наименѣе отличается отъ связей, данныхъ въ посылкахъ. Образно съ помощью пространственныхъ отношеній это различіе можно выразить такъ: въ умозаключеніяхъ по первой фигурѣ нужно прослѣдить линію $S \overset{M}{+} P$, части которой SM и MP даны въ посылкахъ,

а въ остальныхъ дедуктивныхъ умозаключеніяхъ типа $\begin{array}{c} P \\ | \\ S \end{array} > M$

въ выводѣ нужно прослѣдить линію отъ S къ P, которая ни въ цѣломъ, ни своими частями не дана въ посылкахъ. Этотъ образъ отчетливо показываетъ, какъ мало новаго содержится въ выводѣ по первой фигурѣ въ сравненіи съ посылками, но все же новый элементъ въ этомъ выводѣ есть, и потому нельзя утверждать, будто умозаключенія по первой фигурѣ основываются исключительно *на законѣ тождества*.

Ученіе о косвенныхъ методахъ построенія сужденій основывается у насъ на томъ принципѣ, что основаніе и слѣдствіе необходимо даны вмѣстѣ: если есть основаніе, то на нашихъ глазахъ возникаетъ и слѣдствіе, если есть слѣдствіе, то мы можемъ прослѣдить и его основаніе; точно такъ же отсутствіе основанія есть показатель отсутствія слѣдствія, а отсутствіе слѣдствія есть показатель отсутствія основанія. Такимъ образомъ получаютъ четыре формы перехода мысли отъ основанія къ слѣдствію и наоборотъ.

Традиціонная логика рѣзко расходится съ нами: она считаетъ правомѣрными только двѣ изъ этихъ формъ,—умозаключенія отъ присутствія основанія къ присутствію слѣдствія и отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія. Она исходитъ при этомъ изъ своеобразнаго взгляда на связь причины съ дѣйствіемъ, довольно широко распространеннаго въ логикѣ и связаннаго съ признаніемъ такъ называемаго „закона множественности причинъ“. Согласно этому ученію

одна и та же причина необходимо производит всегда одно и то же дѣйствіе, но одно и то же дѣйствіе можетъ производиться въ разныхъ случаяхъ разными причинами. Напр., треніе необходимо ведетъ за собой нагрѣваніе, но нагрѣваніе можетъ производиться не только треніемъ, а и какой-нибудь химическою реакціею, близостью тѣла съ болѣе высокою температурою и т. п.; динамитъ подъ вліяніемъ сильнаго толчка необходимо взрывается, но взрывъ можетъ происходить также отъ бензина, пороха и т. п.; слѣдовательно, связь между дѣйствіемъ и причиною не равноцѣнна связи между причиною и дѣйствіемъ и это отражается соотвѣтствующимъ образомъ на умозаключеніяхъ. Опираясь на постулатъ однозначной связи между причиною и дѣйствіемъ, мы можемъ умозаключать отъ присутствія основанія къ присутствію слѣдствія и отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія, но такъ какъ у насъ нѣтъ постулата однозначной связи дѣйствія съ причиною, то мы не можемъ умозаключать отъ присутствія слѣдствія къ присутствію основанія и отъ отсутствія основанія къ отсутствію слѣдствія. Принимая это традиціонное ученіе, нельзя утѣшать себя тѣмъ, что намъ все же доступны умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію, именно отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія. Эти умозаключенія неравноцѣнны съ умозаключеніями отъ присутствія основанія, во-первыхъ, потому, что они обыкновенно имѣютъ отрицательный характеръ, и, во-вторыхъ, потому, что въ нѣкоторыхъ очень важныхъ случаяхъ ими нельзя воспользоваться вслѣдствіе невозможности установить меньшую посылку ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, меньшая посылка ихъ обыкновенно есть отрицательное сужденіе, а установить истинность отрицательнаго сужденія, т.-е. установить отсутствіе явленія во многихъ и при томъ наиболѣе важныхъ для науки случаяхъ невозможно.

Впрочемъ, логика не совсѣмъ отвергаетъ умозаключенія отъ присутствія слѣдствія. Она допускаетъ ихъ, но лишь какъ умозаключенія вѣроятныя. Ими можно пользоваться

въ наукѣ, какъ пособіемъ, напр. при построеніи гипотезъ, однако тотъ, кто признаетъ законъ множественности причинъ, долженъ помнить, что гипотеза, сколько бы слѣдствій изъ нея ни подтверждалось опытомъ, никакъ не можетъ превратиться въ теорію, потому что даже и безчисленное количество слѣдствій не есть показатель наличности такого-то опредѣленнаго основанія. Превратить гипотезу въ теорію, согласно этому ученію, можно лишь въ томъ случаѣ, если удастся прямо наблюдать причину объясняемаго явленія или, по крайней мѣрѣ, причину его причины.

Низкая цѣнность умозаключеній отъ слѣдствія къ основанію и отсутствіе постулата однозначной связи слѣдствія съ основаніемъ не тревожитъ логику: она полагаетъ, что для цѣлей науки достаточно и тѣхъ умозаключеній, которыя опираются на постулатъ однозначной связи между основаніемъ и слѣдствіемъ. Мы полагаемъ, что это не вѣрно. Наука въ такой же мѣрѣ нуждается въ умозаключеніяхъ отъ присутствія слѣдствія, какъ и въ умозаключеніяхъ отъ присутствія основанія. Это становится сразу яснымъ, если обратить вниманіе на такія науки, которыя имѣютъ дѣло съ безвозвратнымъ прошлымъ. Геологъ, опредѣляющій по возрастанію или убыванію величины частицъ въ различныхъ слояхъ одного и того же пласта, осаждался ли этотъ пласть на днѣ воднаго бассейна при высыханіи, или наоборотъ, при углубленіи его, объясняющій образованіе долины размывающимъ дѣйствіемъ воды и т. п., на каждомъ шагу пользуется умозаключеніями отъ присутствія слѣдствія къ присутствію основанія, и если эти умозаключенія только вѣроятны, то вся почти геологія становится системою гипотезъ, не превратимыхъ въ теорію ни при какомъ прогрессѣ науки. Въ такомъ же положеніи находится вся исторія, когда она воспроизводитъ прошлое по развалинамъ старыхъ городовъ, надписямъ, монетамъ и т. п. Даже и тогда, когда историкъ рисуетъ прошлое на основаніи заслуживающихъ довѣрія мемуаровъ очевидца, онъ дѣлаетъ умозаключенія отъ присутствія слѣдствія къ присутствію основанія, такъ какъ сами

мемуары суть лишь слѣдствіе описанныхъ событій. Мало того, даже и всякій представитель науки о настоящемъ, напр. зоологъ, поскольку онъ неизбѣжно долженъ опираться не только на свои личныя воспріятія, но и на изслѣдованія, рисунки, описанія и фотографическіе снимки другихъ ученыхъ, принужденъ признать, что въ его сознаніи наука въ своихъ исходныхъ пунктахъ опирается безконечно чаще на умозаключенія отъ присутствія слѣдствія, чѣмъ на умозаключенія отъ присутствія основанія. О практической жизни нечего и говорить: она шагу ступить не можетъ безъ умозаключеній отъ присутствія слѣдствія. Пусть, напр., судья при разслѣдованіи обстоятельствъ преступленія подсчитаетъ, какъ часто ему приходится возстановлять прошлое этимъ путемъ, или пусть читатель познакомится съ умозаключеніями этого рода у Шерлока Холмса, любимаго героя романиста Конанъ Дойля.

Приведенные примѣры уже съ очевидностью показываютъ, что тотъ, кто признаетъ законъ множественности причинъ и потому сомнѣвается въ возможности достовѣрныхъ умозаключеній отъ присутствія слѣдствія, тѣмъ самымъ подрываетъ достовѣрность всякаго знанія. Этотъ выводъ служитъ достаточнымъ мотивомъ для того, чтобы пересмотрѣть традиціонное ученіе объ умозаключеніяхъ отъ слѣдствія къ основанію. Мало того, если собрать всевозможныя, особенно наиболѣе сложныя, часто встрѣчающіяся въ практической жизни умозаключенія отъ присутствія слѣдствія, то даже непосредственное чувство очевидности, сопровождающее ихъ, подскажетъ намъ, что ихъ нельзя цѣнить ниже, чѣмъ умозаключенія отъ присутствія основанія. Однако, какъ только мы ихъ поставимъ на одну доску, намъ тотчасъ же напомнятъ о законѣ множественности причинъ. Слѣдовательно, необходимо прежде всего подкопаться подъ этотъ законъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не трудно сдѣлать. Конечно, мы не собираемся прямо опровергать его,—мы хотимъ только сначала показать, что онъ ничѣмъ не доказанъ. Ссылки на частныя примѣры, въ родѣ того, что въ случаѣ взрыва

нельзя умозаключать къ присутствію динамита, потому что причиною взрыва могла быть вспышка пороха, бензина и т. п., неубѣдительны, такъ какъ во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ слѣдствіе берется не во всей полнотѣ, а указывается въ абстрактной формѣ. Если взять слѣдствіе въ болѣе индивидуализированной формѣ, напр., принять въ расчетъ характеръ звука, опредѣлить форму осколковъ, разорвавшейся металлической оболочки и т. п., то можно будетъ дойти до того, что всѣ другія причины, кромѣ динамита, будутъ исключены. Если понадобится опредѣлить, отъ какого количества динамита произошелъ взрывъ, то надо изучить дѣйствіе еще болѣе подробно и взять его въ еще болѣе конкретной формѣ. Можно представить себѣ, что при достаточно подробномъ знаніи дѣйствія удалось бы даже опредѣлить, произошелъ ли взрывъ отъ толчка или отъ химическаго воздѣйствія на динамитъ и т. п. Наконецъ, если взять дѣйствіе во всей его конкретной полнотѣ и абсолютной индивидуальности, то нельзя будетъ отрицать, что причиною его можетъ быть только одинъ опредѣленный, абсолютно индивидуальный комплексъ событий.

Если мы вернемся теперь къ дѣйствію, взятому въ самой абстрактной формѣ, именно къ взрыву вообще, то замѣтимъ, что и оно можетъ быть исходнымъ пунктомъ для умозаключенія, но, конечно, въ виду чрезчуръ абстрактной формы слѣдствія, и основаніе можетъ быть опредѣлено лишь въ соотвѣтствующей чрезвычайно абстрактной формѣ: отъ взрыва можно заключить къ огромному перевѣсу давленія, производимаго какимъ-либо тѣломъ на окружающую среду, въ сравненіи съ давленіемъ этой среды на тѣло: Такъ какъ многія общія стороны явленій еще не изслѣдованы и потому многія общія понятія еще не выработаны, то иногда мы затрудняемся произвести такое умозаключеніе, но изъ этого не слѣдуетъ, будто оно логически невозможно: напр., весьма вѣроятно, что всѣ самыя разнообразныя причины нагрѣванія тѣлъ — треніе, химическія реакціи, распростра-

неніе электрическаго тока въ сопротивляющейся средѣ и т. п.—заключаютъ въ себѣ одну и ту же общую сторону, составляющую настоящую причину нагрѣванія, но понятіе, выражающее ее, еще не выработано наукою и потому мы не можемъ произвести соотвѣтствующаго умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію (если не считать такихъ абстрактныхъ основаній, какъ наличность какого-то источника энергіи вообще и т. п.).

Итакъ, анализъ подобныхъ примѣровъ показываетъ, что умозаключеніе невозможно въ томъ случаѣ, когда отъ слѣдствія, взятаго въ абстрактной формѣ, мы хотимъ перейти къ основанію, взятому въ болѣе конкретной формѣ. Такъ какъ слѣдствіе, взятое въ абстрактной формѣ, есть не что иное, какъ часть того слѣдствія, которое получается изъ болѣе конкретнаго основанія, то мы можемъ выразить свою мысль также слѣдующимъ образомъ: примѣры, приводимые въ доказательство невозможности умозаключеній отъ присутствія слѣдствія, доказываютъ только, что *нельзя умозаключать отъ части слѣдствія къ болѣе полному основанію*, но они вовсе не доказываютъ, будто нельзя умозаключить отъ полнаго слѣдствія къ полному основанію (или отъ абстрактнаго слѣдствія къ основанію равной степени абстрактности). Слѣдовательно, традиціонная логика забраковываетъ умозаключенія отъ присутствія слѣдствія просто потому, что она требуетъ отъ нихъ слишкомъ многого. Если бы предъявить подобныя требованія къ умозаключеніямъ отъ присутствія основанія, то и они оказались бы невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, умозаключать отъ части основанія къ полному слѣдствію, вообще отъ абстрактнаго основанія къ болѣе конкретному слѣдствію, нельзя. Зная, напр., что химически чистая вода нагрѣта до 100° С, нельзя еще вывести отсюда, что она кипитъ, потому что кипѣніе зависитъ не только отъ температуры, но и отъ давленія. Подобрать рядъ такихъ примѣровъ это не значитъ еще доказать, будто умозаключенія отъ присутствія основанія не достовѣрны; точно такъ же несостоятельны и примѣры, приводимые въ

доказательство того, будто умозаключенія отъ присутствія слѣдствія не достовѣрны.

Мы старались показать, что у традиціонной логики нѣтъ основаній считать умозаключенія отъ присутствія слѣдствія менѣе достовѣрными, чѣмъ умозаключенія отъ присутствія основанія. Однако этого мало: чтобы вполнѣ отстоять умозаключенія этого рода, необходимо привести въ ихъ пользу также и положительное доказательство, именно установить въ параллель постулату однозначной связи основанія со слѣдствіемъ постулатъ однозначной связи слѣдствія съ основаніемъ ¹⁾. Доводы въ пользу постулатовъ должны быть двухъ родовъ: теоретическіе, обыкновенно умозрительные (что такое умозрѣніе, объ этомъ будетъ сказано въ концѣ главы) и практическіе. Для того, кто придерживается реалистическаго ученія объ общемъ, существуетъ очень простое теоретическое доказательство разсматриваемаго постулата: то же самое умозрѣніе, благодаря которому для насъ очевидно, что всякое явленіе имѣетъ основаніе, служить ручательствомъ какъ однозначности связи основанія со слѣдствіемъ, такъ и однозначности связи слѣдствія съ основаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно реалистическому ученію объ общемъ, одинаковое въ различныхъ случаяхъ слѣдствіе (или основаніе) есть въ буквальномъ смыслѣ слова *одно и то же, численно тождественное* слѣдствіе (или основаніе), а потому невозможно, чтобы оно имѣло то одно, то другое основаніе (слѣдствіе). Практическій доводъ въ пользу этого постулата также ясенъ: наука невозможна безъ него въ такой же мѣрѣ, какъ и безъ постулата однозначной связи основанія со слѣдствіемъ. Почему логика не усмотрѣла этого до сихъ поръ и пыталась удовольствоваться только однимъ изъ этихъ постулатовъ, разсмотрѣніе этой

¹⁾ Напомнимъ, что термины основаніе и слѣдствіе согласно ученію объ имманентности объектовъ знанія процессу знанія, обозначаютъ у насъ не только логическую, но и реальную связь, именно всякую связь между двумя элементами дѣйствительности, состоящую въ томъ, что если данъ одинъ элементъ, то и другой элементъ также долженъ быть даннымъ.

интересной проблемы мы предоставимъ психологiи и исторiи наукъ.

Изъ постулата однозначной связи слѣдствiя съ основанiемъ вытекають, кромѣ сказаннаго выше, еще и другiе многочисленные выводы для логики, но мы не будемъ заниматься ими здѣсь. Укажемъ лишь два изъ нихъ. Главный контингентъ *вѣроятныхъ* умозаключенiй составляютъ умозаключенiя отъ части слѣдствiя къ болѣе полному основанiю на ряду съ умозаключенiями отъ части основанiя къ (болѣе) полному слѣдствiю. Въ основѣ гипотезъ лежатъ умозаключенiя отъ части слѣдствiя къ (болѣе) полному основанiю, и въ этомъ смыслѣ гипотеза есть знанiе вѣроятное; однако въ каждой гипотезѣ можно выдѣлить вполнѣ достовѣрные элементы, поскольку отъ части слѣдствiя можно съ достовѣрностью умозаключить къ части основанiя; по мѣрѣ развитiя гипотезы путемъ открытiя новыхъ слѣдствiй количество достовѣрно извѣстныхъ элементовъ основанiя все возрастаетъ, и такимъ путемъ можно надѣяться превратить со временемъ гипотезу въ теорiю.

Въ заключенiе нужно сдѣлать нѣкоторыя оговорки въ пользу традиционнiй логики. Даже и соглашаясь съ нами, можно отстаивать традиционнiе ученiе слѣдующимъ образомъ. Можно различать, какъ это обыкновенно и дѣлается, *реальное* основанiе и основанiе *познанiя* и утверждать, что логика относитъ свои правила не къ реальнымъ основанiямъ, а къ основанiямъ познанiя. Можно утверждать, что логикѣ совершенно все равно, относятся ли другъ къ другу А и В, какъ дѣйствiе къ причинѣ или какъ причина къ дѣйствiю; традиционнiя логика своими правилами только хочетъ сказать, что изъ сужденiй: „если есть А, то есть и В“, „В есть“ нельзя сдѣлать достовѣрнаго вывода о наличности А; но она не отрицаетъ, что *рядомъ съ сужденiемъ „если есть А, то есть и В“ иногда можетъ быть доказано и обратное сужденiе „если есть В, то есть и А“*, а въ такомъ случаѣ, присоединяя сюда сужденiе „В есть“, мы получимъ выводъ „А есть“; отрицать возможности такихъ случаевъ логика

не можетъ уже потому, что въ математикѣ они на каждомъ шагу встрѣчаются, напр. если принять въ расчетъ такія сужденія: „всѣ равнобедренные треугольники имѣютъ углы, равные при основаніи“ и „всѣ треугольники, имѣющіе углы, равные при основаніи, суть равнобедренные“.

Мы вполне согласны съ этой аргументаціею въ защиту традиціонной логики. Мы вовсе не воображаемъ, будто мы открыли группу такихъ умозаключеній, которыя совершенно не замѣчены или даже отрицаются логикою, несмотря на свое огромное значеніе для науки и постоянное примѣненіе въ ней. Умозаключенія, указываемыя нами, признаются и традиціонною логикою, но они истолковываются съ помощью иной теоріи, чѣмъ это дѣлаемъ мы. Слѣдовательно, наша задача состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы внести поправку въ теорію, а отъ этого, если поправка вѣрна, должны получиться нѣкоторыя, хотя довольно скромныя, результаты и для осмысленности самого процесса умозаключенія. Поправка эта необходима потому, что *основаніе познанія*, съ точки зрѣнія строго имманентной теоріи знанія, *есть реальное основаніе своего слѣдствія и*, значить, связано однозначно съ полнымъ своимъ слѣдствіемъ въ обоихъ направленіяхъ, т.-е. въ направленіи отъ основанія къ слѣдствію и отъ слѣдствія къ основанію. Мало того, наша поправка полезна даже и для теорій знанія, рѣзко отличающихъ понятіе основанія познанія отъ понятія реального основанія. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе естественной склонности отождествлять связь основанія и слѣдствія *въ познаніи* съ *реальною* связью основанія и слѣдствія и даже прямо съ однимъ изъ видовъ ея, именно со связью причины и дѣйствія, подъ вліяніемъ традиціоннаго ученія о невозможности умозаключать отъ слѣдствія къ основанію, неизбежно возникаетъ убѣжденіе въ томъ, что эта невозможность есть результатъ неоднозначности связи реального слѣдствія и основанія, связи дѣйствія и причины, а отсюда возникаютъ всевозможныя неясности и недоразумѣнія. Мало того, въ самой логикѣ въ большинствѣ случаевъ это ученіе излагается,

обыкновенно такъ двусмысленно, что нельзя опредѣлить точно, идетъ ли рѣчь о реальной связи или о связи познания. Иногда же, какъ ¹⁾, напр., въ логикѣ Милля, который устанавливаетъ законъ „множественности причинъ“ и пользуется имъ для теоріи умозаключеній, этой двусмысленности нѣтъ, и тогда ясно видно, что мы имѣемъ дѣло съ явнымъ заблужденіемъ.

Намъ могутъ замѣтить, что, въ виду устанавливаемой нами полной равноцѣнности основанія и слѣдствія въ процессахъ знанія, намъ не слѣдовало бы пользоваться въ теоріи знанія этими терминами, и это совершенно вѣрно. Различіе между этими членами необходимой связи есть, но оно имѣетъ значеніе не для теоріи знанія, а для онтологіи. Собственно, если бы мы рѣшились отступить отъ традиціи, мы должны были бы говорить въ теоріи знанія не о связи основанія и слѣдствія, а о связи членовъ функциональной зависимости, и разсматривать правила умозаключенія для тѣхъ случаевъ, когда членъ функциональной зависимости, служащій исходнымъ пунктомъ для умозаключенія, данъ или отрицается во всей полнотѣ и для тѣхъ случаевъ, когда онъ данъ или отрицается отчасти. Точно такъ же и въ ученіи о сужденіяхъ намъ не слѣдовало бы называть субъектъ основаніемъ, а предикатъ слѣдствіемъ, такъ какъ съ точки зрѣнія теоріи знанія различіе между субъектомъ и предикатомъ состоитъ лишь въ томъ, что субъектъ въ истинномъ сужденіи есть всегда полный членъ функциональной зависимости, а предикатомъ можетъ служить также и неполный членъ ея. Отсюда между прочимъ слѣдуетъ, что съ чисто практической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія удобства и быстрого ориентированія въ томъ, изъ какихъ посылокъ можно сдѣлать умозаключеніе, формулы традиціонной логики вполне удовлетворяютъ цѣли: достовѣрное умозаключеніе отъ присутствія слѣдствія, т. е.

¹⁾ Послѣдній изъ замѣченныхъ нами примѣровъ отраженія этихъ ученій логики въ научной литературѣ можетъ быть указанъ нами въ соч. Гомперца *Griechische Denker*, I, стр. 3.

умозаключение по второй фигурѣ силлогизма при двухъ утвердительныхъ посылкахъ, дѣйствительно можно сдѣлать только въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіе есть полный членъ функциональной зависимости, т.-е. когда большая посылка обратима, такъ что умозаключение можетъ быть отлито въ форму умозаключения отъ присутствія основанія, т.-е. въ форму умозаключения по первой фигурѣ силлогизма. Къ этому приему перевода умозаключения въ традиціонныя формулы полезно прибѣгать потому, что лишь послѣ этой операціи становится очевидно, что взятое слѣдствіе есть полный членъ функциональной зависимости: въ противномъ случаѣ оно не могло бы быть субъектомъ сужденія. Въ виду полезности такой провѣрки мы вовсе не рекомендуемъ отваживаться безъ дальнихъ размысленій на умозаключенія по второй фигурѣ при двухъ утвердительныхъ посылкахъ, даже и тогда, когда даны, напр., такія послылки: „всякій равнобедренный треугольникъ имѣетъ при основаніи равные углы“, „треугольникъ ABC имѣетъ при основаніи равные углы“ (*mutatis mutandis* такія же соображенія примѣнимы и къ умозаключеніямъ отъ отсутствія основанія, т.-е. къ умозаключеніямъ по первой фигурѣ силлогизма при меньшей отрицательной посылкѣ, а потому, хотя они и возможны при извѣстныхъ условіяхъ, мы вовсе не рекомендуемъ прибѣгать къ нимъ безъ повѣрки, осуществлены ли эти условія).

IV. Косвенныя индуктивныя умозаключенія.

Заниматься разсмотрѣніемъ различныхъ видовъ опосредствованныхъ дедуктивныхъ умозаключеній мы не будемъ, за исключеніемъ лишь одной чрезвычайно важной группы ихъ, которую мы назовемъ косвенными индуктивными умозаключеніями.

Когда мы занимались разсмотрѣніемъ прямыхъ индуктивныхъ умозаключеній и объясняли ихъ непосредственнымъ усмотрѣніемъ связи основанія и слѣдствія, было очевидно, что не всѣ индуктивныя открытія сдѣланы этимъ путемъ. Опытныя науки на каждомъ шагу сталкиваются со связями

настолько недифференцированными или отдаленными, что установить их путемъ прямого усмотрѣнія было бы невозможно. Какимъ образомъ можно было бы, напр., усмотрѣть, что у нѣкоторыхъ тѣлъ существуетъ зависимость между теплоемкостью и атомнымъ вѣсомъ (законъ Дюлонга и Пти), или что при удаленіи проводниковъ другъ отъ друга индуктируется прямой токъ, а при сближеніи обратный? Если же гениальный изслѣдователь и усматриваетъ въ подобныхъ случаяхъ связь между явленіями прямымъ путемъ, все же другіе люди зачастую не замѣчаютъ ея вовсе. Отсюда въ наукѣ возникаетъ потребность выработать методъ, замѣняющій прямую индукцію тамъ, гдѣ она невозможна, и также повѣряющій ее тамъ, гдѣ она возможна. Этотъ методъ по необходимости долженъ быть косвеннымъ, онъ долженъ состоять въ томъ, что мы устанавливаемъ связь основанія и слѣдствія между S и P, руководясь какими-нибудь производными признаками этой связи, доступными наблюденію всякаго, даже и наименѣе талантливаго чловѣка. Производные изъ связи основанія и слѣдствія признаки, пригодные для этой цѣли, найти нетрудно: таковы связи во времени. Двѣ группы явленій, неизмѣнно сосуществующія (или слѣдующія другъ за другомъ) во времени, а также двѣ группы явленій, возникающія или исчезающія вмѣстѣ во времени, связаны другъ съ другомъ, какъ основаніе и слѣдствіе. Стоитъ только принять одно изъ этихъ положеній за большую посылку, а въ качествѣ меньшей посылки привести рядъ наблюденій или опытовъ, показывающихъ что пара изучаемыхъ явленій обладаетъ тѣми свойствами во времени, о которыхъ идетъ рѣчь въ большей посылкѣ (по методу единственнаго совпаденія или по методу единственнаго различія, который соотвѣтствуетъ миллевскимъ методамъ различія и сопутствующихъ измѣненій) ¹⁾ и отсюда получится правильный дедуктивный выводъ по первой фигурѣ о томъ, что изучаемыя явленія дѣйствительно связаны другъ съ другомъ, какъ основаніе и слѣдствіе.

¹⁾ См. Лекціи по логикѣ проф. Александра Ив. Введенскаго.

Такъ какъ въ этомъ умозаключеніи связь между субъектомъ и предикатомъ вывода усматривается непрямымъ путемъ, то мы называемъ его *косвеннымъ*, такъ какъ меньшая посылка его состоитъ изъ наблюденій или опытовъ, подобныхъ тѣмъ, какія лежатъ въ основаніи прямой индукціи, то мы называемъ его *индуктивнымъ*. Въ цѣломъ, эти умозаключенія суть не что иное, какъ модификація опосредствованныхъ дедуктивныхъ умозаключеній.

Имѣя возможность свести умозаключенія этого рода къ дедуктивному типу, многіе представители логики не чувствуютъ никакой потребности въ другихъ элементарныхъ индуктивныхъ методахъ и несомнѣнно отнесутся отрицательно къ описанной нами прямой индукціи. Въ виду этого слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на то, что косвенная индукція въ громадномъ большинствѣ случаевъ возможна не иначе, какъ при посредствѣ прямой индукціи. Не говоря уже о большей посылкѣ, происхожденія которой мы коснемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ (объ умозрѣннн) этой главы, даже и меньшая посылка косвеннаго индуктивнаго умозаключенія обыкновенно устанавливается съ большею или меньшею помощью прямой индукціи. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы излагаемъ схематически процессъ косвеннаго индуктивнаго умозаключенія, мы рассуждаемъ такъ: положимъ, что явленію P предшествуетъ комплексъ явленій ABS ; если мы хотимъ опредѣлить, какіе элементы этого комплекса законосообразно связаны съ явленіемъ P , то мы должны на основаніи опыта или наблюденія подыскать другіе случаи и т. д. Въ схематическомъ изображеніи на доскѣ въ аудиторіи комплексы явленій, предшествующихъ P и соответствующихъ требованіямъ метода единственнаго различія или единственнаго совпаденія, подбираются всегда очень удачно, но, спрашивается, какимъ образомъ мы находимъ этотъ комплексъ явленій при дѣйствительномъ изслѣдованіи природы: вѣдь всякому явленію P предшествуетъ *весь* безграничный океанъ явленій всего міра, а не *какая-либо ограниченная группа* ABS . Однако пересмотрѣть явленія всего міра,

во-первыхъ, невозможно, а во-вторыхъ, бесполезно, такъ какъ экспериментировать съ цѣлымъ міромъ по методу единственнаго различія или найти въ немъ причину по методу единственнаго совпаденія нельзя. Остается, слѣдовательно, идти инымъ путемъ: выбрать изъ цѣлага міра ограниченный комплексъ явленій и подвергнуть его изслѣдованію согласно требованіямъ метода; но въ виду безконечной сложности міра выбрать этотъ комплексъ на удачу нельзя: мы достигнемъ цѣли только въ томъ случаѣ, если отбросимъ явленія, очевидно не имѣющія, а также, повидимому, не имѣющія никакого отношенія къ Р, и оставимъ для изслѣдованія комплексъ явленій, относительно которыхъ уже *догадываемся*, что они заключаютъ въ себѣ искомую причину. Но это ясное усмотрѣніе отсутствія связи между нѣкоторыми элементами міра и догадка о связи между другими элементами, составляющія необходимое предварительное условіе косвеннаго индуктивнаго умозаключенія, могутъ быть даны только или прямымъ воспріятіемъ или прямою индукціею. Ссылаться опять на косвенную индукцію для объясненія меньшей посылки нельзя, такъ какъ это значило бы не рѣшить проблему, а только отодвинуть ее; впрочемъ, этого и не дѣлаютъ изслѣдователи научной индукціи, такъ какъ обыкновенно они сами признаютъ, что научное индуктивное изслѣдованіе возможно не иначе, какъ на почвѣ уже существующей гипотезы или догадки о связи между явленіями ¹⁾, но они не изслѣдуютъ, откуда является эта догадка. Впрочемъ, уже Юэлль задаетъ вопросъ, какимъ образомъ получаются случаи, требуемые методами Милля ²⁾, а Фонсегривъ даже рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ же духѣ, какъ и мы. Онъ говоритъ: „Всякое состояніе вселенной есть сложная группа явленій, изъ которой наблюдатель, желающій про-

1) См., напр., Зигвартъ, *Logik*, 3 изд. II т., стр. 434 с. Джевонсъ, *Основы науки*, перев. Антоновича, стр. 472 — 477. Лекціи по логикѣ проф. Александра Ив. Введенскаго, и др.

2) См. объ этомъ Лейкфельдъ, *Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки*, стр. 121 с.

изводить чисто объективное изслѣдованіе, столь расхваливаемое и рекомендуемое Беконѣмъ, не имѣетъ права ничѣмъ пренебречь по собственному почину. Если онъ оставить безъ вниманія какой-либо элементъ, напр., если, желая изслѣдовать причину кипѣнія, онъ пренебрежетъ положеніями Сатурна или Сириуса, то это значить, что онъ считаетъ эти положенія не имѣющими значенія для изслѣдуемаго имъ вопроса. Между тѣмъ, кто знаетъ, не правъ ли былъ Юмъ, говоря: *что бы то ни было можетъ про- извести какую бы то ни было вещь!*—Конечно, я не думаю, чтобы кто-либо сталъ утверждать, будто какой-либо ученый въ какомъ-либо изслѣдованіи считалъ всѣ объективные элементы одинаково значительными. Но что же означаетъ это различіе маловажнаго и значительнаго, если не признаніе всѣми учеными того, что они считаютъ свой разумъ способнымъ къ непосредственному различенію, которое, если всмотрѣться глубже, ничѣмъ не отличается отъ процесса абстракціи, необходимаго для образованія понятій?¹⁾

V. Умозрѣніе.

Обозрѣвая всевозможныя сужденія, составляющія содержаніе человѣческаго знанія, для большинства изъ нихъ трудно найти тѣ методы, по которымъ они могли возникнуть. Остается только небольшая группа сужденій, которыя могутъ еще вызывать недоумѣнія въ этомъ отношеніи: это главнымъ образомъ аксіомы и постулаты.

Происхожденіе этихъ сужденій также можно объяснить перечисленными выше методами, но для этого нужно обратитъ вниманіе на одну особенность процессовъ знанія, которую мы мало подчеркивали до сихъ поръ. Все знаніе опирается на опытъ, т.-е. непосредственно данныя переживанія. Эти переживанія бываютъ двухъ родовъ—чувственныя и нечувственныя; слѣдовательно, опытъ, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Fongegrive, Généralisation et induction, Revue philosophique, т. XLI, май, стр. 530 с.

тѣмъ и знаніе, бываютъ чувственные и нечувственные (сверхчувственные). Какъ мы уже говорили ¹⁾, чувственное знаніе всегда заключаетъ въ себѣ также и нечувственные элементы, однако на примитивныхъ ступеняхъ мышленія они утопаютъ въ чувственныхъ переживаніяхъ, которыя служатъ главнымъ опорнымъ пунктомъ вниманія. По мѣрѣ того, какъ у насъ возрастаетъ потребность познавать транссубъективную дѣйствительность не въ ея дѣйствіяхъ на наше тѣло, а въ ея собственной природѣ, мы все болѣе стремимся отвлечься отъ чувственныхъ элементовъ опыта и въ процессахъ знанія выдвигается на первый планъ нечувственная сторона ихъ. *Знаніе, состоящее въ обработкѣ нечувственной опыта*, мы будемъ называть *умозрительнымъ* (оправданіе этого термина будетъ дано позже). Поскольку чувственныя переживанія входятъ въ составъ знанія всегда въ соединеніи съ нечувственными элементами, всякое знаніе и всякій методъ мышленія заключаютъ въ себѣ умозрительные элементы. Однако термины умозрѣніе, умозрительный методъ, умозрительное знаніе мы будемъ приберегать для тѣхъ случаевъ, когда знаніе требуетъ особенно полного отвлеченія отъ чувственного опыта, когда оно встрѣчаетъ только помѣху въ чувственномъ опытѣ, и въ особенности для тѣхъ случаевъ, когда знаніе приобрѣтается съ помощью своего рода *умозрительнаго эксперимента*.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что всякій изъ прямыхъ и косвенныхъ методовъ, перечисленныхъ нами, можетъ быть умозрительнымъ. Такъ, напр., знаніе объ абсолютномъ или о Богѣ можетъ быть приобрѣтено съ помощью прямого умозрительнаго воспріятія. Знаніе о томъ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, приобрѣтается съ помощью прямой умозрительной индукціи, а знаніе о томъ, что параллельныя линіи нигдѣ не пересекаются, — съ помощью косвеннаго умозрительнаго воспріятія.

1) См. гл III, „Вопр. фил.“ кн. 74, стр. 326—348.

Дедукція издавна пользуется славою спекулятивного метода; это и понятно: процессъ вывода въ дедуктивномъ умозаключеніи явнымъ образомъ обходится безъ посредства чувствъ, и потому умозрительный характеръ его особенно замѣтенъ. Но такъ какъ при болѣе глубокомъ анализѣ оказывается, что умозрительные элементы встрѣчаются во всякомъ актѣ мышленія, то мы будемъ называть умозрительными не всѣ дедуктивныя умозаключенія, а лишь тѣ, въ которыхъ также все содержаніе посылокъ, поскольку оно необходимо для вывода, имѣетъ нечувствительный характеръ; таковы, напр., дедуктивныя умозаключенія чистой математики.

Лучшіе образцы умозрѣнія, именно прямой умозрительной индукціи и косвеннаго умозрительнаго воспріятія, встрѣчаются при обоснованіи аксіомъ и постулатовъ ¹⁾. Вывести ихъ дедуктивнымъ методомъ изъ какихъ-либо другихъ истинъ нельзя, такъ какъ они имѣютъ для этого слишкомъ общій характеръ. Доказывать ихъ путемъ ссылки на частные конкретные случаи, какъ это дѣлается при обыкновенной прямой индукціи, также нельзя, потому что конкретныя, въ особенности чувствительныя подробности мѣшаютъ усмотрѣнію истинъ столь общаго характера. Поэтому тотъ, кто хочетъ привести другого человѣка къ признанію такой истины, воздерживается отъ конкретныхъ примѣровъ, ставитъ ее передъ чужимъ сознаниемъ въ абстрактной формѣ и лишь стремится растолковать ее, т.-е. *сдѣлать понятною, и устранить всѣ недоразумѣнія*, возникающія отъ того, что истинная связь явленій замаскировывается въ конкретной дѣйствительности другими процессами. Въ результатѣ такого растолковыванія является непосредственное *умственное усмотрѣніе, умозрѣніе*, прослѣживающее истину съ полною очевидностью. Нерѣдко это прослѣживаніе имѣетъ характеръ какъ бы умозрительнаго эксперимента, вскрывающаго такіа

¹⁾ Постулатами мы называемъ такіа послѣднія основанія знанія, которыя не обладаютъ высшею степенью очевидности, какъ аксіомы, но необходимы для развитія знанія въ такой же мѣрѣ, какъ и аксіомы.

стороны дѣйствительности, которыя въ чувственномъ опытѣ не могутъ быть обнаружены, напр. то, что двѣ прямыя пересѣкаются не болѣе, чѣмъ въ одной точкѣ, или то, что параллельныя линіи при продолженіи до безконечности не пересѣкаются. Даже такія положенія, какъ законъ причинности — „все случающееся имѣетъ причину“, признаются нами во всей ихъ строгой всеобщности только послѣ того, какъ мы дѣлаемъ попытку мысленно представить себѣ „событіе вообще“, какъ самочинное, самопроизвольно возникающее во времени безъ связи съ сплошнымъ токомъ остальныхъ событій, и съ очевидностью усматриваемъ неосуществимость этой попытки.

Въ какой степени можно довѣряться истинамъ, полученнымъ этимъ путемъ, какія заблужденія легко могутъ примѣшаться къ нимъ и каковы критеріи достовѣрности, руководящій признаніемъ ихъ, объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ, посвященной вопросу о послѣднихъ основаніяхъ знанія.

VI. Мистическій эмпиризмъ, индивидуалистическій эмпиризмъ и априоризмъ критической философіи въ ихъ отношеніи къ теоріи элементарныхъ методовъ знанія.

Труднѣйшій вопросъ, подлежащій разрѣшенію теоріи элементарныхъ методовъ знанія, состоитъ въ томъ, какъ возникаютъ общія необходимыя сужденія. Самый простой и ясный путь полученія ихъ есть путь косвеннаго метода, именно дедуктивное умозаключеніе. Но для того, чтобы построить этимъ способомъ общее необходимое сужденіе, нужно уже имѣть въ запасѣ два общія необходимыя сужденія, равныя по степени общности выводимому сужденію, чаще же всего одно изъ нихъ должно быть даже болѣе общимъ, чѣмъ выводное сужденіе. Отсюда ясно, что первоначальное происхожденіе общихъ сужденій не объясняется ссылкой на дедукцію. Мало того, сама дедукція общихъ сужденій окажется висящею на воздухѣ, если мы не найдемъ источника

происхожденія, хотя бы нѣкоторыхъ самыхъ общихъ сужденій, изъ которыхъ могутъ быть дедуцированы остальные сужденія.

Рѣшить этотъ вопросъ можно только слѣдующими двумя способами: первоначальныя общія сужденія или получаются путемъ опыта съ помощью прямыхъ методовъ знанія (съ помощью прямого воспріятія и прямой индукціи) или же они присущи сознанію до всякаго опыта, т. е. а priori (если не хронологически, то логически). Первый отвѣтъ дается эмпиризмомъ, а второй—въ наше время—критическою философіею. Надобно впрочемъ тотчасъ же напомнить, что эмпиризмъ можетъ быть или индивидуалистическимъ, или мистическимъ, и что ихъ теоріи возникновенія общихъ сужденій путемъ прямого метода глубоко различны. Согласно ученію мистическаго эмпиризма общее обладаетъ реальнымъ бытіемъ и дано въ воспріятіи; точно такъ же необходимыя связи между вещами реально существуютъ и даны въ воспріятіи. Поэтому вполнѣ достовѣрныя общія необходимыя сужденія могутъ быть получены путемъ прямыхъ методовъ. Наоборотъ, по ученію индивидуалистическаго эмпиризма общее не обладаетъ реальнымъ бытіемъ, всѣ данныя опыта индивидуальны въ узкомъ смыслѣ этого слова; необходимыя связи между вещами не даны въ воспріятіи, между ними наблюдаются только временныя отношенія. Отсюда слѣдуетъ, что необходимыхъ общихъ сужденій въ строгомъ смыслѣ этого слова нѣтъ, а есть только основанныя на прямомъ воспріятіи *регистры* замѣченныхъ случаевъ связи S съ P и болѣе или менѣе укоренившіяся привычки связывать представленіе о новыхъ S съ представленіемъ P. Поэтому можно сказать, что на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи общихъ сужденій даются три отвѣта: 1) общія необходимыя сужденія первоначально получаются путемъ прямыхъ методовъ, въ особенности путемъ прямой индукціи (мистическій эмпиризмъ); 2) общихъ необходимыхъ сужденій нѣтъ, но иллюзія ихъ получается прямымъ методомъ, именно путемъ индукціи черезъ перечисленіе; 3) пер-

воначальныя общія необходимыя сужденія даны а priori (критическая философія).

Априоризмъ характеризуется *дуализмомъ* между частнымъ и общимъ, который вообще замѣчается въ традиціонной логикѣ. Индивидуалистическій эмпиризмъ устраняетъ этотъ дуализмъ, разрубая гордіевъ узелъ, именно отрицая общія сужденія. Наконецъ, мистическій эмпиризмъ въ самомъ дѣлѣ примиряетъ противоположность между частными и общими сужденіями, показывая, что они возникаютъ одними и тѣми же путями. Специально въ теоріи умозаключеній глубокое различіе между этими ученіями состоитъ въ слѣдующемъ. Априоризмъ не признаетъ самостоятельныхъ индуктивныхъ умозаключеній: онъ сводитъ всѣ умозаключенія къ дедуктивному типу. Индивидуалистическій эмпиризмъ (Милля) не признаетъ самостоятельности дедуктивныхъ умозаключеній: онъ сводитъ всѣ умозаключенія къ индуктивному типу. Наконецъ, мистическій эмпиризмъ признаетъ самостоятельность какъ индуктивныхъ, такъ и дедуктивныхъ умозаключеній, соглашаясь однако съ тѣмъ, что существуетъ разновидность умозаключеній, по виду сходная съ индуктивными, но на дѣлѣ имѣющая дедуктивный характеръ (косвенныя индуктивныя умозаключенія).

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе ученіе о возникновеніи сужденій индивидуалистическаго эмпиризма и априоризма, чтобы отмѣтить недостатки ихъ. По мнѣнію Милля, опытъ складывается исключительно изъ субъективныхъ переживаній, изъ индивидуальныхъ состояній сознанія познающаго субъекта, поскольку они возникаютъ подъ вліяніемъ воздѣйствія трансцендентныхъ вещей. Поэтому онъ полагаетъ, что никакія отношенія между переживаніями, кромѣ отношеній сосуществованія, послѣдовательности и сходства, не воспринимаются (связь причины съ дѣйствіемъ сознается только въ формѣ временной связи). Во всякомъ случаѣ воспріятію необходимой связи основанія и слѣдствія здѣсь нѣтъ мѣста. Но въ то же время онъ усматриваетъ, конечно, что наука должна заниматься изслѣдованіемъ именно необходи-

мыхъ отношеній между явленіями, отношеній причины и дѣйствія. Какъ же найти пары явленій, необходимо связанныхъ между собой, если эти связи не даны въ воспріятіи? Извѣстно, какъ рѣшилъ этотъ вопросъ Милль. Необходимая связь должна отражаться опредѣленнымъ образомъ во временной связи (по правиламъ четырехъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія), и потому о ней можно узнать косвеннымъ путемъ черезъ посредство временныхъ признаковъ. Этотъ путь есть косвенная индукція.

Отсюда слѣдуетъ, что необходимость, присущая частнымъ (единичнымъ) сужденіямъ даже и *при первомъ актѣ воспріятія*, необходимость, связывающая индивидуальныя въ узкомъ смыслѣ этого слова событія (напр., цѣль эволюционирующихъ историческихъ событій) въ сопринадлежащія группы, совершенно игнорируется теоріею Милля. Впрочемъ, логика до сихъ поръ вообще игнорировала вопросъ о первоначальномъ происхожденіи частныхъ (единичныхъ) сужденій: она интересовалась вопросомъ объ обоснованіи необходимой связи въ ея *законосообразной* (повторяющейся) формѣ, выразимой въ общемъ сужденіи. Милль послѣдовалъ этому теченію не только потому, что интересовался преимущественно законами явленій, но и потому, что его теорія воспріятія толкала его на этотъ путь: всякій философъ, отрицающій непосредственное воспріятіе необходимыхъ связей между явленіями, склоненъ полагать, что эта связь обнаруживается въ однообразныхъ повтореніяхъ во времени, т. е. въ законосообразной формѣ, такъ что даже и индивидуальное событіе есть не что иное, какъ индивидуальный комплексъ законосообразно связанныхъ элементарныхъ явленій. Итакъ, сосредоточимъ вниманіе на томъ же предметѣ, что и Милль, и зададимся вопросомъ, удалось ли ему путемъ ссылки на косвенную индукцію объяснить обоснованіе законовъ явленій.

Прежде всего, давно уже замѣчено, что большая посылка косвенной индукціи, законъ единообразія природы, сама не можетъ быть получена путемъ той же косвенной индукціи.

Чтобы отвѣтить на вопросъ объ ея происхожденіи, Милль принужденъ сослаться на то, что еще до всякой научной индукціи у насъ является множество обобщеній благодаря привычкѣ, на основаніи закона ассоціаціи идей ¹⁾, и всѣ они завершаются обобщеніемъ относительно единообразія природы. Такимъ образомъ всѣ наши знанія о законахъ природы, даже и полученные путемъ научной индукціи, оказываются не чѣмъ инымъ, какъ системою привычекъ, повѣряющихъ другъ друга, но нигдѣ не опирающихся на что-нибудь болѣе надежное, чѣмъ привычка. Отсюда ясно, что теорія знанія Милля приводитъ къ скептицизму и при томъ не къ временному, а къ вѣчному, къ безнадежному скептицизму. Эта сторона его взглядовъ давно уже выяснена ²⁾, но намъ хотѣлось бы еще добавить, что косвенная индукція Милля не только виситъ на воздухѣ вслѣдствіе необоснованности большей посылки, но и вовсе неосуществима, такъ какъ его теорія исключаетъ всякую возможность произвести *единичныя* наблюденія и опыты, которые требуются для установленія меньшей посылки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже говорили выше, каждому явленію сосуществуетъ и предшествуетъ во времени весь міръ, а потому философъ, утверждающій, что въ воспріятіи даны только временныя связи, никакъ не можетъ объяснить, почему мы въ своихъ единичныхъ наблюденіяхъ, т. е. высказывая единичныя сужденія, сравнительно такъ удачно выбираемъ изъ міровой безконечности комплексы явленій, дѣйствительно болѣе или менѣе сопринадлежающихъ. Ссылаться здѣсь на привычку нельзя, потому что привычка можетъ явиться только послѣ того, когда мы уже *произвели* такую *выборку* и всякій разъ при повтореніи явленія *сосредоточиваемъ* вниманіе *опять на томъ, что было выбрано въ первый разъ*. До сихъ поръ однако вопросъ о первоначальномъ происхожденіи частныхъ су-

¹⁾ При этомъ слѣдуетъ опять напомнить, что сослаться на привычку и на законъ ассоціаціи, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что такое привычка, и каковъ механизмъ ассоціаціи, рискованно. См. выше, наст. гл.

²⁾ См. напр. Лопатинъ, Положительныя задачи философіи, I, гл. I.

ждений не привлекаетъ къ себѣ вниманія, и потому наши замѣчанія о необъяснимости косвенной индукціи въ тѣхъ системахъ, которыя не допускаютъ непосредственнаго воспріятія необходимыхъ связей, не будутъ приняты. Но мы не сомнѣваемся, что логика будущаго, подъ вліяніемъ работъ Виндельбанда и Риккерта объ историческихъ наукахъ, въ скоромъ времени выяснитъ этотъ вопросъ.

Объ апіоризмѣ критической философіи намъ не придется говорить много. Какъ это ни странно, онъ страдаетъ почти всѣми тѣми же недостатками, что и индивидуалистическій эмпиризмъ Милля ¹⁾. Желая обосновать достовѣрное научное знаніе, Кантъ признаетъ, что существуютъ сужденія, въ которыхъ воспринимается *необходимая* связь между субъектомъ и предикатомъ, но это лишь тѣ сужденія, въ которыхъ выражаются апіорныя формы нашей собственной познавательной дѣятельности, приложимыя къ самому разнообразному эмпирическому чувственному матеріалу. Слѣдовательно, необходимыя сужденія суть всегда или *общія* сужденія или тѣ частныя сужденія, которыя подчинены имъ. Значитъ, и для Канта необходимость всегда имѣетъ *законосообразный* характеръ и къ тому же принадлежитъ только апіорной формѣ, но не эмпирически данному содержанию. Отсюда слѣдуетъ, что, встрѣтившись съ эмпирически даннымъ содержаніемъ, мы только тогда въ состояніи были бы построить о немъ на основаніи непосредственнаго воспріятія сужденіе, обладающее характеромъ необходимости, если бы усматривали непосредственно, что такіе-то его элементы подчинены такой-то апіорной формѣ. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы не только общія формы познавательной дѣятельности, но и конкретные случаи ихъ примѣненія были бы апіорно предопредѣлены. Если бы Кантъ допустилъ это, то его ученіе объ элементарныхъ методахъ мышленія ничѣмъ не отлича-

¹⁾ О нѣкоторыхъ интересныхъ чертахъ сходства между взглядами индивидуалистическаго эмпиризма и Канта на познаніе см. Лопатинъ, Положительныя задачи философіи, II, стр. 141 и др.

лось бы отъ нашего, кромѣ только того, что, по нашему мнѣнію, объективныя связи принадлежатъ самимъ вещамъ, а по мнѣнію Канта, они создаются познавательною способностью. Однако какъ извѣстно, Кантъ не рѣшился утверждать, что вся структура міра явленій апріорна. Слѣдовательно, ему приходилось или допустить, что примѣненіе апріорныхъ синтезовъ къ такимъ то, а не инымъ группамъ явленій опредѣляется а *posteriori* самими чувственными переживаниями, или же связать чувственныя данныя и апріорныя формы какимъ-либо косвеннымъ образомъ. Мы уже знаемъ ¹⁾, что Кантъ принужденъ былъ пойти этимъ послѣднимъ путемъ и связать разсудочныя апріорныя формы съ чувственными данными посредствомъ формъ времени. Воспринимая эмпирическія данныя, мы убѣждены, что между ними существуютъ необходимыя категоріальныя связи, но какіе элементы связаны между собою, этого мы непосредственно не воспринимаемъ; чтобы узнать объ этомъ, мы должны разсмотрѣть временныя связи между явленіями. Напр., чтобы узнать, какіе эмпирическіе элементы причинно связаны другъ съ другомъ, мы должны опредѣлить, какіе изъ нихъ подходятъ подъ схему причинности, а объ ней Кантъ говоритъ слѣдующее: „схема причины и причинности вещи вообще есть реальное, за которымъ, когда бы оно ни было дано, всегда (*jederzeit*) слѣдуетъ нѣчто другое“ ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что эмпирическое сужденіе, имѣющее научную цѣну, можетъ быть получено только косвеннымъ и именно только дедуктивнымъ путемъ, путемъ указанія на то, что воспріятыя временныя отношенія соотвѣтствуютъ схемѣ такого-то категоріальнаго синтеза. Слѣдовательно, научныя сужденія должны получаться или а *riori* или путемъ дедукціи. Научная индукція должна разсматриваться кантіанцами, какъ одна изъ формъ дедукціи, именно какъ умозаключеніе, большею посылкою кото-

1) См. объ этомъ подробнѣе гл. IV, „Вопр. фил.“, кн. 74, стр. 390 сс.

2) Kant, Kr. der reinen Vernunft, 2 изд. Кербаса, стр. 146 с.

раго служить временная „схема“ причинности, а меньшая посылка состоитъ изъ наблюдений и опытовъ, показывающихъ, что данная пара явленій подходитъ подъ схему. Следовательно, учение кантіанцевъ о научныхъ индуктивныхъ умозаключеніяхъ во всѣхъ отношеніяхъ должно походить на учение Милля, кромѣ того лишь, что большая посылка разсматривается ими не какъ продуктъ привычки, а какъ незаблѣмый достовѣрный законъ разсудка. Однако теорія индукціи мало отъ этого выигрываетъ: чтобы построить такое умозаключеніе, нужно имѣть не только большую, но и меньшую посылку; между тѣмъ, какъ уже показано выше, философъ, отрицающій непосредственное воспріятіе необходимыхъ связей между явленіями, не можетъ объяснить, какъ производится изъ міровой безконечности выборка того комплекса явленій, надъ которымъ нужно прсизвести наблюденія и опыты, составляющіе меньшую посылку косвеннаго индуктивнаго умозаключенія.

Пренебреженіе къ вопросу о первоначальномъ происхожденіи частныхъ сужденій и вообще къ вопросу о прямыхъ методахъ вездѣ мститъ за себя тѣмъ, что косвенные методы оказываются необъяснимыми до конца. Мы полагаемъ, что объяснить первоначальное возникновеніе частныхъ сужденій можно не иначе, какъ допустивъ непосредственное воспріятіе необходимыхъ связей между элементами дѣйствительности, и въ этомъ заключается одинъ изъ крупныхъ аргументовъ въ пользу интуитивизма.

Глава десятая

Послѣднія основанія знанія.

На первый взглядъ кажется, что мистическій эмпиризмъ (интуитивизмъ) черезчуръ упрощаетъ процессъ знанія, такъ что если бы теоріи интуитивизма были вѣрны, всѣ научныя проблемы должны бы уже быть рѣшены, наука должна была бы уже стать законченнымъ цѣлымъ. На дѣлѣ, какъ мы уже говорили, это невѣрно: мистическій эмпиризмъ (интуитивизмъ)

только отрицаетъ существованіе такихъ условій (разобщенности между я и не-я, недоступности воспріятію общаго, недоступности воспріятію необходимыхъ связей), которыя дѣлаютъ и научное и житейское знаніе совершенно невозможными, однако и послѣ этого процессъ знанія по теоріи оказывается не менѣ труднымъ, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ онъ опирается на дифференцированіе объектовъ путемъ сравненія, а это дѣло нелегкое. Въ самомъ дѣлѣ, первыя сужденія воспріятія, а также первыя сужденія прямой индукціи имѣютъ столь ничтожную научную цѣнность, что не могутъ быть отнесены къ области научнаго знанія. Обыкновенное содержаніе этихъ сужденій таково: „нѣчто сложное“ или „это сложное (при чемъ „это“ опредѣляется внѣшними пространственно-временными признаками), обладающее признакомъ S, есть P“ (напр., присутствуя при демонстраціяхъ въ физическомъ кабинетѣ, гимназистъ констатируетъ, что „эти бузинные шарики отталкиваются друга отъ друга“; крестьянинъ утверждаетъ, что „при вѣтрѣ дороги быстрѣ сохнутъ, чѣмъ при безвѣтренной погодѣ): въ этихъ сужденіяхъ изъ необъятной полноты содержанія субъекта дифференцированы или совсѣмъ не тѣ (бузинные), или не всѣ тѣ стороны его, которыя составляютъ непосредственное и достаточное основаніе предиката ¹⁾. Иными словами, связь между *дифференцированною* частью субъекта и предикатомъ въ нихъ или черезчуръ отдаленна, т. е. производна или не полна; поэтому въ качествѣ знанія объ индивидуальномъ они не удовлетворяютъ насъ вслѣдствіе своей неясности, а въ качествѣ общаго знанія мы ихъ даже совсѣмъ не рѣшаемся принять, такъ какъ не можемъ поручиться, что они имѣютъ всеобщее значеніе; итакъ, научной цѣны они почти не имѣютъ, но въ то же время, какъ констатированіе частныхъ фактовъ, они обладаютъ не менѣ необходимымъ характеромъ, чѣмъ математическія аксіомы.

Эти же самыя сужденія могутъ стать болѣе ясными и

¹⁾ См. объ идеалѣ сужденія гл. VII, „Вопр. фил.“, кн. 78, стр. 166—169.

нѣкоторыя изъ нихъ могутъ съ увѣренностью быть возведены на степень общихъ суждений, если будутъ дифференцированы всѣ промежуточные звенья между S и P или всѣ элементы, которые нужно дополнить къ S , чтобы получить достаточное основаніе для P . Въ первомъ случаѣ сужденіе „ $S—P$ “ принимаетъ видъ: „ $S—M…—P$ “ (S есть M , M есть P); а во второмъ случаѣ видъ: „ $SA …—P$ “, при чемъ наибольшее удовлетвореніе мы испытываемъ тогда, когда удается показать, что само P равно нѣкоторому BC , такъ что „ $SA—BC$ “, и именно „ $S—B$ “, а „ $A—C$ “.

Этотъ процессъ совершенствованія суждений состоитъ въ возрастаніи дифференціаціи объектовъ и приводитъ, какъ видно изъ схемъ, къ тому, что является возможность получить дедуктивнымъ путемъ сужденія, которыя прежде были установлены прямымъ воспріятіемъ или индукціею (напр., эти бузинные шарики наэлектризованы одноименнымъ электричествомъ, тѣла, наэлектризованныя одноименнымъ электричествомъ, отталкиваются другъ отъ друга, значить, эти шарики должны отталкиваться другъ отъ друга; при вѣтрѣ воздухъ, насыщенный парами, поднимающимися съ дороги, удаляется и замѣщается менѣе влажнымъ воздухомъ; въ менѣе влажномъ воздухѣ испареніе идетъ быстрѣе; при вѣтрѣ дорога сохнетъ быстрѣе). Вслѣдъ за этимъ дедуцированіемъ тезисъ тотчасъ же становится болѣе яснымъ, чѣмъ прежде, и болѣе убѣдительнымъ, болѣе достовѣрнымъ. Какъ это ни странно, даже частныя сужденія, установленныя первоначально прямымъ воспріятіемъ, испытываютъ это превращеніе и становятся болѣе убѣдительными, такъ что, повидимому, иногда мы даже болѣе довѣряемъ дедукціи, чѣмъ своимъ глазамъ, (напр., если при обыкновенной температурѣ вода закипитъ, мы, пожалуй, не повѣримъ своимъ глазамъ, пока намъ не скажутъ, что эта вода находится подъ давленіемъ 20 милл.). Поэтому когда наука переходитъ съ индуктивной стадіи развитія на дедуктивную, мы говоримъ, что она поднялась на болѣе высокую ступень именно въ смыслѣ большей научности, большей

достоверности ея положеній. Если какая-нибудь наука, напр. физиологія, не можетъ еще подняться на эту ступень развитія въ такомъ же смыслѣ, какъ астрономія, то мы все же стараемся придать ей дедуктивный характеръ путемъ выработки такихъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія, которые въ конечномъ итогѣ оказываются однимъ изъ видовъ дедукціи (косвенная индукція). Отсюда легко зарождается мысль, будто только дедукція есть истинно логическій методъ оправданія сужденій, будто логически доказано только то, что доказано дедуктивно.

На вопросъ, на чемъ же основывается эта исключительная достоверность и логичность дедукціи, обыкновенно даютъ слѣдующій отвѣтъ. Дедуктивное умозаключеніе (по крайней мѣрѣ въ первой фигурѣ силлогизма) опирается исключительно на логическіе законы мышленія: зная, что „S есть M“ и „M есть P“, и интересуясь отношеніемъ S къ P, мы по закону исключеннаго третьяго ищемъ истины только между двумя сужденіями „S есть P“, „S не есть P“, по закону противорѣчія ищемъ ея только въ одномъ изъ этихъ сужденій, по закону тождества находимъ ее въ сужденіи „S есть P“. Вся сила принужденія, кроющаяся въ логическихъ законахъ мышленія, и при томъ только эта логическая сила безъ всякой другой помощи обязываетъ насъ признать этотъ выводъ (мы уже говорили, что несогласны съ такимъ взглядомъ на дедуктивныя умозаключенія, но допустимъ, что это такъ): онъ вытекаетъ изъ посылокъ *съ аналитическою необходимостью*. Вотъ на чемъ основывается, скажутъ намъ, большая достоверность и даже какъ бы большая ясность тезисовъ послѣ дедуктивнаго доказательства, чѣмъ послѣ прямой индукціи или даже (иногда) послѣ прямого воспріятія.

Если бы мы согласились съ этою мыслью, то это съ точки зрѣнія нашей теории означало бы, будто косвенные методы, опирающіеся на косвенное усмотрѣніе связей, сильнѣе прямыхъ методовъ, опирающихся на прямое усмотрѣніе связей. Такое парадоксальное положеніе говорило бы

очень не въ пользу нашей теоріи; поэтому мы рассмотримъ подробнѣе, въ силу какихъ условій тезисъ, доказанный индуктивнымъ путемъ или прямымъ воспріятіемъ, обладаетъ меньшею степенью достовѣрности и ясности, чѣмъ *тотъ же* тезисъ, доказанный дедуктивно. Рѣшеніе этого вопроса было уже намѣчено выше. Если *одинъ и тотъ же* тезисъ можетъ быть доказанъ и съ помощью прямыхъ методовъ и дедуктивно, то это значить, что въ немъ связь между S и P не первоначальная, а производная или въ томъ смыслѣ, что S непосредственно причиняетъ M, а M уже является причиною P, или въ томъ смыслѣ, что явленія S и P сложны ($S = AB$, $P = CD$) и связь между ними разлагается на связь между ихъ элементами ($A—C$, $B—D$). Слѣдовательно, когда мы устанавливаемъ такіе тезисы прямыми методами, то это значить, что мы схватываемъ лишь крайнія звенья болѣе или менѣе длинной цѣпи или улавливаемъ въ смутной формѣ лишь связь между сложными цѣльми, не различая ихъ частей. Понятно, что послѣ дедуктивнаго доказательства эти тезисы становятся болѣе достовѣрными: дедуцировать ихъ это значить прослѣдить всѣ промежуточные звенья между S и P или всѣ связи между частями S и P, слѣдовательно, для *такихъ тезисовъ* дедуцированіе есть, такъ сказать, *болѣе прямой* методъ, чѣмъ индукція. Дедуцируя ихъ, мы прослѣживаемъ связи не скачками, а постепенно и получаемъ *болѣе подробное описаніе* дѣйствительности, чѣмъ, при прямомъ констатированіи наличности S и P. При этомъ, въ особенности, конечно, надо помнить, что первоначальная связи, на которыя мы разлагаемъ въ дедукціи тезисъ „S—P“, сами *въ конечномъ итогѣ* всегда принадлежатъ къ числу установленныхъ прямыми методами, такъ что убѣдительность и достовѣрность дедукціи имѣетъ *производный* характеръ: она вполне зависитъ отъ достовѣрности прямого усмотрѣнія первоначальныхъ, т.-е. наиболѣе простыхъ и наиболѣе непосредственныхъ связей между явлениями, недоступныхъ дедуцированію.

Безъ сомнѣнія, намъ возразятъ, что разложеніе сложнаго

явленія на простые элементы въ дедуктивномъ умозаключеніи ведетъ за собою только большую ясность, но еще не большую достовѣрность вывода. Большая достовѣрность, скажутъ намъ, достаточно объяснена уже выше; она кроется въ логической структурѣ дедукціи, въ томъ, что выводъ получается изъ посылокъ съ аналитическою необходимостью, сами же посылки, чтобы быть вполне достовѣрными, должны быть получены такимъ же путемъ или должны принадлежать къ числу сужденій, въ которыхъ предикатъ вытекаетъ изъ субъекта съ аналитическою необходимостью. Это убѣжденіе, что аналитическая необходимость есть *верховный критерій* истины, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще сильно укоренено въ логикѣ, и съ нимъ-то мы и собираемся бороться. Выраженное иными словами, оно состоитъ въ утвержденіи, что *логическое основаніе* для признанія сужденія необходимымъ можетъ заключаться не иначе, какъ въ принужденіи, исходящемъ со стороны логическихъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго—принужденіи, возникающемъ тогда, когда *отрицаніе даннаго сужденія заключаетъ въ себя нарушеніе логическихъ законовъ мышленія*, и только признаніе его согласуется съ ними. При этомъ, очевидно, специфически логическимъ элементомъ мышленія считается только усмотрѣніе тождества или различія, а потому и логическія основанія усматриваются не иначе, какъ въ тождествѣ или различіи; самъ разумъ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ функціею усмотрѣнія тождества или различія.

Глубокое различіе между этими характерными для раціонализма взглядами на познаніе и мистическимъ эмпиризмомъ мы выяснимъ въ послѣдней главѣ, подводя итоги всего своего изслѣдованія, а здѣсь вступимъ съ ними въ борьбу только по вопросу о верховномъ критеріи истины.

Мы не отрицаемъ огромнаго значенія логическихъ законовъ мышленія, какъ критерія лжи. Но мы хотимъ напомнить, что какъ критерій истины, они примѣнимы лишь къ тѣмъ сужденіямъ, въ которыхъ предикатъ вытекаетъ изъ субъекта

екта или изъ посылокъ съ аналитическою необходимостью. Поэтому Кантъ ограничиваетъ значеніе закона противорѣчія, какъ положительнаго критерія истины, только областью аналитическаго знанія ¹⁾. Если же признать, какъ это дѣлаемъ мы, что въ каждомъ сужденіи съ извѣстной точки зрѣнія есть *синтетическая* сторона ²⁾, то значеніе логическихъ законовъ мышленія окажется еще болѣе ограниченнымъ. И дѣйствительно не трудно показать, что они составляютъ вовсе не достаточный критерій истины потому, что *нуждаются въ точки опоры* для проявленія своей силы, именно могутъ быть примѣнены лишь тамъ, гдѣ уже есть установленная истина, которая, слѣдовательно, должна быть признана за истину на основаніи какого-то другого болѣе первоначальнаго, дѣйствительно верховнаго критерія. Въ самомъ дѣлѣ, тожество и отсутствіе противорѣчія, *обязывающія принять* данное сужденіе, могутъ быть констатированы не иначе, какъ въ отношеніи къ истинѣ, которая уже раньше неизбежно установлена; отсюда ясно, что первая или первая истины не могутъ быть установлены путемъ одного только усмотрѣнія тожества или отсутствія противорѣчія.

Роль такихъ первыхъ истинъ, съ которыми новыя истины должны согласоваться по закону тожества и противорѣчія принадлежить въ конечномъ итогѣ аксіомамъ (и постулатамъ), опредѣленіямъ и сужденіямъ прямого воспріятія. Въ самомъ дѣлѣ, доказывая напр., теорему „сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ“, мы приходимъ въ результатѣ къ мысли, что это сужденіе должно быть принято за истину, такъ какъ отрицаніе его противорѣчило бы аксіомѣ „двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою“. Однако несомнѣнно, что не законъ противорѣчія служитъ здѣсь верховнымъ критеріемъ истины. вмѣстѣ съ остальными логическими законами онъ показываетъ намъ только, что мы не можемъ одновременно утверждать аксіо-

1) Kant, Kritik der reinen Vernunft, 2-е изд. Кербача, стр. 81 с.

2) См. гл. VI. „Вопр. фил.“ кн. 77, стр. 83—85.

му и признавать положеніе „сумма угловъ треугольника не равна двумъ прямымъ“, что мы должны стать или на сторону перваго изъ этихъ положеній (и тогда сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ) или на сторону второго (и тогда двѣ величины, равныя порознь третьей не равны или по крайней мѣрѣ не всегда равны другъ другу). Противорѣчіе существуетъ только до тѣхъ поръ, пока мы признаемъ за истину оба положенія; но оно въ одинаковой мѣрѣ исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если мы отвергнемъ аксіому, и въ томъ случаѣ, если мы отвергнемъ сужденіе „сумма угловъ треугольника не равна двумъ прямымъ“. Отсюда ясно, что законы тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго *обязываютъ насъ сдѣлать выборъ между двумя сторонами, но безсильны указать, на какую сторону мы должны стать.* Чтобы найти, на какой сторонѣ правда, нуженъ новый, послѣдній критерій. Въ разбираемомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ съ такою силою и опредѣленностью, что вопросъ, гдѣ истина, даже и не поднимается: мы сразу становимся на сторону аксіомы и потому намъ кажется, будто въ процессѣ размышленія никакими другими критеріями, кромѣ трехъ логическихъ законовъ мышленія, не приходилось пользоваться.

Итакъ, мы должны поставить вопросъ, каковъ тотъ критерій истины, который заставляетъ насъ, въ случаѣ спора, становиться на сторону аксіомъ? Намъ можетъ быть сказать, что и въ отношеніи аксіомъ критеріемъ истины служатъ опять-таки три логическіе закона мышленія: отрицаніе аксіомы неизбежно ведетъ *къ противорѣчіямъ съ данными опыта, засвидѣтельствованными въ актахъ прямого воспріятія.* Разбирать подробно это возраженіе мы не будемъ: въ немъ кроется тотъ же недосмотръ, какой мы только что указали выше. Противорѣчіе между сужденіемъ, отрицающимъ аксіому, и сужденіями прямого воспріятія заставляетъ насъ стать или на одну или на другую сторону, но оно вовсе не указываетъ, *на какую именно сторону слѣдуетъ стать.* Чтобы рѣшить этотъ вопросъ нуженъ высшій критерій. Въ

случаѣ столкновѣнія сужденій, отрицающихъ показанія воспріятія съ сужденіями, выражающими ихъ, этотъ критерій такъ рѣшительно говоритъ въ пользу сужденій воспріятія, что мы безъ всякихъ колебаній становимся на сторону ихъ, *не задаваясь даже вопросомъ, что побуждаетъ насъ къ этому.* Итакъ, въ дополненіе къ поставленному выше вопросу надо изслѣдовать также: каковъ тотъ критерій истины, который составляетъ насъ въ случаѣ столкновѣнія сужденія воспріятія съ отрицаніемъ его становится на сторону сужденія воспріятія?

Впрочемъ, защитники ученія о томъ, что логическіе законы мышленія суть верховный критерій истины, могутъ утверждать, что не только выводы должны вытекать изъ посылокъ съ аналитическою необходимостью, но и сами послѣднія посылки знанія должны быть аналитическими сужденіями, отрицаніе которыхъ само въ себѣ уже заключаетъ противорѣчіе, такъ что здѣсь сталкиваются два сужденія, изъ которыхъ одно само по себѣ въ силу логическихъ законовъ мышленія уже есть нелѣпость, а другое само по себѣ въ силу тѣхъ же законовъ мышленія есть истина. Въ противовѣсъ этому утвержденію напомнимъ опять, что всякое сужденіе безъ исключенія имѣетъ съ одной стороны аналитическій, а съ другой стороны (именно, если имѣтъ въ виду только дифференцированныя стороны субъекта) синтетическій характеръ ¹⁾. Поскольку всѣ сужденія имѣютъ синтетическій характеръ, критеріемъ истины ихъ не могутъ быть логическіе законы мышленія. Поскольку же всѣ они имѣютъ аналитическій характеръ въ нашемъ смыслѣ этого слова (если принять за субъектъ всю полноту бытія, даннаго въ воспріятіи и еще подлежащаго дифференцированію), критеріемъ истины ихъ дѣйствительно отчасти служить законъ тождества. Но объ этомъ мы поговоримъ потомъ, когда установимъ свой взглядъ на критерій истины, а теперь, въ виду того, что наше возраженіе имѣетъ

¹⁾ См. гл. VI. „Вопр. фил.“ кн. 77, стр. 83 сс.

силу только съ точки зрѣнія нашей теоріи, примемъ на время взгляды нашихъ противниковъ, допустимъ, что существуютъ настоящія аналитическія сужденія въ противоположность синтетическимъ и покажемъ, что и въ этомъ случаѣ наши противники должны были бы допустить, кромѣ логическихъ законовъ мышленія существованіе еще нѣкотораго критерія истины. Въ самомъ дѣлѣ, изъ однихъ аналитическихъ сужденій нельзя получить синтетическихъ выводовъ, а такъ какъ въ составъ знанія несомнѣнно входятъ синтетическія сужденія, какъ это показано Кантомъ, то, по крайней мѣрѣ, для этой части нашего знанія долженъ существовать критерій истины сверхъ логическихъ законовъ мышленія. Но этого мало, такой критерій необходимъ *даже для самихъ аналитическихъ сужденій*, если они имѣютъ не гипотетическій, а категорическій характеръ. Всякое категорическое сужденіе „S есть P“ заключаетъ въ составѣ своего субъекта два сужденія: изъ нихъ одно (экзистенціальное сужденіе) утверждаетъ наличность (а не гипотетическій только характеръ) нѣкотораго неопредѣленнаго еще объекта, а другое (безсубъектное сужденіе) опредѣляетъ этотъ объектъ, какъ S. Такой же характеръ должны имѣть и субъекты категорическихъ аналитическихъ сужденій. Въ самомъ дѣлѣ, предикатъ этихъ сужденій устанавливается на основаніи законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть тождественнымъ и не противорѣчащимъ *въ отношеніи* къ субъекту: значить эти законы могутъ вступить въ дѣйствіе и дать категорическое сужденіе только съ того момента, какъ субъектъ уже установленъ въ качествѣ *дѣйствительнаго* (а не гипотетическаго) бытія и при томъ *такого-то опредѣленнаго* бытія. Выполнить эти предварительныя операціи можно не иначе, какъ опираясь на какой-то другой критерій истины, кромѣ логическихъ законовъ мышленія. Только въ гипотетическихъ аналитическихъ сужденіяхъ „если АВ есть, то оно есть В“, намъ не приходится прибѣгать ни къ какимъ критеріямъ истины, кромѣ логическихъ зако-

новъ мышленія: въ этихъ сужденіяхъ субъектъ устанавливается нашимъ *произволомъ*, а предикатъ *вслѣдъ за этимъ* опредѣляется логическими законами мышленія. Однако ясно, что на такихъ сужденіяхъ построить систему знанія нельзя.

Итакъ, передъ нами возникаетъ вопросъ: на какой критерій истины должны опираться аналитическія сужденія (если чисто аналитическія сужденія существуютъ), чтобы быть категорическими, а не гипотетическими только? Такъ какъ аксіомы и сужденія прямого воспріятія въ громадномъ большинствѣ несомнѣнно принадлежать къ числу синтетическихъ сужденій, то этотъ вопросъ не имѣлъ бы для насъ большого значенія, если бы въ числѣ первыхъ основаній знанія не было еще опредѣленій. Опредѣленія съ наибольшимъ успѣхомъ можно разсматривать, какъ сужденія чисто аналитическія. Однако категорическіе выводы можно получить только изъ категорическихъ опредѣленій, а такія опредѣленія, даже если бы они и были чисто аналитическими сужденіями, должны опираться, какъ мы только что показали, кромѣ логическихъ законовъ мышленія еще на какой-то критерій истины. Такъ какъ самую проблему критерія истины категорическихъ аналитическихъ сужденій, мы подняли только ради опредѣленій (такъ какъ они по внѣшнему виду кажутся наиболѣе заслуживающими названія чисто аналитическихъ сужденій), то мы предпочитаемъ выразить послѣдній изъ поставленныхъ вопросовъ въ слѣдующей формѣ: на какой критерій истины должны опираться опредѣленія, чтобы служить основаніемъ для категорическаго, а не гипотетическаго только знанія?

Напомнимъ, что три поставленные нами вопроса (о критеріи истины для аксіомъ, для сужденій прямого воспріятія и для опредѣленій) обязательны также и для тѣхъ, кто считаетъ дедуктивное умозаключеніе единственнымъ строго логическимъ методомъ доказательства. Для насъ же, сверхъ этого, необходимо еще рѣшеніе вопроса, каковъ критерій истины, лежащій въ основѣ прямой индукціи и косвеннаго воспріятія.

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы уже данъ нами: все наше изслѣдованіе съ первой и до послѣдней главы есть не что иное, какъ подробное развитіе этого отвѣта, и теперь намъ нужно только вновь вкратцѣ резюмировать его. Если истина есть не *копія* дѣйствительности, не *символическое* воспроизведеніе ея и не *явленіе* ея, сообразное съ законами познавательной дѣятельности, а *сама дѣйствительность* въ дифференцированной формѣ, то критеріемъ истины можетъ быть только наличность самой познаваемой дѣйствительности, *наличность познаваемаго бытія* въ актѣ знанія. Эта наличность несомнѣнна въ томъ случаѣ, когда содержаніе познанія „дано“ мнѣ, а не произведено дѣятельностью, которая чувствуется мною, какъ „*мое*“ *субъективное усиліе* ¹⁾, когда содержаніе знанія присутствуетъ и развивается въ актѣ знанія *само собою*, а я только *слѣдую* за нимъ, сосредоточивая на немъ вниманіе и дифференцируя его путемъ сравненія.

Такъ какъ мы не можемъ охватить всей дѣйствительности сразу, а усматриваемъ всегда только ту или другую сторону, необходимо принадлежащую ей, то знаніе наше выражается всегда въ формѣ сужденія, т.-е. въ формѣ предиката, связаннаго съ субъектомъ по закону достаточнаго основанія, но критеріемъ того, что субъектъ есть дѣйствительно достаточное основаніе предиката служитъ опять таки наличность, данность въ актѣ знанія этой связи необходимой сопринадлежности. Всѣ сужденія, все равно—получены ли они путемъ прямого воспріятія или прямой индукціи, путемъ косвеннаго воспріятія или дедукціи, оправдываются этою наличностью познаваемаго бытія, при чемъ, конечно, общія сужденія возможны не иначе, какъ въ случаѣ реальности общаго (реализмъ въ ученіи объ общихъ представленіяхъ и понятіяхъ), и весь процессъ знанія вообще предполагаетъ такую объединенность всего міра, которая требуетъ отъ онтологіи своеобразной обработки уче-

1) См. гл. VI. „Вопр. фил.“ кн. 77.

нія о пространствѣ и времени (о виѣположности явленій въ отношеніи другъ къ другу въ пространствѣ и времени, не исключющей единства міра).

Если мы правы, то надо ожидать, что теорія знанія давно уже указываетъ на этотъ критерій истины, но только истолковываетъ его иначе и называетъ его иными именами, соответственно различнымъ ученіямъ объ истинѣ и знаніи. И въ самомъ дѣлѣ, что если не указанный нами критерій нужно разумѣть подъ *очевидностью*, которую Декартъ считаетъ высшимъ показателемъ истины? Однако, имѣя въ виду тотъ же *фактъ*, что и мы, Декартъ уничтожаетъ его гносеологическую цѣнность своею *теорією*: считая истину *копіею* съ дѣйствительности, состоящею изъ личныхъ состояній познающаго субъекта, онъ долженъ разумѣть подъ очевидностью *субъективное чувствованіе*, но какимъ же образомъ какое бы то ни было субъективное чувствованіе можетъ быть ручательствомъ того, что сужденія субъекта *въ самомъ дѣлѣ копируютъ* трансцендентную дѣйствительность?

Точно такъ же и подъ „немыслимостью отрицанія“, критеріемъ истины Спенсера, нужно разумѣть наличность бытія въ опытѣ, если мы хотимъ освободить критерій Спенсера отъ противорѣчій и придать ему гносеологическую цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, если я вижу, что „на столѣ лежитъ книга“, то для меня все же и мыслимо, и представимо утвержденіе, будто „на столѣ нѣтъ книги“, однако я не становлюсь на сторону послѣдняго сужденія, потому что чувствую въ немъ продуктъ моего произвола, моей субъективной дѣятельности; слѣдовательно, критеріемъ истины здѣсь является не просто „немыслимость отрицанія“, а „немыслимость объективнаго отрицанія“, т.-е. такого отрицанія, содержаніе котораго было бы *наличнымъ помимо „моей“ субъективной дѣятельности*. Но если такъ, то это значить, что у насъ есть не только отрицательный, но и положительный критерій истины, кроющійся уже и въ первомъ сужденіи до всякаго отрицанія его, именно наличность содержанія сужденія помимо „моей“ субъективной дѣятельности.

Критерій истины нео-кантіанцевъ Вильденбанда и Риккерта, состоящій въ „долженствованіи соединять представленія такъ, а не иначе“, мы подвергли подробной оцѣнкѣ въ шестой главѣ и потому не будемъ разсматривать его здѣсь ¹⁾).

Верховный критерій истины безошибоченъ; тѣмъ не менѣе наше знаніе полно заблужденій и ошибокъ. Происходить это по нашей собственной винѣ, именно потому что подъ вліяніемъ своихъ страстей, привычекъ, легкомыслія и т. п. мы становимся нерѣдко на сторону такихъ сужденій (вѣрнѣе, комбинацій представленій), противъ которыхъ громко говоритъ критерій истины, или же потому, что не поддерживаемся отъ произнесенія сужденій въ тѣхъ случаяхъ, когда критерій истины, вслѣдствіе недифференцированности содержанія сужденія, еще не говоритъ въ пользу сужденія или, по крайней мѣрѣ, части его. Если таковы источники ошибокъ, то можно быть увѣреннымъ, что искреннее исканіе истины почти всегда ведетъ если не къ полному, то по крайней мѣрѣ къ частичному обладанію истиною, состоящему въ томъ, что наше сужденіе нуждается лишь въ поправкахъ, чаще всего въ ограниченіи или въ расширеніи, чтобы стать полною истиною. Исторія науки вполнѣ подтверждаетъ эту мысль.

Въ особенности въ томъ случаѣ, если содержаніе сужденія сложно, легко можетъ оказаться, что къ нему при мѣшивается какой-нибудь лишній элементъ или, наоборотъ, упущенъ изъ виду и не упомянуть прямо и опредѣленно какой-нибудь необходимый элементъ. Особенно неприятны тѣ весьма распространенные случаи, когда подъ одною и тою же словесною формою сложнаго сужденія у однихъ кроется одно, а у другихъ отчасти другое содержаніе: въ такихъ случаяхъ нерѣдко одни утверждаютъ сужденіе съ полнымъ сознаніемъ объективности своего утвержденія, а другіе отрицаютъ то же сужденіе съ такимъ же отчетли-

¹⁾ „Вопр. фил.“, 77, стр. 90—103.

вымъ сознаниемъ объективности своего отрицанія. Въ этихъ случаяхъ всеобщій критерій истины ни въ чемъ не повиненъ: спорящія стороны обсуждаютъ не одинъ и тотъ же, а два различныхъ факта. Если бы они разложили сложное содержаніе своихъ сужденій, то они признали бы правоту обѣихъ сторонъ, или же замѣтили бы, что одна изъ сторонъ не права въ томъ смыслѣ, что говорить о вещи, совсемъ не относящейся къ дѣлу въ данномъ случаѣ.

Эти источники ошибокъ въ сложныхъ сужденіяхъ всѣмъ хорошо извѣстны, но такъ какъ этотъ вопросъ существенно важенъ для разъясненія нашего взгляда на современное состояніе аксіомъ и процессъ ихъ развитія, то мы рассмотримъ одинъ примѣръ такого спора, уже сданнаго въ архивъ въ наукѣ и разобраннаго также въ философской литературы. Во времена Колумба одни допускали возможность антиподовъ, а другіе отрицали существованіе ихъ. Это отрицаніе намъ вполне понятно: говоря объ антиподахъ, противники Колумба представляли себѣ людей, подверженныхъ дѣйствию силы, отрывающей ихъ отъ поверхности земли и потому дѣлающей невозможнымъ ихъ пребываніе на землѣ. Очевидно, *такіе* антиподы немыслимы для насъ и теперь: паденіе ихъ съ поверхности земли есть неизбежно наличное, наглядно возникающее передъ нашимъ умственнымъ взоромъ слѣдствіе того основанія, изъ котораго мы исходили ¹⁾. Мало того, строго говоря, многіе изъ нашихъ современниковъ, которымъ антиподы невольно представляются какъ люди, находящіеся *внизу*, лишь на словахъ усвоили новое ученіе, а на дѣлѣ, согласно содержанію своихъ представленій, должны были бы вернуться къ отрицанію антиподовъ. Только тотъ, кому живо представляется, что ноги антиподовъ съ такою же силою прилѣпляются, такъ сказать, къ землѣ, какъ и наши, освободился отъ представленія, будто антиподы ходятъ внизъ головою и усвоили

¹⁾ См. объ этомъ спорѣ Лопатинъ, „Положительныя задачи философіи“, I, стр. 13 с., стр. 71.

современное учение. Въ этомъ случаѣ опять-таки представленіе объ антиподахъ есть неизбѣжно наличное слѣдствіе того основанія, изъ котораго мы исходимъ.

Отсюда ясно, что когда два столь сложныя утвержденія сталкиваются другъ съ другомъ, критерій истины не можетъ дать намъ отчетливыхъ указаній, если мы беремъ ихъ какъ цѣлое, въ грубо недифференцированномъ видѣ. Наоборотъ, разложивъ ихъ на элементы и усмотрѣвъ, что въ одномъ случаѣ исходнымъ пунктомъ служить представленіе о силѣ тяжести, направленной къ поверхности и центру земли (здѣсь дифференцировано также содержаніе неопредѣленнаго представленія „внизъ“), а въ другомъ случаѣ—представленіе о силѣ тяжести, направленной отъ поверхности земли, мы безъ труда замѣтимъ, что содержаніе перваго представленія есть нѣчто *объективно наличное*, а содержаніе втораго произвольно *соотнесено* съ даннымъ случаемъ *нами самими*, вслѣдствіе чего и слѣдствіе изъ этого представленія есть наличный результатъ (отчасти) *нашей* дѣятельности, а не *самой* познаваемой дѣйствительности.

Изъ этого же примѣра ясно, почему мы не можемъ ограничиться въ своемъ познаніи одними лишь сужденіями простаго воспріятія: въ большинствѣ случаевъ содержаніе воспринимаемой дѣятельности оказывается безмѣрно сложнымъ и потому мы не можемъ охватить сразу съ полною отчетливостью всѣ ея элементы и отношенія между ними ¹⁾ и рискуемъ принять продукты своего творчества и своей субъективной упорядочивающей дѣятельности за объективную дѣйствительность. Если такимъ образомъ даже сужденія прямого воспріятія оказываются не вполне надежными безъ дальнѣйшей обработки, то тѣмъ болѣе ненадежными должны быть основанныя только на такихъ сужденіяхъ предсказанія, хотя они и возможны въ формѣ косвеннаго воспріятія, забѣгающаго впередъ за предѣлы прямо наблюдаемой дѣйствительности. Поэтому, чтобы дойти до совер-

¹⁾ См. о сложности содержанія суждений Введение, „Вопр. фил. и пс.“, кн. 72.

шенно отчетливаго усмотрѣнія, какіе именно элементы и отношенія между ними наличны, необходимо разлагать дѣйствительность до послѣдней глубины, производить все болѣе и болѣе утонченныя дифференціаціи, облегчающія процессъ *очищенія* объективно даннаго отъ субъективно принесеннаго. Дифференціація прямыхъ воспріятій приводитъ къ разложенію сужденій прямого воспріятія на болѣе простыя сужденія (прямая индукція); этимъ путемъ мы восходимъ отъ частныхъ сужденій къ сужденіямъ все болѣе и болѣе общимъ. Накопивъ болѣе или менѣе значительный запасъ общихъ сужденій, мы можемъ возвращаться отъ нихъ опять къ частнымъ сужденіямъ, складывая изъ нихъ, т.-е. дедуцируя изъ нихъ эти частныя сужденія. Такимъ образомъ дифференцированное знаніе возникаетъ изъ недифференцированнаго и въ свою очередь служитъ средствомъ повѣрки для недифференцированнаго знанія согласно законамъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Къ такой повѣркѣ легко прибѣгнуть въ тѣхъ наукахъ, которыя установили въ своей области достаточное количество сужденій, въ высшей степени общихъ и въ то же время содержащихъ въ себѣ стороны бытія, рѣзко обособившіяся въ нашемъ сознаніи отъ постороннихъ примѣсей, отчетливо дифференцированныя и неотразимоналичныя. Таковы *аксіомы*: благодаря послѣднему своему свойству онѣ служатъ *надежнымъ критеріемъ* провѣрки, а благодаря первому (высокой степени общности) онѣ имѣютъ *широкій кругъ примѣненія*: служа выраженіемъ многообъемлющей стороны бытія, онѣ входятъ, какъ составные элементы, въ очень многія частныя сужденія.

Кромѣ разложенія сложнаго содержанія первоначальныхъ сужденій, нерѣдко приходится прибѣгать также къ ограниченію изучаемой области дѣйствительности. Сталкиваясь съ неисчерпаемо разнообразнымъ содержаніемъ даже и въ какой-нибудь отдѣльной сторонѣ міра, напр. въ сферѣ пространственныхъ отношеній, мы отмежевываемъ для детальнаго изученія нѣкоторыя строго опредѣленныя группы формъ,

заявляя, напр., что будемъ разсматривать пространственныя формы, обладающія совокупностью свойствъ *abc*, напр. плоскія фигуры, ограниченныя замкнутыми кривыми линиями, всѣ точки которыхъ находятся на равномъ разстояніи отъ одной точки, находящейся внутри кривой. Сужденія, выражающія въ дифференцированной формѣ группу явленій, образующихъ единое цѣлое, намѣченное для изученія, называются *опредѣленіями*. Конечно, мы имѣемъ здѣсь въ виду не тѣ опредѣленія, которыя завершаютъ собою научное изслѣдованіе, а тѣ, которыя служатъ исходнымъ пунктомъ для него. вмѣстѣ съ сужденіями прямого воспріятія и аксіомами они принадлежатъ къ числу послѣднихъ основаній науки. Если въ процессѣ изслѣдованія мы приходимъ къ положенію, которое по закону тождества, противорѣчія или исключеннаго третьяго несовмѣстимо съ нашимъ опредѣленіемъ, то мы отказываемся отъ такого положенія совершенно такъ же, какъ мы отказались бы отъ него, если бы оно столкнулось съ аксіомою. Спрашивается, что придаетъ такую силу опредѣленіямъ. Почему мы такъ увѣрены, что истина на сторонѣ опредѣленія, и что все противорѣчащее ему должно быть устранено? На этотъ вопросъ слѣдовало бы отвѣтить цѣлою монографіею, но такъ какъ наше рѣшеніе его прямо вытекаетъ изъ всего предыдущаго, то мы рѣшаемся высказать его вкратцѣ, безъ отступленій въ сторону.

Опредѣленія устанавливаются въ основѣ науки или въ томъ случаѣ, когда мы на основаніи *прямого воспріятія* навѣрное знаемъ, что *бываютъ* вещи, обладающія свойствами *abc*, и хотимъ изучить другія свойства ихъ, или же въ томъ случаѣ, когда мы *произвольно предполагаемъ* существованіе вещи *abc* и интересуемся узнать, чтѣ необходимо слѣдуетъ изъ этого предположенія. Неудивительно, что и въ первомъ и во второмъ случаѣ мы отвергаемъ всякое положеніе, несогласимое съ опредѣленіемъ: въ первомъ случаѣ въ пользу опредѣленія говоритъ *критерій наличности бытія*, а во второмъ случаѣ насъ побуждаетъ стать на сторону опредѣле-

нія *поставленная нами цель*, именно интересъ къ тому, что вытекаетъ изъ *нашего* предположенія, а не изъ какихъ-либо *другихъ* сужденій. Само собою разумѣется, наука, развивающаяся на почвѣ такихъ произвольныхъ опредѣленій, имѣетъ характеръ *гипотетическій*.

Итакъ, критеріемъ истины для послѣднихъ основаній знанія служитъ наличность (данность) бытія въ ихъ содержаніи, а не аналитическая необходимость. Разсматривая сужденія прямого воспріятія и опредѣленія (не гипотетическія), нетрудно согласиться съ этимъ положеніемъ, но въ примѣненіи къ аксіомамъ оно вызываетъ сомнѣнія. Кажется невозможнымъ, чтобы аксіомы возникли такимъ простымъ и совершенно одинаковымъ со всѣми другими сужденіями путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно нашему ученію онѣ не суть апріорныя основоположенія или прирожденныя истины, вложенныя въ нашу душу Богомъ, онѣ отличаются отъ другихъ сужденій прямой индукціи или косвеннаго воспріятія только тѣмъ, что содержаніе ихъ, несмотря на свою чрезвычайную общность, отчетливо обособлено передъ нашимъ умственнымъ зрѣніемъ отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей, такъ что, обративъ вниманіе на субъектъ ихъ, мы безъ труда и безъ помощи многочисленныхъ частныхъ примѣровъ съ полною отчетливостью усматриваемъ необходимое и наличное слѣдованіе изъ него предиката. Отсюда слѣдуетъ, скажутъ намъ, что аксіомы вовсе не представляютъ собою абсолютно надежнаго знанія и могутъ заключать въ себѣ тѣ же недостатки и даже заблужденія, какія обычно встрѣчаются въ сужденіяхъ прямой индукціи и косвеннаго воспріятія; мало того, аксіомы въ такомъ случаѣ вовсе не могутъ быть рѣзко обособлены отъ другихъ сужденій, между ними и другими сужденіями должны существовать переходныя формы, благодаря которымъ проведеніе демаркаціонной линіи становится невозможнымъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія мы скажемъ, что они говорятъ вполне въ нашу пользу. Аксіомы дѣйствительно изобилуютъ тѣми недостатками и заблужденіями, которыя свойственны

сужденіямъ прямой индукціи и косвеннаго воспріятія; между ними и другими сужденіями дѣйствительно нельзя провести рѣзкой демаркаціонной линіи. Остановимся прежде всего на первомъ ихъ свойствѣ. Согласно нашей теоріи сужденій, въ умозаключеніяхъ прямой индукціи и въ сужденіяхъ косвеннаго воспріятія чаще всего встрѣчаются слѣдующія ошибки: ихъ субъектъ или не полонъ и потому сужденіе имѣетъ черезчуръ обшій видъ, или, наоборотъ, онъ содержитъ въ себѣ лишніе элементы и потому сужденіе черезчуръ узко по объему. Въ первомъ случаѣ ошибка возникаетъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, что всякое бытіе, поскольку въ немъ есть элементы SK, обладаетъ признакомъ P, такъ что истина выражается сужденіемъ „всякое SK есть P“. Положимъ далѣе, что K въ силу какихъ-либо условій процесса сравниванія принадлежитъ къ числу тѣхъ сторонъ бытія, которыя съ величайшимъ трудомъ дифференцируются въ сознаніи; тогда легко можетъ случиться, что, мысля о томъ бытіи, которое есть SK, мы будемъ характеризовать его только признакомъ S, т.-е. будемъ высказывать черезчуръ широкое сужденіе „всякое S есть P“ и тѣмъ не менѣе оно будетъ казаться намъ неотразимо убѣдительнымъ, такъ какъ, поставивъ субъектъ S, мы въ недифференцированной формѣ присоединяемъ къ нему K, а изъ сочетанія S и K дѣйствительно съ необходимостью слѣдуетъ P. Заблужденіе второго рода возникаетъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, что всякое бытіе, поскольку въ немъ есть элементъ S, обладаетъ признакомъ P, такъ что истина выражается сужденіемъ „всякое S есть P“; положимъ далѣе, что въ нашемъ опытѣ S почти всегда встрѣчается вмѣстѣ съ K, въ такомъ случаѣ мы подвергаемся опасности не замѣтить, что K есть лишній элементъ и настаивать, что „только SK есть P“.

Усмотрѣть, что къ сужденію присоединенъ лишній дифференцированный элементъ, гораздо легче, чѣмъ замѣтить, что какой-либо изъ необходимыхъ элементовъ мыслится лишь въ недифференцированной формѣ; поэтому трудно допу-

стить, чтобы въ аксіомахъ встрѣчалась ошибка второго рода, но за то ошибка перваго рода чрезвычайно распространена и мы сомнѣваемся, *существуетъ ли хотя одна аксіома, а тѣмъ болѣе постулатъ, свободные отъ нея*. Въ подтвержденіе сошлемся сначала на одинъ изъ случаевъ такого недостатка, уже разоблаченнаго эволюціею науки. Аксіомы, касающіяся пространственныхъ отношеній и лежащія въ основаніи геометріи Эвклида, долго высказывались безъ всякихъ оговорокъ, но въ наше время къ нимъ уже необходимо присоединять нѣкоторое ограниченіе, именно указывать, что онѣ имѣютъ силу для трехмѣрнаго пространства съ постоянною кривизною, равною нулю. Эта оговорка, сообщающая нашему знанію болѣе точный видъ, имѣетъ не только такое формальное значеніе. Отмѣчая сравнительно частный характеръ нашего знанія, она, какъ извѣстно, открываетъ передъ нами обширныя области для новыхъ изслѣдованій, составляющихъ содержаніе цѣлыхъ новыхъ наукъ, которыя въ свою очередь могутъ быть обобщены такъ, что геометрія Эвклида окажется на ряду съ ними однимъ изъ частныхъ случаевъ нѣ котораго болѣе общаго знанія.

Подобныхъ измѣненій еще съ большимъ правомъ можно ожидать отъ сложныхъ постулатовъ, лежащихъ въ основѣ физики и химіи, именно отъ закона сохраненія вещества и закона сохраненія энергіи. Они не обладаютъ такою степенью очевидности, какъ математическія аксіомы, и потому полезно обозначать ихъ терминомъ постулаты, однако для наукъ о физическомъ мірѣ они играютъ ту же роль, что и аксіомы, и обоснованіе ихъ можетъ происходить лишь такимъ же путемъ, какъ обоснованіе математическихъ аксіомъ: именно путемъ умозрительной прямой индукціи или путемъ умозрительнаго косвеннаго воспріятія. Разсмотримъ съ этой стороны, напр., постулатъ сохраненія вещества.

Поверхностное ненаучное наблюденіе, руководящееся чувственными признаками, вовсе не подтверждаетъ этого постулата: для зрѣнія и осязанія превращенія матеріи зачастую имѣютъ видъ исчезновенія или возникновенія ея.

Научное изслѣдованіе, руководящееся производными признаками сохраненія вещества, также не можетъ обосновать этого постулата уже потому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, установить путемъ взвѣшиванія сохраненіе вещества нельзя, а можно только, предположивъ сохраненіе какого-либо другого вещества b¹⁾). Между тѣмъ этотъ постулатъ можетъ похвалиться почти такой же древностью, какъ и сама философія. Какимъ же образомъ разумъ открылъ его, и на чемъ основывается довѣріе къ нему? Присматриваясь къ тому, какъ усваивается истинность этого постулата, не трудно убѣдиться, что этотъ процессъ имѣетъ характеръ умозрѣнія. Частные примѣры, вродѣ ссылки на то, что вещество сгорѣвшаго дерева сохраняется въ формѣ газовъ, паровъ и золы, помогаютъ намъ только освободиться отъ довѣрія къ противоположнымъ показаніямъ зрѣнія и осязанія, довѣріе же ко *всеобщему и необходимому* значенію постулата получается тогда, когда мы поставимъ въ сознаніи, произведя глубокую дифференціацію дѣйствительности, матеріальное бытіе вообще, нѣчто непроницаемое, т.-е. сопротивляющееся вообще, и прослѣдимъ его свойства. Тогда мы безъ труда замѣтимъ, что какія бы силы ни дѣйствовали на это бытіе, оно всегда остается *наличнымъ* и можетъ развѣ только исчезнуть изъ *даннаго мѣста* или распасться на части, въ случаѣ же давленія со всѣхъ сторонъ и невозможности передвинуться съ мѣста мощь его самоутвержденія, т.-е. сопротивленіе, представляется безграничною.

Это умозрѣніе имѣетъ чрезвычайно грубый, примитивный характеръ: оно оперируетъ съ помощью сложныхъ недифференцированныхъ представленій²⁾, и потому весьма воз-

¹⁾ См. объ этомъ Спенсеръ, Основныя начала, ч. II, гл. V.

²⁾ Спенсеръ приводитъ (Основныя начала, ч. II, гл. V) очень утонченное умозрѣніе, какъ основаніе этого постулата, именно ставитъ въ связь законъ сохраненія вещества съ закономъ относительности мышленія, однако мы полагаемъ, что это путь ложный, такъ какъ сознаніе и матеріальный міръ вовсе не связаны между собой до такой степени непосредственно. По крайней мѣрѣ, въ умозрѣніи Спенсера ошибка очевидна: онъ ссылается на немыслимость исчезновенія одного изъ членовъ соотношенія, такъ какъ при этомъ

можно, что оно заключаетъ въ себѣ какой-либо недосмотръ. Довѣріе, питаемое нами къ постулату, показываетъ, правда, что въ этомъ умозрѣніи, какъ это согласно нашей теоріи почти всегда должно быть, дѣйствительно содержится нѣкоторая истина, однако возможно, что она требуетъ какого-либо дополненія, т.-е. ограниченія. И въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь ко всѣмъ доводамъ житейски-чувственного, научно-экспериментальнаго и философски-умозрительнаго знанія, убѣждающимъ насъ въ неуничтожимости вещества, можно замѣтить, что при этомъ мы всегда имѣемъ въ виду *матеріальныя* силы, *внѣшнія* по отношенію къ подвергающейся дѣйствию ихъ частицы матеріи. Но если такъ, то мы имѣемъ право лишь на утвержденіе слѣдующей гораздо болѣе частной истины, чѣмъ принятый въ наукѣ постулатъ: частица матеріи неуничтожима внѣшними по отношенію къ ней силами другихъ частей матеріи. Въ такомъ случаѣ, насколько не противорѣча этому положенію, можно допустить уничтоженіе вещества, въ особенности если держаться одного изъ динамистическихъ ученій о матеріи. Можно представить себѣ, напр., что на извѣстной ступени эволюціи матеріи дѣятельность отталкиванія, исключительнаго самоутвержденія, создающаго пространственную внѣположность, замѣнится по собственному почину матеріальнаго начала или подъ вліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ для него, но нематеріальныхъ силъ другими дѣятельностями, такъ что пространственный міръ или нѣкоторая часть его исчезнетъ и окажется лишь однимъ изъ фазисовъ эволюціи вселенной. Умозрѣніе, обнаруживающее невозможность уничтоженія матеріи посредствомъ толчковъ или давленія, не находитъ ничего невозможнаго въ уничтоженіи ея иными путями. Правда, при этомъ мы вовсе не утверждаемъ, будто вмѣсто матеріи получается *ничто*: мы представляемъ себѣ только *превращеніе* матеріальной дѣятельности въ нѣкоторую

исчезло бы мышленіе; между тѣмъ онъ упускаетъ изъ виду, что матеріальный иленъ отношенія могъ бы превратиться въ духовный, тогда отношеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мышленіе сохранились бы, но матерія исчезла бы.

другую форму обнаруженія бытія. Иными словами, отрицая постулатъ неуничтожимости матеріальнаго бытія, мы вовсе не отрицаемъ гораздо болѣе общаго постулата неуничтожимости бытія вообще. Слѣдовательно, если законъ сохранения вещества и будетъ отвергнутъ со временемъ, онъ не просто исчезнетъ, а будетъ замѣненъ двумя другими постулатами, однимъ болѣе частнымъ и другимъ болѣе общимъ, уже содержавшимся въ немъ въ недифференцированной формѣ. Неудивительно поэтому, что въ извѣстномъ періодѣ развитія науки его принимаютъ за адекватное выраженіе истины. Въ особенности на той ступени эволюціи научнаго сознанія, когда оно полагаетъ, что всякое бытіе есть бытіе матеріальное, *постулатъ неуничтожимости бытія* долженъ выражаться въ формѣ „законъ неуничтожимости матеріальнаго бытія“.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какого рода недостатки несомнѣнно присущи современнымъ научнымъ аксіомамъ. Мы не будемъ разсматривать другихъ случаевъ; въ заключеніе напомнимъ только объ аксіомахъ механики ¹⁾, которыя могутъ подвергнуться такой же эволюціи, какъ и аксіомы геометріи, въ особенности если принять въ расчетъ, что *вѣтхія* силы, толчекъ и давленіе, могутъ произвести свое дѣйствіе не иначе, какъ при извѣстномъ отношеніи къ нимъ *внутреннихъ* силъ подвергающагося ихъ вліянію тѣла.

Возможная и даже необходимая въ виду этихъ соображеній эволюція аксіомъ открываетъ передъ нами широкія перспективы такой же эволюціи и въ сферѣ науки, и даетъ надежду на возможность научнаго познанія, а вслѣдъ затѣмъ и болѣе всесторонняго приобщенія нашего къ „мірамъ инымъ“, чѣмъ тотъ, въ которомъ мы живемъ теперь.

¹⁾ См. напр. о формулировкѣ закона инерціи статью Г. Клейпетера въ Archiv für syst. Philosophie, II отд., VI т., 4 вып., 1900.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Характерныя особенности мистическаго эмпиризма.

Мистическій эмпиризмъ (интуитивизмъ) вскрываетъ и устраняетъ ложную предпосылку разобщенности между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ, лежащую въ основѣ теорій знанія индивидуалистическаго эмпиризма, докантовскаго рационализма и кантовскаго критицизма. Отрицая источникъ знанія, доставляющій большую часть познаваемого матеріала, эта предпосылка приводила къ *одностороннимъ* теоріямъ знанія, которыя преувеличивали значеніе то одной, то другой изъ *субъективныхъ* дѣятельностей и такимъ образомъ пытались выйти изъ затрудненій: индивидуалистическій эмпиризмъ преувеличилъ значеніе ощущений, докантовскій рационализмъ — значеніе разума, кантовскій критицизмъ — значеніе структуры всей познавательной способности вообще (чувственности, разсудка и разума). Устраняя ложную предпосылку, мистическій эмпиризмъ освобождаетъ теорію знанія отъ всѣхъ подобныхъ односторонностей; его отношеніе къ старымъ направленіямъ характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ отрицаетъ ихъ отрицанія, но сохраняетъ ихъ утвержденія, стремясь дополнить ихъ новыми истинами. Такимъ образомъ онъ вовсе не отрицаетъ старыхъ направленій, а скорѣе, наоборотъ, стремится къ возрожденію ихъ, однако въ обновленной формѣ, освобожденной отъ исключительности и открывающей возможность примиренія и сліянія ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, устраняя предпосылку, бывшую источникомъ односторонности старыхъ направленій, мистическій эмпиризмъ вмѣстѣ съ тѣмъ не то, чтобы разрѣшаетъ важныя спорныя вопросы въ пользу одной или другой изъ тяжущихся сторонъ, а идетъ еще глубже, именно устраняетъ самую почву для возникновенія спора, показываетъ, что онъ основывается на недоразумѣніи, и что спорящія партіи, какъ одностороннія, были отчасти правы и отчасти не правы. Къ числу важнѣйшихъ устраняемыхъ такимъ образомъ спор-

ныхъ пунктовъ принадлежать противоположности знанія и бытія, раціональнаго и ирраціональнаго, апріорнаго и апостеріорнаго, общаго и частнаго, аналитическаго и синтетическаго, и потому мы рассмотримъ ихъ каждую въ отдѣльности.

Индивидуалистическій эмпиризмъ, докантовскій раціонализмъ и критицизмъ вырываютъ непроходимую пропасть между знаніемъ и бытіемъ. Только дѣйствительность, какъ явленіе, сближается въ критической философіи съ процессомъ знанія, но это сближеніе достигается путемъ подчиненія бытія знанію, именно путемъ утвержденія, будто явленія, т.-е. міръ нашего опыта суть только процессы знанія и больше ничего ¹⁾. Подобнымъ же образомъ примиряетъ знаніе съ бытіемъ и послѣдокантовскій мистическій раціонализмъ: онъ или прямо утверждаетъ или склоненъ утверждать, будто бытіе есть не что иное, какъ процессъ мышленія. Между тѣмъ мистическій эмпиризмъ, утверждая, что знаніе есть не копія, не символъ и не явленіе дѣйствительности въ познающемъ субъектѣ, а *сама дѣйствительность*, сама жизнь, подвергнутая лишь дифференцированію путемъ сравненія, устраняетъ противоположность между знаніемъ и бытіемъ, нисколько не нарушая правъ бытія. Наравнѣ со всѣми другими направленіями онъ признаетъ, что *знаніе*, какъ знаніе, *есть бытіе* въ томъ смыслѣ, что оно дѣйствительно существуетъ; но этого мало, въ противоположность другимъ направленіямъ онъ еще утверждаетъ, что *знаніе содержитъ въ себѣ*, какъ элементъ, *бытіе*, которое само по себѣ, т.-е. помимо процесса сравненія, вовсе не есть знаніе. Иными словами, примиреніе достигается путемъ утвержденія, что знаніе-бытіе содержитъ въ себѣ, какъ элементъ, бытіе-незнаніе. Такимъ образомъ знаніе пріобрѣтаетъ въ ученіи *мистическаго эмпиризма* гораздо болѣе высокое значеніе, чѣмъ въ ученіи индивидуалистическаго эмпиризма и докантовскаго раціонализма, и въ то же время менѣе высокое, чѣмъ въ

1) См. гл. IV. „Вопр. фил.“, кн. 74.

мистическомъ раціонализмъ: оно не есть только тѣнь (копія и т. п.) бытія, такъ какъ оно включаетъ въ себя реальную жизнь, но оно не есть также единственная форма бытія, такъ какъ оно только *включаетъ* въ себя реальную жизнь, а *не создаетъ* ея. Въ сравненіи же съ критицизмомъ мистическій эмпиризмъ придаетъ знанію, съ одной стороны, болѣе высокое значеніе, поскольку признаетъ, что явленія не суть только представленія, но съ другой стороны менѣе высокое значеніе, поскольку не соглашается признать остовъ міра явленій за продуктъ познавательной дѣятельности. Это не мѣшаетъ однако мистическому эмпиризму считать міръ конечныхъ вещей міромъ *явленій*, но само собою разумѣется, терминъ явленіе имѣетъ здѣсь совершенно иной смыслъ, чѣмъ въ критической философіи: имъ обозначается нѣкоторое своеобразное отношеніе міра конечныхъ вещей не къ познающему субъекту, а къ абсолютному; поэтому весь этотъ вопросъ относится, по ученію мистическаго эмпиризма, къ онтологіи, а не къ теоріи знанія.

Все содержаніе знанія складывается изъ самой мировой дѣйствительности. Познавательная дѣятельность только подвергаетъ ее внѣшней обработкѣ путемъ сравненія, не внося въ нее новыхъ по содержанію элементовъ; ей не нужно ни создавать, ни хотя бы только воссоздавать дѣйствительность: она сама дана въ оригиналѣ. Поэтому мистическій эмпиризмъ не имѣетъ основаній переоцѣнивать въ познавательной дѣятельности роль ощущений, какъ индивидуалистическій эмпиризмъ, или роль субъективнаго разума, какъ раціонализмъ. На долю дѣятельности мышленія онъ относитъ только результаты сравненія, именно усмотрѣніе сходства и различія, тождества и противорѣчія. Тѣсная связь между этими сторонами бытія и дѣятельности мышленія никогда не отрицалась логикою: не даромъ она считаетъ специфически логическими законами мышленія законъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго и специфически логическою необходимостью аналитическую необходимость слѣдованія предиката изъ субъекта или вывода изъ посы-

локъ, такъ что логически обоснованнымъ оказывается только то знаніе, которое аналитически необходимо. Однако мистическій эмпиризмъ рѣзко расходится съ этими ученіями въ слѣдующихъ отчасти уже разъясненныхъ выше отношеніяхъ. Онъ полагаетъ, что *логическое* тожество и противорѣчіе, усматриваемыя мышленіемъ, существуютъ лишь тамъ, гдѣ есть *реальное* тожество или исключеніе одного другимъ ¹⁾. Слѣдовательно, необходимость, обусловливаемая законами тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, имѣетъ въ такой же мѣрѣ логическій, какъ и реальный характеръ. Далѣе, мистическій эмпиризмъ показываетъ, что одна лишь аналитическая необходимость не можетъ быть основаніемъ знанія: она можетъ быть критеріемъ истины лишь тамъ, гдѣ уже есть истины, установленныя инымъ путемъ, именно опирающіяся на чисто реальную необходимость, т.-е. на необходимость наличности бытія и данныхъ въ немъ отношеній *реальною* основанія и слѣдствія.

Существуетъ глубокое различіе между аналитическою и реальною необходимостью. Аналитическая необходимость имѣетъ мертвенный характеръ: она состоитъ въ томъ, что возникшая и осуществленная уже дѣйствительность (имѣя въ виду реалистическое ученіе объ общемъ, слова „возникшая и осуществленная“ не слѣдуетъ здѣсь понимать во временномъ смыслѣ) остается вѣчно тожественною и не противорѣчающею себѣ. Эта мертвенность не удивляетъ насъ: аналитическая необходимость присуща бытію, поскольку мы его разсматриваемъ, какъ *готовый продуктъ* силъ, не выходя за его сферу ни въ область его причинъ, ни въ область его дѣйствій; при такомъ разсмотрѣннн самое жизненное бытіе, кипящее творческими силами, стоитъ передъ нами, какъ нѣчто мертвое, какъ что-то такое, что, просуществовавъ, быть-можетъ, одну секунду, навѣки остается тожественнымъ себѣ въ безвременномъ цѣломъ міровой дѣйствительности. Совершенно иной характеръ имѣетъ реальная не-

1) См. гл. VII и VIII. „Вопр. фил.“, кн. 78.

обходимость. Она состоитъ въ томъ, что нѣкоторое бытіе А, во-первыхъ, принуждаетъ меня признать, что оно лично, и во-вторыхъ, выводитъ меня за свои предѣлы, именно заставляетъ признать также наличность нѣкотораго В, которое вовсе не содержится въ А, какъ элементъ, а *происходитъ* изъ А или *слѣдуетъ* изъ него. Эта необходимость есть не что иное, какъ *раскрытіе силы* ¹⁾; она обладаетъ *свободнымъ* и *творческимъ* характеромъ: она свободна, поскольку обуславливается собственно природою самого познаваемого бытія, она—творческая, поскольку изъ одного бытія необходимо слѣдуетъ другое, отличающее отъ перваго по содержанію.

Реальная необходимость есть *первоначальный* критерій истины. Мы совершаемъ *открытія* именно тогда, когда руководимся ею, такъ какъ усматривать реальную необходимость это значить *слѣдовать* за потокомъ реальной жизни самой природы, развертывающей все новыя и новыя формы бытія. Мало того, мы *понимаемъ* открытую нами дѣйствительность именно потому, что реальное присутствіе ея въ процессѣ знанія даетъ намъ возможность слѣдовать за реальнымъ потокомъ ея жизни. Въ самомъ дѣлѣ, всякое наше *новое* знаніе состоитъ въ усмотрѣніи того, что за А необходимо слѣдуетъ В, какъ нѣчто новое въ сравненіи съ А и не содержащееся въ немъ. Законъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго не могутъ содѣйствовать пониманію такого отношенія, такъ какъ они не говорятъ ни за, ни противъ него. Тѣмъ не менѣе, то состояніе познающаго субъекта, которое можно назвать пониманіемъ этого отношенія, возможно; оно возникаетъ въ томъ случаѣ, когда познающему субъекту удастся выдѣлить изъ хаоса дѣйствительности совокупность обстоятельствъ А, составляющихъ достаточное основаніе В, и воочию прослѣдить возникновеніе изъ нихъ В. Это *пониманіе* бытія есть не что иное, какъ

1) См. объ этомъ Лопатинъ, „Положительныя задачи философіи“, I стр. 199 сс.

реальное возникновение бытія въ процессѣ сужденія, а не отождествленіе одного бытія съ другимъ.

Объ этомъ процессѣ пониманія можно сказать, что онъ обладаетъ и тѣми свойствами, которыхъ требуютъ отъ знанія рационализмъ, и тѣми, которыхъ требуетъ эмпиризмъ. Согласно требованіямъ рационализма мы понимаемъ связь А съ В въ томъ случаѣ, если В содержится въ А, такъ что на основаніи одного лишь разсмотрѣнія А, опережая дѣйствительность, мы можемъ предсказать наступленіе В. Наоборотъ, по мнѣнію эмпиризма одно разсмотрѣніе А еще ничего не говоритъ о В, необходимо пережить въ опытѣ возникновеніе В вслѣдъ за А, чтобы послѣ этого имѣть право констатировать, что во времени В слѣдовало за А. Мистическій эмпиризмъ (интуитивизмъ) объединяетъ эти оба на первый взглядъ непримиримыя направленія такъ, что споръ между ними теряетъ всякій смыслъ. На основаніи одного разсмотрѣнія А уже можно *предсказать* наступленіе В, но это предсказаніе есть *вмѣстѣ съ тѣмъ* и реальное *возникновеніе*, а, слѣдовательно, и *переживаніе въ опытѣ* этого В. Такимъ образомъ понятія апріорности (въ смыслѣ врожденности) и апостеріорности теряютъ свой смыслъ въ теоріи знанія, хотя, конечно, возможно, что человѣкъ въ силу врожденныхъ свойствъ своего тѣла (напр., органовъ чувствъ), а также въ силу врожденныхъ интересовъ, наклонностей и т. п. преимущественно сосредоточиваетъ вниманіе и легче производитъ акты дифференціаціи въ однихъ областяхъ бытія, чѣмъ въ другихъ (напр., въ сферѣ количественныхъ отношеній). Однако изслѣдованіе *того рода врожденности* составляетъ задачу психологіи, психо-физиологіи, исторіи знанія, но вовсе не теоріи знанія.

Сближая знаніе и бытіе до такой степени, что процессъ пониманія бытія оказывается содержащимъ въ себѣ процессъ реального осуществленія бытія, мистическій эмпиризмъ тѣмъ самымъ устраняетъ, по крайней мѣрѣ, *изъ теоріи знанія* противоположность рациональнаго и иррациональнаго, раздѣляющую различныя философскія школы. Въ самомъ

дѣлѣ, согласно этому ученію процессъ мышленія, какъ таковой, есть только дѣятельность сравниванія, производимая надъ матеріаломъ, даннымъ ей, но не создаваемымъ ею; отсюда ясно, что, съ точки зрѣнія познавательной дѣятельности, и между содержаніями бытія и между знаніями не можетъ существовать никакихъ различій, въ силу которыхъ одни изъ нихъ слѣдовало бы называть раціональными, а другія ирраціональными.

Прежде всего терминомъ раціональный слѣдовало бы обозначать бытіе и знаніе, имѣющія чисто логическое основаніе и содержащія въ себѣ вообще только логическія отношенія; однако если мышленіе есть только дѣятельность сравниванія, то логическія отношенія суть только отношенія тождества или противорѣчія, а логическое основаніе есть не что иное, какъ аналитическая необходимость. Эти отношенія присущи *всякому* бытію и знанію, если разсматривать каждое изъ нихъ само въ себѣ, но ни одно бытіе и знаніе не опредѣляется ими, поскольку оно стоитъ въ связи съ другими формами бытія и знанія; поэтому различіе раціональнаго и ирраціональнаго въ этомъ значеніи слова не имѣетъ смысла, такъ какъ все оказывается раціональнымъ съ одной стороны и иррациональнымъ съ другой стороны. Далѣе, терминомъ раціональный можно было бы называть бытіе и знаніе, открываемое дѣятельностью чистаго мышленія, путемъ чистаго умозрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, мистическій эмпиризмъ обозначаетъ одинъ изъ видовъ знанія терминомъ умозрѣніе, однако онъ придаетъ ему совершенно иное значеніе, чѣмъ раціонализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, мышленіе, какъ дѣятельность сравниванія, ничего не можетъ создать и даже не можетъ начаться до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ данъ матеріалъ откуда-нибудь со стороны. Если же матеріалъ для мышленія данъ, то опять-таки, каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда подвергается одной и той же обработкѣ, именно сравниванію. Поэтому между знаніями не можетъ быть различія въ томъ смыслѣ, что одни изъ нихъ были бы даны болѣе чистою

дѣятельностью мышленія, чѣмъ другія. Вводя терминъ умозрѣніе мы имѣли въ виду нѣчто совершенно иное, именно различіе между чувственнымъ знаніемъ и знаніемъ, наиболѣе очищеннымъ отъ чувственныхъ примѣсей. Но такъ, какъ согласно ученію мистическаго эмпиризма, нечувственные элементы знанія такъ же, какъ и чувственные, даются въ опытѣ путемъ интуиціи, а вовсе не производятся чистымъ мышленіемъ, то по своему отношенію къ дѣятельности мышленія умозрительное знаніе ничѣмъ не отличается отъ другихъ видовъ опытнаго знанія. Если мы назвали его умозрительнымъ, то это объясняется тѣмъ, что слово разумъ (а въ сложныхъ словахъ, вродѣ умозрительный, умопостигаемый, также и слово умъ) имѣетъ у насъ нѣкоторое особое значеніе, которое мы вскорѣ разъясимъ.

Наконецъ, надо замѣтить еще, что въ логикѣ и теоріи знанія существуетъ склонность противопоставлять другъ другу общее и индивидуальное, считать несоизмѣримыми другъ съ другомъ общія понятія и наглядныя представленія и только общее относить къ области логически обработаннаго знанія, такъ что отсюда является своего рода дуализмъ между общими и частными сужденіями ¹⁾. Эта склонность вполне понятна, потому что логическій процессъ усмотрѣнія тождества и его роль при обоснованіи и повѣркѣ истинъ особенно замѣтны тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ общимъ знаніемъ. Однако развивая реалистическое ученіе объ общемъ, мы показали, что *общее* въ извѣстномъ смыслѣ слова *индивидуально и единично*, что общія понятія и наглядныя представленія вовсе не противоположны другъ другу, и что нѣтъ никакого дуализма между общими и частными сужденіями ни въ логической цѣнности ихъ, ни въ путяхъ возникновенія ихъ. Такимъ образомъ исчезаетъ и этотъ источникъ противоположенія раціональнаго ирраціональному въ теоріи знанія и устраняется мысль объ *ирраціональности индивидуальнаго* ²⁾.

¹⁾ См. напр. Volkelt, Erfahrung und Denken.

²⁾ См. Lask, Fichtes Idealismus und die Geschichte, стр. 54.

Мало того, такъ какъ процессъ мышленія и процессъ нагляднаго представленія признаются при этомъ однородными, то по существу исчезаетъ всякая противоположность между *описаніемъ и объясненіемъ*, а, слѣдовательно, и между, такъ называемыми описательными и объяснительными науками: всякое объясненіе есть не что иное, какъ описаніе, дающее въ дифференцированной формѣ цѣль основаній и слѣдствій.

Устраняя противоположность между рациональнымъ и иррациональнымъ изъ теоріи знанія, мы вовсе еще не предрѣшаемъ устраненія ея изъ онтологіи, т.-е. допускаемъ, что, можетъ быть, однѣ стороны бытія соотвѣтствуютъ требованіямъ разума, а другія стоятъ выше или ниже ихъ. Но, конечно, при этомъ мы имѣемъ въ виду вовсе не способность мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, словомъ разумъ и въ философіи и въ повседневной жизни принято обозначать какую-то чрезвычайно высокую, быть можетъ, высшую изъ всѣхъ способностей. Но если способность мышленія есть только способность сравниванія, то, очевидно, не ее слѣдуетъ обозначать этимъ многозначительнымъ терминомъ. Нетрудно замѣтить, что разумными мы особенно склонны называть всѣ тѣ дѣятельности и вообще всѣ тѣ стороны бытія, въ которыхъ мы усматриваемъ высшій смыслъ, высокое сверхиндивидуальное, т.-е. въ большей или меньшей степени міровое значеніе. Но смыслъ и значеніе возможны лишь тамъ, гдѣ есть цѣли; значить, индивидуальныя вещи могутъ имѣть сверхиндивидуальное міровое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если существуютъ міровыя цѣли. Соотвѣтственно этому словомъ *разумъ* слѣдуетъ обозначать *способность ставить и осуществлять такія высшія, т.-е. міровыя цѣли*. Обладаніе этою способностью въ ея высшихъ степеняхъ придаетъ своеобразный возвышенный и многозначительный (т.-е. широко цѣлесообразный) характеръ *всѣмъ дѣятельностямъ, между прочимъ также познанію*.

Въ философіи распространена склонность совершенно отождествлять разумъ со способностью познанія въ ея высшихъ обнаруженіяхъ. Хотя это и неправильно, это

вполнѣ понятно, во-первыхъ, потому, что знаніе есть одно изъ могущественныхъ *орудій* разума при осуществленіи его цѣлей, и во-вторыхъ, потому, что высшія формы знанія съ наибольшею очевидностью опираются на то свойство міра, которое лежитъ также и въ основѣ разума: это свойство міра есть совершенное *единство* его, благодаря которому возможно и то, чтобы индивидуумъ ставилъ міровыя цѣли, и то, чтобы онъ интуитивно усматривалъ содержаніе не только своей, но всякой другой жизни въ мірѣ. Это единство возможно не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если въ основѣ міра лежитъ сверхъиндивидуальный міровой разумъ, координирующій другъ другу всѣ стороны міровой жизни.

Возможность познавательной дѣятельности и всѣ свойства ея, безъ сомнѣнія, объясняются въ конечномъ итогѣ изъ свойствъ и цѣлей этого абсолютнаго разума, но эти вопросы относятся уже къ области онтологіи и именно того ея отдѣла, который мы склонны называть *онтологическою гносеологіею*: сюда относится вопросъ о сущности такихъ важныхъ для познавательной дѣятельности сторонъ міра, какъ причинность, субстанціальность, сходство, различіе и т. п. Мы брали ихъ, какъ данныя, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу, такъ какъ занимались лишь *пропедевтической гносеологіею*, именно процессомъ знанія, поскольку онъ создается не міровымъ разумомъ, а человѣкомъ, какъ познающимъ субъектомъ, т.-е. скромною дѣятельностью сравненія. Поскольку познавательной дѣятельности мы отводимъ такую ограниченную, нетворческую роль и весь матеріалъ считаемъ *даннымъ* въ непосредственныхъ переживаніяхъ, наша теорія знанія имѣетъ характеръ *эмпиризма*. Познавательную дѣятельность, какъ таковую, она считаетъ *наименѣе творческою*, наиболѣе опирающеюся на *пассивно воспринятія данныя* и въ этой пассивности видитъ важнѣйшее условіе пріобрѣтенія адекватнаго знанія о мірѣ. Это не мѣшаетъ однако признавать намъ, что человѣкъ способенъ проявлять творчество въ другихъ дѣятельностяхъ и даже въ связи съ дѣятельностью мышленія, поскольку зачастую

мыслитель долженъ проявить огромную изобрѣтательность и способность пересоздавать міръ (напр., экспериментируя, выбирая подходящіе методы и точки зрѣнія, а также подходящий матеріаль для изученія и т. п.), чтобы поставить себя въ тѣ условія, при которыхъ возможенъ правильный актъ сужденія.

Въ противоположность индивидуалистическому эмпиризму и согласно съ духомъ рационализма, какъ онъ развивался и въ древней и въ новой философіи, нашъ мистическій эмпиризмъ особенно подчеркиваетъ органическое, живое единство міра, а потому на почвѣ нашей теоріи знанія должна вырасти онтологія, близкая по содержанию къ онтологіи древнихъ или новѣйшихъ рационалистовъ. Однако, опираясь на *эмпиристическую* теорію знанія, эта онтологія должна быть болѣе скромною и болѣе скептической, чѣмъ онтологія рационалистовъ: усматривая недостатки даже въ аксіомахъ, она не будетъ считать себя точнымъ и полнымъ выраженіемъ истины, хотя и можетъ надѣяться на то, что процессъ *эволюціи знанія* въ концѣ-концовъ приведетъ къ полной истинѣ.

Н. Лосскій.

Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ

(ОПЫТЪ НАУЧНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ).

„...Il y a des choses, qu'on ne prouve, qu'en obligeant tout le monde à faire reflexion sur soi-même et à trouver la vérité dont on parle (*Pascal*. Discours sur les passions de l'amour).

I.

Когда умираетъ выдающійся человѣкъ и упала его тѣнь,—какъ вечерняя тѣнь, превосходя его самого величиной,—положеніе требуетъ не слезъ и увеличенной пропорціонально жалости, не длящейся хвалы, ищущей новыхъ словъ въ своемъ искреннемъ напряженіи: надо только возможно глубоко понять его дѣла, которыя онъ, счастливый, въ горячей гармоніи своей личной жажды и общей пользы, совершилъ—и, слѣдовательно, оставилъ намъ. Это хорошая дань — лучший вѣнокъ и отвлеченныя слезы надъ гробомъ человѣка, вступившаго со всѣми самовластно въ безкровную связь.

Антону Чехову, умершему рано, какъ и многіе его братья (не предсказанія ли будущаго въ этомъ?) принадлежитъ уже много мѣсяцевъ право на всю критическую мысль всей страны. Но все еще нельзя сказать, что Чеховъ понятъ вполне: онъ также частично, словесно понятъ, какъ и при своей жизни. Высокая положительная оцѣнка его не обоснована достаточно—въ этомъ, по-моему, не можетъ быть сомнѣній.

Главное содержаніе отзывовъ сводится, повидимому, къ самоочевидному: Чеховъ изображаетъ пошлость и заурядность русской дѣйствительности, рисуетъ беспильныхъ русскихъ обывателей. Подчеркивая общественный моментъ, говорятъ: «изобразитель русского общества скорбной памяти 80-хъ годовъ», «пѣвецъ

сумерекъ, безвременія». При этомъ не опредѣляется достаточно ясно отношеніе Чехова къ изображаемой имъ общественности; слово «пѣвецъ» только затрудняетъ дѣло, подразумѣвая скорѣе положительное отношеніе къ воспѣваемому. Чеховъ, говорятъ, относится отрицательно—но не сатирически, а мягко-иронически—къ изображаемой общественности. Но почему же все-таки нѣтъ въ его произведеніяхъ общественной жизни самой по себѣ? Нѣтъ сколько-нибудь расчлененной и ясной картины, какъ ея недостатковъ, такъ и здоровыхъ, растущихъ ея частей, а есть почти исключительно только неосновательное, очевидно пристрастное осужденіе жизни главными дѣйствующими лицами его рассказовъ? Въ ихъ словахъ дана преувеличенная сатира—какъ же это согласовать съ утвержденіемъ, что общее отношеніе Чехова къ русской общественности мягко-ироническое? Принять ли, что такъ Чеховъ относится только къ своимъ героямъ, а они стоятъ выше другихъ? Но вѣдь съ общественной точки зрѣнія его герои, обыкновенно—*ниже* скромныхъ земскихъ тружениковъ, которые существовали все-таки въ унылые 80-е года, сберегая и осуществляя въ безвременьи неразрывную связь личности съ общественнымъ благомъ.

Къ этому еще присоединяется утвержденіе нѣкоторыхъ критиковъ, что Чеховъ напрасно столько возится съ ничтожными больными людьми и что онъ ихъ слишкомъ положительно оцѣниваетъ.

Можетъ быть возможно, несмотря на это, слѣдующее толкованіе общественной задачи Чехова: изображая отрицательность *лучшихъ* людей общества, онъ косвенно ярко освѣщаетъ отрицательность самаго общества. Но, во-первыхъ, несомнѣнно, что его герои не лучшіе люди 80-хъ гг. (а земскіе труженики?) Во вторыхъ, если они лучшіе—тогда необъяснимо ихъ чрезмѣрно и необоснованно отрицательное отношеніе ко всей русской общественности и ихъ дешевая произвольная пассивность. Нельзя также предположить, что герои Чехова для него представляютъ косвенно общественную жизнь того времени, будучи наиболѣе (или типично для эпохи 80-хъ гг.) отрицательными въ этомъ смыслѣ: тогда необъяснимо неопредѣленное, скорѣе сочувственное, чѣмъ отрицательное, отношеніе къ нимъ автора—и требуется усиленнаго объясненія ихъ крайне отрицательное отношеніе къ окружающей общественности.

Если же герои Чехова ни то, ни другое, то почему же изображение почти ихъ однихъ, внѣ общественнаго контекста — прерзительно отпихивающихся отъ современной жизни, обыкновенно ничего въ ней не дѣлая, а лишь преувеличенно порицая окружающихъ—почему такое изображение, къ тому же неопредѣленно сочувственное — можетъ считаться естественнымъ, или даже вообще возможнымъ путемъ къ сознательному, принципиальному воспроизведенію отрицательной общественности данной эпохи?

Если же принять, что Чеховъ безъ опредѣленнаго отношенія сосредоточивается на изображеніи зла излѣчимаго,—зла русской общественности — тогда съ общественной точки зрѣнія (а она основная, если цѣль его именно изображение отрицательной общественности) его талантъ былъ бы вреденъ: ибо то, что талантливо изображается безъ опредѣленнаго угла зрѣнія—неуловимо разрастается и одѣвается новой мощью существованія для беспомощно созерцающаго.

Въ видѣ курьеза стоить упомянуть и о мнѣніи людей, представляющихъ литературѣ комически узкія праздничныя требованія отдыхающихъ мелкихъ работниковъ: «зачѣмъ,—говорятъ они— намъ показывають въ литературѣ пыльные углы нашей квартиры...»

Но и независимо отъ сознательной критики критиковъ Чехова—въ каждомъ общемъ, ретроспективномъ воспріятіи его произведеній ощущается неуловимо, но несомнѣнно недостаточность всѣхъ теоретическихъ толковъ о немъ. Самодовлѣюще звучитъ неуловленная глубина художественнаго произведенія.

Можетъ быть, въ этой глубинѣ, кромѣ *недоказуемаго*, элментарно прекраснаго—меда искусства, который надо пить, закрывши глаза — есть также и *доказуемое*: нѣжно-четкіе сложные соты?.

Выгодно выдѣляется среди безрезультатной критики Чехова—пониманіе его пр. Овсяннико-Куликовскимъ, Н. К. Михайловскимъ и г. Булгаковымъ. (Разборъ ниже.) Но взглядъ перваго, мнѣ кажется, черезчуръ формаленъ, а взглядъ г. Булгакова обремененъ предвзятостью, какъ всякая матеріально принципиальная критика произведеній искусства.

Въ этой статьѣ я постараюсь развить такое пониманіе Чехова, которое, не отрицая основного въ наличной критикѣ, а лишь идя дальше самоочевиднаго, и слишкомъ формальное наполняя

опредѣленнымъ содержаніемъ,—опредѣлитъ точно основной объектъ его произведеній, и незамѣнимо индивидуальное, выдающееся значеніе его, какъ реалиста новатора. Изобразителя интеллигенціи 80 гг. — заслонить изобразитель обще-человѣческой души. Но и первое не уничтожится: и самое ничтожное не исчезаетъ передъ лицомъ великаго, а лишь уясняетъ его величину.

Основные положенія, которыя я буду поддерживать, слѣдующія: 1) *Въ произведеніяхъ Чехова впервые широко отражена стихія души, независимо отъ того индивидуальнаго жизненнаго положенія и момента внутренняго развитія, въ которыхъ можетъ находиться данный человекъ.*

2) *Чеховъ изображаетъ русскаго средняго провинціального обывателя эпохи 80 и. Но въ томъ же процессѣ онъ даетъ психику средняго человека вообще. Отчасти захватываются и моменты вообще — психическіе.*

3) *Психика, изображаемая Чеховымъ, въ общемъ—ниже средняго человека литературы, но не жизни.*

4) Какъ отчасти ясно изъ 2-го тезиса — формальная характеристика творчества Чехова будетъ такая: *коллективная* ¹⁾ *безсознательная типизація.* Взявъ нѣчто *сравнительно-общее* — русскую интеллигенцію (*коллективность* типизаціи), и считая именно его цѣлью своего творчества (*безсознательность* типизаціи)—Чеховъ, въ томъ же процессѣ даетъ изображеніе и болѣе общаго—средней психики вообще,—которое извѣстной своей стороной отражено особенно ярко въ этомъ именно сравнительно-частномъ (*наличность типизаціи вообще*).

Для обоснованія этихъ тезисовъ я долженъ прибѣгнуть къ предварительному психологическому анализу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это примѣняется обыкновенно въ литературной критикѣ. За анализомъ этимъ послѣдуетъ, конечно, иллюстрація произведеніями Чехова. Но въ виду сложности психологическаго анализа, непрерывно попутная иллюстрація оказалась неудобной и пришлось раздѣлить все на три крупныя части. Понятно, что наглядность отъ этого уменьшается. Поэтому я предложилъ бы, какъ возможную поправку, слѣдующее: чтобы съ самаго начала психологическаго анализа читатель, по мѣрѣ, ко-

1) Въ отличіе отъ обычной *индивидуальной* типизаціи, несравненный представитель которѣй—Шекспиръ.

нечно, знакомства съ Чеховымъ, имѣлъ въ умѣ, въ общихъ чертахъ, нѣкоторыя произведенія, напр. *Три сестры*, *Моя жизнь*, *Дядя Ваня*, *Скучная исторія*, *Три года*, *Юнычъ*, *По дѣламъ службы*, *Учитель словесности*, *Студентъ*, *Володя большой и маленький* ¹⁾).

Существенной чертой психики средняго человѣка, а отчасти и всякой психики, является, по-моему, несоотвѣтствіе различныхъ, спеціально связанныхъ моментовъ ея—то, что я назвалъ бы свойствомъ «не эквивалентности» души. Таково, во-первыхъ— несоотвѣтствіе поступковъ—мотивамъ, ихъ вызвавшимъ: сравнительно ничтожныя основанія побуждаютъ человѣка къ очень важнымъ поступкамъ, касающимся его личной жизни. Изъ-за краткой скуки и какого-нибудь привлекательнаго разсказа—мѣняютъ службу, переѣзжаютъ жить въ другой городъ; за компанію и по какому-нибудь поверхностному представленію—студентъ выбираетъ факультетъ; чтобы поразить знакомыхъ, потому что дома этой осенью что-то скучно, и такъ какъ бѣлый цвѣтъ очень къ лицу—дѣвушка выходитъ замужъ; въ клубѣ перестало везти, квартира попалась сырая и темная, а у *N* въ домѣ, благополучная, изящная атмосфера, ихъ дочь граціозно движется и ея духи и голосъ прелестны—мужчина женится, и т. п.

Здѣсь дѣло, конечно, *въ степени* несоотвѣтствія вѣса мотивовъ важности поступка. Извѣстная степень его общепризнана и по ней дѣлятъ людей на лсткомысленныхъ или нѣтъ. Я же настаиваю на весьма высокой степени этого несоотвѣтствія, которая распространена и настолько превосходитъ общепризнанную, что примѣры ея неизбѣжно будутъ ощущаться, какъ *не-правдоподобные*.

По мѣрѣ возрастанія важности поступка, растетъ, конечно, и абсолютный вѣсъ мотивовъ. Но все же остается разительное несоотвѣтствіе основанія и поступка, т. е. *относительно* мотивы столь же ничтожны—и когда, при неважномъ поступкѣ, они совершенно ничтожны сами по себѣ (состояиногда изъ одной ассоціаціи и отраженной эмоціи); и—когда при важномъ, такъ сказать, *скелетномъ* событіи жизни, они состоятъ изъ цѣпи сравнительныхъ оцѣнокъ, сложныхъ силлогизмовъ и альтернативъ.

¹⁾ Вопроса объ историко-литературномъ значеніи Чехова, о его отношеніи къ другимъ русскимъ писателямъ, я въ этой статьѣ не затрагиваю.

Укажу вкратцѣ причины этого несоотвѣтствія. Прежде всего—такова, конечно, неспособность разносторонне и глубоко воспринять будущее въ его объективномъ содержаніи; также неспособность мысленно предвкушать жизненные ряды, т. е. ясно представить самый фактъ продолжительности создаемаго положенія, и тѣ измѣненія, которыя въ немъ неизбежны.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и склонность безсознательно яснѣе предвкушать въ грядущемъ пріятное, чѣмъ не-пріятное, поскольку это дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе и достиженіе выбранной цѣли. Въ этой близорукой самозащитѣ мы имѣемъ лишь частный случай общаго свойства — *безсознательной цѣлесообразности вниманія* (апперцепціи) ¹⁾.

Наконецъ, также дѣйствуетъ игнорированіе, или незнаніе, нѣкоторыхъ законовъ психики, напр. значенія монотонности реакціи, привычки, *consensus'а*, а особенно—*неполное знаніе свойствъ своей собственной психики*.

Это несоотвѣтствіе, конечно, не одинаково сильно въ разныхъ сферахъ жизни, въ зависимости отъ того—въ какой мѣрѣ каждый случай можетъ испытать на себѣ дѣйствіе указанныхъ трехъ причинъ. Типично труднымъ поступкомъ, во всѣхъ трехъ отношеніяхъ, является, на примѣръ, *бракъ*.

Итакъ—человѣкъ совершить «не эквивалентный» поступокъ. А потомъ—въ неопредѣленно далекую, но неизбежную минуту жизни—его ждетъ возмездіе: яркая точка желанія, вызвавшая важный поступокъ и сливавшая единой привлекательностью его многообразное содержаніе, будетъ постепенно гаснуть и блѣднѣть... И на каждой ступени этого потуханія человѣкъ, оглядываясь на протекшую часть жизни, будетъ все ярче недоумѣвать и съ мучительной оскоминой *не понимать* эту свою жизнь, и то, что онъ самъ сдѣлалъ ее. Ибо его оцѣнивающее вниманіе теперь расширилось трезво, и онъ болѣзненно ощущаетъ, въ

¹⁾ Другимъ примѣромъ этого свойства можетъ служить тенденціозность того *quasi-индуктивнаго* процесса, которымъ приходятъ къ желанному, эмоционально заранѣе уже обеспеченному выводу, попутно безсознательно проходя мимо *instantia negativa*, даже болѣе многочисленныхъ. Такъ добыты, отчасти, положенія объ исполненіи предчувствій, вѣщихъ снахъ, исполненіи пророчествъ, о томъ что—везетъ, „или не везетъ“. (Здѣсь не мѣсто, конечно, выдѣлять ту долю правды, которую заключаютъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній.)

безчисленныхъ толкахъ, какъ велика сложность того, что онъ себѣ приготавливалъ самъ въ какую-то малоумную минуту...

Перехожу къ слѣдующему виду душевнаго несоотвѣтствія. Это снова несоотвѣтствіе основаній — поведенію человѣка, но уже въ обратномъ значеніи: *сравнительно сильныя мотивы и чувства не порождаютъ требуемыхъ и понимаемыхъ самимъ человекомъ, какъ желательныя, поступковъ* (или порождаютъ ихъ недоконченными и прерывистыми). Это та бездѣятельность, въ которой и сами себя, и другъ друга, люди упрекаютъ съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ унылаго озлобленія.

Соотвѣтственное представленіе, идея о желанномъ, или даже просто любимый образъ — вначалѣ посѣщаютъ преданное имъ сознаніе, какъ радостный гость, пока спокойно ждущій своей очереди. Но вотъ это представленіе изгоняется изъ сознанія все на большіе промежутки времени—возвращается уже чахнувшее и неувѣренное, пока, наконецъ, оно не появится въ умѣ, озаренное отблескомъ стыда и безсильнаго раскаянія, неразрывнаго съ сознаніемъ неисполнимости... Что-то неуловимое осудило на медленную смерть одного изъ любимцевъ души человѣка. Что это?

Во всѣхъ соотвѣтственныхъ случаяхъ типично то, что эти умирающіе, словно сами собой, представленія — *отвлеченныя, бесплотныя*, въ смыслѣ непричастности ихъ ежедневному, основному составу жизни человѣка, тому уродливо-узкому, но неизмѣнно могучему въ своемъ дѣйстви горизонту, въ который онъ замкнуть. Причиной разбираемаго несоотвѣтствія и является—*сила конкретности*, сила наличнаго, даннаго передъ очами человѣка, въ буквальный и переносный смыслѣ. Это оно заслоняетъ отъ него, почти непроницаемо, возможный въ идеѣ, но призрачно-блѣдный просторъ жизни. Подъ усыпляющимъ дыханіемъ этой *конкретности* и могутъ чахнуть, и поражаться бесплодіемъ довольно сильныя, личные и не личные идеи, образы и желанія, поскольку они не подвластны этому горизонту и требуютъ отъ человѣка для измѣненія его усилій ума и воли.

Сила конкретности, о которой я говорю, элементарно-психологическая. Прежде всего, конечно, мы имѣемъ дѣло съ специфическимъ, непобѣдимымъ вѣсомъ элементарныхъ ощущеній самихъ по себѣ; того струящагося, волшебнo-измѣнчиваго потока, поющаго правду, которымъ душа отвѣчаетъ на охватывающую ее

цѣликомъ ограду природы и вещей. Этотъ вѣсь является корелатомъ самочувствія организма, удовлетворившаго свои элементарныя потребности, и вмѣстѣ съ нимъ даетъ чувство нормальнаго теченія времени—чувство жизни. Сюда присоединяется *могучая* сила, состоящая въ неизбѣжномъ *резонансѣ* души на эти ощущенія: въ воспоминаніяхъ и болѣе сложныхъ ассоціацияхъ, вызывающихъ настроенія, эмоціи и ряды мыслей. Этотъ резонансъ настолько непрерывенъ и обильно-разнообразенъ, что онъ, занимая время, даетъ безсознательное ощущеніе *сытости* сознанія; нужно нѣкоторое, хоть и незначительное, усиліе отвлеченія, чтобы вызвать и ярко удержать въ сознаніи что-то постороннее и безотносительное, хотя бы это и было привлекательное представленіе.

Если отмѣченный элементарно-психологическій моментъ охарактеризовать, какъ *созерцательную данность*, то другую, аналогично дѣйствующую силу можно назвать—*функциональной данностью*. Я подразумеваю при этомъ всякую *налаженную*, периодически повторяющуюся дѣятельность человѣка—знакомую и *возникающую безъ усилій ума и воли*, по одной жизненной смежности, въ силу простѣйшей ассоціации, неизбѣжно осуществляемой самимъ ходомъ жизни. Это периодическое содержаніе дѣятельности возникаетъ, все вновь и вновь, вслѣдствіе одной своей интеллектуальной и ассоціативной данности. Устанавливается же оно впервые и сколько-нибудь длится каждый разъ, или будучи *необходимо* (заработокъ), *пріятно по содержанію* (театръ, «гости», чтеніе, нѣкоторыя нужды семьи и квартиры); или какъ *пріятно немногосложное* (часть домашнихъ заботъ, всѣ женскія работы, пасьянсъ, отчасти куреніе); или какъ *пріятно здоровое* (домашнія заботы, легкой физической трудъ). Иногда дано сочетаніе этихъ отгѣнковъ. Такъ, при нѣкоторыхъ случаяхъ заработка, соединяются *необходимость* (для денегъ), *налаженность* и *пріятная сложность*, при чемъ второй моментъ значительно усиливается первымъ, и *налаженность* иногда безвозвратно кристаллизуется на всю жизнь. Иногда присоединяется и привычка, но можетъ быть и драматическій конфликтъ непереносимости по содержанію—съ необходимостью и заскорузлой налаженностью ¹⁾.

¹⁾ Типичнѣйшимъ видомъ *функциональной данности*, въ точномъ смыслѣ слова, легко становится *физическій трудъ*. Въ связи съ этимъ, указанное о функциональной и созерцательной данности бросаетъ интересный свѣтъ на психику рабочихъ классовъ страны.

Указанная *функциональная данность* можетъ переходить безъ перерыва, и дѣйствительно постоянно переходить въ *привычное дѣйствіе*,—но сама по себѣ, отлична отъ него, если точно понимать послѣднее. Привычное дѣйствіе имѣетъ съ нимъ общіе признаки (интеллектуальную знакомость, возможность возникновенія безъ усилій ума и воли), но есть и различіе. Определенное дѣйствіе можетъ возникать періодически, безъ усилій ума и воли,—ассоцірованное съ самимъ ходомъ жизни. Но это можетъ быть дано при *новизнѣ* дѣйствія, когда оно *еще не оставило въ психикѣ оживающихъ самостоятельно слѣдовъ*, что и есть основной признакъ *привычки*. Въ связи съ этимъ—уничтоженіе возможности такого дѣйствія вовсе не будетъ ощущаться, какъ *лишеніе*, не будутъ ныть края отрыва, что неизбѣжно въ отношеніи привычнаго дѣйствія. Но даже, когда *налаженное* дѣйствіе перешло въ *привычное*—продолжаетъ дѣйствовать отдѣльно моментъ *функциональной данности*; ибо и при тѣхъ слабыхъ степеняхъ привычки, когда, при сознательномъ обсужденіи, человѣкъ рѣшился бы на специфическое лишеніе (привычнаго), и даже уже истинно желаетъ перенести его для чего-нибудь определеннаго — человѣкъ сохраняетъ иногда это привычное дѣйствіе; оно имѣетъ здѣсь, слѣдовательно, силу по признаку *налаженности, данности* въ установленномъ только что смыслѣ (ибо, разумѣется, всякое привычное дѣйствіе есть и функционально данное; но не наоборотъ).

Примѣромъ, весьма ярко совмѣщающимъ созерцательную и функциональную данности, можетъ быть *добровольное общеніе* съ привычными людьми, отчасти и всякое общеніе. Легко разрастаясь, оно занимаетъ большіе промежутки времени и, требуя этого, періодически возникаетъ безъ усилій ума и воли, по одной своей ассоціативной связанности съ ходомъ жизни. Само оно выражается, для участниковъ его, въ обильномъ и, обыкновенно безплодномъ *резонансѣ души* (щекотка чувства, воображенія, ума); и на этой почвѣ, оно есть безслѣдно повторяющееся, скорѣе вредное состояніе. Оно даетъ постоянные, безплодные разряды накопившимся въ людяхъ душевнымъ силамъ; осложняя и ярко окрашивая эстетически акты *предвкушенія* знакомыхъ и узанныхъ возможностей, оно дѣлаетъ изъ нихъ почти эквивалентъ самого поступка — расслабляетъ волю. Совмѣстное созерцаніе (эстетически) желаннаго даетъ послѣднему тѣнь реальности, и оно ста-

новится основнымъ содержаніемъ общенія. Поэтому, точно совершивъ прогулку мимо витринъ лучшихъ магазиновъ—послѣ общенія человѣкъ склоненъ въ разныхъ степеняхъ ощущать оскомину и унылое недовольство своей жизнью: эстетическое чувство усиливается насчетъ воли. Такимъ образомъ, обычное общеніе, не только прямымъ путемъ неоставляющей слѣда траты большого куска времени, но и усиленіемъ смутной неудовлетворенности, пассивности, вліяетъ на безсодержательность и машинность жизни ¹⁾.

Отмѣченная функциональная данность дѣйствуетъ понятнымъ путемъ въ вопросѣ о медленной, безпричинной, повидимому, смерти «заочныхъ» цѣлей, который занимаетъ насъ теперь. Сочетаясь съ органически и житейски необходимымъ (деньги), она занимаетъ громадную часть времени человѣка, удерживая его сознание въ узкомъ, неизмѣнномъ горизонтѣ; даетъ ему, въ процессѣ, безсознательное ощущеніе нормальной полноты жизни. Остаются только короткія минуты свободы сознанія, когда жизнь ощущается не какъ данность, а какъ возможность, проблема, и когда, въ частности, можетъ явиться въ сознаніи, и создать импульсъ, уже намѣченная «заочная» цѣль. Но тутъ приходитъ указанное выше дѣйствіе *созерцательной* данности (съ частымъ переходомъ къ охарактеризованному только что общенію): оба вида данности непрерывно сотрудничаютъ, незримо сковывая слабовольную душу.

Указанное элементарно-могучее дѣйствіе *конкретности* не только мѣшаетъ осуществленію уже намѣченныхъ цѣлей, но, какъ уже ясно изъ сказаннаго, и вообще можетъ обусловливать бѣдность новыхъ импульсовъ и цѣлей, скудность и машинность жизни, дающую при возрастаніи человѣку ощущеніе,

¹⁾ Созерцательная и функциональная данность даютъ, съ точки зрѣнія основной структуры психики, простѣйшее и не регулируемое содержаніе *первичной дуги*—той дуги изъ *центростремительнаго* и *центробъжнаго* путей, специфическое соединеніе которыхъ и составляетъ суть психики, спаявая въ то же время ее неразрывно и двояко съ космической средой. (Въ возможномъ развитіи обѣихъ частей дуги, и въ усложненіи центра, и состоятъ развитіе психики). Въ разбираемомъ случаѣ—созерцательная данность (въ частности—общеніе съ людьми и *зрѣлищность* въ широкомъ смыслѣ)—даетъ случайно и бесплодно опредѣляемое содержаніе *центростремительной* половины дуги; функциональная же данность—не регулируемое, случайное содержаніе *центробъжной* половины первичной дуги.

что не онъ живетъ и дѣлаетъ свою жизнь, а сама она идетъ; онъ же, хоть и несравненно чувствующій, но все-таки—зритель. Въ жизни средняго человѣка основныя такъ сказать *модальности* ея: *необходимое* (для денегъ), *органически неустранимое* (съ громаднымъ психологическимъ усложненіемъ) и функционально данное и привычное — сливаются, занимая почти все время. Новое, ведущее къ усложненію и расширенію жизненнаго горизонта, могло бы рождаться въ короткія минуты свободы человѣка отъ всѣхъ этихъ ничтожно мощныхъ категорій. Но здѣсь является дѣйствіе созерцательной данности, которая сразу навязана освобожденному сознанию: она насыщаетъ душу, слегка упражняя то тѣ, то другія ея области; она наполняетъ время и торопитъ человѣка вернуться къ перечисленнымъ категоріямъ.

И еще разъ человѣкъ, рѣдко и томительно тоскующій о скудности своей жизни, не увидѣлъ лица «новаго», побѣжденный въ неуловимой, безславной борьбѣ.

Кстати, и для ясности, сравню всѣ три возможныхъ случая, когда наличная *среда* обезсиливаетъ человѣка и осуждаетъ его на безплодное созерцаніе угасанія любимыхъ цѣлей и образовъ: Первый случай—когда говорятъ о «заѣданіи человѣка средой». опредѣленная по содержанію (отрицательная), и долговременная среда держитъ въ плѣну человѣка и медленно искажаетъ его душу. Здѣсь среда входитъ, такъ сказать, съ *качественнымъ* и *количественнымъ коэффициентомъ*.

Второй случай—когда жизненная среда дѣйствуетъ аналогично, какъ *привычная*. Здѣсь содержаніе ея безразлично, важенъ только самъ фактъ продолжительности ея, т. е. данъ только *количественный коэффициентъ*. Эти два случая разбираемаго дѣйствія среды—трузимы. Третій случай—случай самаго элементарнаго дѣйствія среды,—среды самой по себѣ, независимо отъ какого бы то ни было коэффициента ея. Это и есть то дѣйствіе *конкретности*, которое я только что разбиралъ: неразрывное сотрудничество созерцательной и функциональной данностей.

Первые два случая отличаются отъ послѣдняго и тѣмъ еще, что они вызываютъ разбираемое несоотвѣтствіе психики, на почвѣ опредѣленнаго измѣненія ея, остающагося и ощущаемаго и послѣ устраненія вызвавшихъ его причинъ. Поэтому эти два случая дѣйствія среды сознаются страдающими отъ нихъ людьми. Люди даже испытываютъ специфическое удовольствіе, констру-

ируя свое несчастье; тутъ нѣтъ непосредственнаго ощущенія безсилія души, такъ какъ врагъ уловимъ, и онъ признается сильнымъ. Это, повторяю, трюизмы въ жизни и литературѣ. Въ послѣднемъ же, нами установленномъ значеніи, среда создаетъ разбираемое несоотвѣтствіе психики, помимо какихъ бы то ни было уловимыхъ признаковъ, и не производя въ душѣ никакихъ остающихся измѣненій: могучая сила исчезаетъ, не оставляя слѣда; она только обусловливаетъ, какъ было сказано, естественный *modus vivendi* чловѣка. Отсюда—большая неуловимость этого фактора: онъ не формулируется обыкновенно ни въ жизни, ни въ литературѣ. И вызванную имъ медленную смерть намѣченныхъ задачъ и цѣлей, и общую скудость жизни, чловѣкъ знаетъ въ себѣ, съ особеннымъ оттѣнкомъ безнадежности, какъ непосредственное свидѣтельство его собственного ничтожества; онъ не связываетъ ее прямыхъ, локализованнымъ образомъ со слабостью своей воли, съ которой она на дѣлѣ, какъ мы увидимъ, связана, какъ съ главнымъ отрицательнымъ условіемъ.

Выдѣляя и настаивая для этой статьи на дѣйствіи *конкретности*, я, конечно, не отрицаю, какъ ясно изъ сказаннаго, что весьма часто въ разбираемомъ направленіи однородно дѣйствуетъ и *привычка*. Но можно несомнѣнно установить случаи, когда о привычкѣ не можетъ быть и рѣчи.

Особенно убѣдительны, конечно, тѣ случаи, когда сила конкретности именно и направляется на преодоленіе привычки. Напримѣръ, въ этомъ состоитъ роль путешествія, какъ лѣкарства противъ горя—при потерѣ близкихъ, или въ разлукѣ. Путешествіе порождаетъ непрерывный рядъ новыхъ конкретностей, которыя мало-по-малу, въ вышеуказанномъ психологическомъ процессѣ, уменьшаютъ силу горя, дѣлающагося *отвлеченнымъ*, то-есть непричастнымъ реальному жизненному горизонту (условіемъ отрицательнымъ является, конечно, отсутствіе новыхъ ассоціацій съ объектомъ горя). Могутъ сказать, что въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ интересъ къ новому и занимательному. Но вѣдь у даннаго лица существуютъ же свои, наложенные сложные интересы; отчего же, если бѣ дѣло здѣсь было въ матеріальномъ, внутреннемъ интересѣ—имъ предпочитается, какъ лѣкарство, какой-то сумбуръ новыхъ безъ разбору впечатлѣній? Дѣло тутъ именно въ томъ, что лицо, пораженное горемъ, неспособно на сознательный интересъ къ чему-нибудь по содержанію; оно хранитъ данный

мертвецу въ сумеркахъ горя обѣтъ воздержанія, именно отъ всего привлекательнаго, какъ слабую тѣнь идеи совмѣстной смерти... Создаваемый же путешествіемъ потокъ *новыхъ конкретностей* возьметъ у него насильно, съ необходимостью элементарныхъ процессовъ, ту долю вниманія, въ которой человѣкъ не можетъ отказать конкретности въ теченіе сколько-нибудь значительнаго промежутка времени, какъ нельзя задержать воду передъ безчисленными открытыми отверстіями. Въ результатѣ—притупленіе горя и возможность всѣхъ возможностей жизни.

Но самый высокій памятникъ силѣ конкретности — это само собой данное, почти всеобщее забвеніе умершихъ, невольное и непобѣдимое, какъ сами жизнь и смерть. Правда, сила конкретности лишь ослабляетъ горе, но она дѣлаетъ главное: своей неотразимой силой элементарнаго она незамѣтно отнимаетъ у него тотъ отгѣнокъ нетерпимой остроты, которая парализовала положительное значеніе всѣхъ обычныхъ интересовъ, дѣлая самое обращеніе къ нимъ оскорбительнымъ для чистѣйшей идеи; только съ устраненіемъ этой остроты чувства становится возможнымъ тотъ жизненный процессъ, въ которомъ вся совокупность содержанія жизни, рядомъ ежеминутныхъ побѣдъ, сдѣлаетъ горе человѣка его прошлымъ. Это она, конкретность, затопляя сознаніе,—сдѣлаетъ образъ умершаго гостемъ, а не царемъ сознанія; какъ мощный коррелятъ, разбудить дремавшее центробѣжное самочувствіе организма, и сложнѣйшимъ аккордомъ ассоціацій оживить тонусъ привычныхъ и машинальныхъ категорій жизни, возвращая къ нимъ человѣка.

Такимъ образомъ сила *конкретности*, помимо того ея значенія, которое нужно мнѣ для этой статьи, составляетъ основу и условіе великой *силы забвенія*. Сами неслышные акты забвенія завершаются подъ дыханіемъ двухъ идущихъ встрѣчно вихрей: вихря центробѣжной въ жизнь силы души, и второго, поющаго какъ сирены, вихря жизненныхъ привлекательностей; но поднимаются эти вихри и сходятся лишь послѣ того, какъ конкретность, данность, сдѣлаетъ свое неуловимое, сложное дѣло.

Охарактеризованное только что дѣйствіе *конкретности* опредѣляетъ не только судьбу намѣченныхъ частичныхъ «заочныхъ» цѣлей и возникновеніе *новаго* отношенія къ жизни, какъ къ *возможности*: она сказывается еще сильнѣе въ борьбѣ съ намѣченными уже, но очень общими цѣлями, требующими неопредѣлен-

наго множества усилій воли и ума, область которыхъ часто неопредѣленно широка. Я подразумѣваю *жизненную задачу*: ту общую и часто туманную цѣль, которая слагается въ душѣ человѣка обыкновенно условно, съ трагикомическими натяжками, и со всей фееріей самообмана, но всегда въ ощущеніи нѣкотораго соотвѣтствія съ его индивидуальными склонностями и способностями. Цѣли эти складываются, главнымъ образомъ, конечно, въ молодости; почти всякой юности присущъ этотъ букетъ общихъ цѣлей, ароматно воплощающій проблему индивидуальнаго существованія. Съ цѣлями этого рода (намѣченными, но очень общими) конкретность часто борется побѣдоносно всею. Они требуютъ отъ человѣка неопредѣленнаго множества усилій воли и ума; и это, при отсутствіи въ большинствѣ случаевъ глубокой связи задачи съ истинной индивидуальностью, дѣлаетъ поразительно трудной каждую стадію достиженія, въ особенности начало пути. Только мгновеніями человѣкъ настолько сознательнъ, что обнимаетъ все значеніе такой задачи; тогда, отвергая мысль и волей окружающее его, *данное даромъ*, свою мысль и волю онъ направляетъ къ этой цѣли. Вотъ съ этими обновляющими мгновеніями и вступаетъ въ борьбу конкретность, все тѣмъ же могучимъ *элементарнымъ* путемъ. И благодатныя мгновенія настаютъ все рѣже, блѣднѣе цѣль, сомнительнѣе ея сродство съ душою. Все скорѣе приходятъ на смѣну и заслоняютъ даль *созерцательныя и функциональныя данности*. Наконецъ, завѣтная цѣль посѣщаетъ сознание только для того, чтобы, зажигая стыдъ, сказать человѣку, что она недостижима — что онъ безсиленъ. Если это случилось съ проблемой юности, человѣкъ признаетъ крахъ всей жизни и ничтожество своей души. Такіе увядшіе букеты юности несутъ, какъ увидимъ, не бросая ихъ, нѣкоторые герои Чехова (см. тираду Андрея въ послѣднемъ дѣйствіи *Трехъ сестеръ*)¹⁾.

¹⁾ Указанная совмѣстная роль въ жизни психики—созерцательной и функциональной данности—можно, въ связи съ современными ученіями объ *экономіи*, охарактеризовать, какъ экономію организма *антителеологическую*. Современные ученія говорятъ объ экономіи *имманентно-телеологической*, которая создается, поскольку *цѣли* уже установлены, и прилагается по отношенію къ *средствамъ*—такъ, чтобы и данныя цѣли оставались возможны, и расширился бы общій кругъ цѣлей. Экономія же организма, выраженная въ значеніи *созерцательной и функциональной данности*, состоитъ въ экономизаціи усилій ума и волн, во что бы то ни стало, на почвѣ общаго безсилія средней

Теперь я перехожу къ третьему виду несоотвѣтствій душевной жизни—*несоотвѣтствію между настроеніями и ихъ причинами— съ одной стороны, и между настроеніями и жизненными выводами, ими вызванными— съ другой*. А именно: ничтожные и случайные поводы очень часто являются несознаваемыми причинами сложныхъ настроеній, а въ свою очередь—настроенія, случайныя и мгновенныя, становятся причиной принципиально важныхъ выводовъ. Размѣры этого несоотвѣтствія могутъ быть неправдоподобно велики.

Можно отмѣтить нѣсколько различныхъ случаевъ измѣненій настроенія. Прежде всего, частымъ источникомъ настроеній являются, какъ извѣстно, варіаціи благосостоянія организма; затѣмъ дана, съ переходомъ къ патологическому, специальная нервная почва, какъ источникъ неустойчивости и необоснованности настроеній. Въ этой статьѣ всего важнѣе третій случай, когда причиной динамики настроенія является—*отражающееся въ сознаніи теченіе вѣтшей или внутренней жизни*. Ничтожныя удачи и неудачи, переходъ отъ незначительно пріятнаго положенія къ столь же незначительно непріятному; нѣкоторая оскомина отъ безразличнаго положенія, даже случайная житейская ассоціація или сравненіе—все это можетъ вызывать непропорціонально рѣзкія и солидныя перемѣны настроенія. Иногда даже, среди безразличной, блѣдно-дѣловой минуты возникаютъ вспышки настроеній, такъ сказать *вихрики*—унынія, энергичной веселости, радостнаго предвкушенія чего-то. Кромѣ своей мгновенности, эти «вихрики» отличаются среди перемѣнъ настроенія вообще и своими причинами: это, обыкновенно, воспріятіе какой-нибудь жизненной крупницы. Оно создаетъ эти «вихрики» или элементарно-психологическимъ путемъ (такъ дѣйствуютъ опредѣленные звуки, особенно окрашенныя и освѣщенныя поверхности, данныя осязанія); или же являясь для человѣка намекомъ на извѣстную сторону, или строй жизни, къ которому человѣкъ относится опредѣленнымъ эмоціональнымъ образомъ (напр., строй изящной безза-

психики. Въ ней заключенъ принципъ *антителеологическій*, поскольку она дана, независимо отъ наличности опредѣленныхъ цѣлей, и можетъ затрогивать и сами цѣли, создавая бѣдность и неисполненность цѣлей—и прямымъ путемъ, и косвенно (черезъ *средства*). Я не затрогиваю здѣсь той разницы указанныхъ двухъ видовъ экономіи организма, которая связана, въ данномъ вопросѣ, съ различіемъ *родового и индивидуальнаго опыта*.

ботности, или, наоборотъ—успѣшной, самодовольной озабоченности жизни).

Такимъ образомъ, душевная жизнь человѣка въ обыденныя минуты, очень часто представляетъ неблагообразный, нестройный рядъ вспышекъ и погасаній настроеній. Душа безсильно и беспорядочно мерцаетъ, какъ пламя свѣчи, повидимому, безпричинно волнуется въ комнатѣ, гдѣ ничто не движется.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Свое настроеніе, вызванное одной изъ указанныхъ причинъ, человѣкъ конструируетъ, словно дѣлаетъ изъ него выводы и основываетъ на немъ сужденія опредѣленнаго рода. Оно и является единственной причиной сужденій и оцѣнокъ; но человѣкъ скрываетъ отъ самого себя истинную зависимость. Наоборотъ: ему кажется, что его настроеніе явилось результатомъ этихъ сужденій и оцѣнокъ; сами же они — безпристрастный, объективный выводъ изъ достаточныхъ и вѣрныхъ фактовъ. На самомъ же дѣлѣ—эта, по его мнѣнію, безпристрастная фактическая основа сужденія является по востребованію тогда уже, когда данное настроеніе породило, иррационально опредѣлило извѣстное сужденіе. Иррациональность его и призваны скрыть сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ эти факты: они лишь наскоро и пристрастно иллюстрируютъ то, что онъ ошибочно считаетъ выводомъ. И, конечно, въ числѣ этихъ фактовъ не будетъ фигурировать ничтожный фактъ личной жизни, который въ дѣйствительности породилъ всю эту махинацію.

Такимъ образомъ, дѣйствительный психическій процессъ представленію о немъ переживающаго человѣка: настроеніе — сужденіе оцѣночное — подборъ фактовъ; а не подборъ фактовъ—сужденіе—настроеніе.

Какого же рода эти сужденія и оцѣнки?

Это—положительная или отрицательная (судя по настроенію) оцѣнка какой-нибудь стороны личной жизни, или всей ея въ цѣломъ — или даже жизни всего общества; или, наконецъ—*incredibile dictu*—оцѣнка всей вообще человѣческой жизни. Тутъ уже совершается смертный грѣхъ противъ жизни и познанія;— моментъ несоотвѣтствія, «неэквивалентности» внутренней жизни человѣка достигаетъ неправдоподобныхъ размѣровъ. А между тѣмъ, — такова именно истинная цѣна обыденныхъ оптимистическихъ или пессимистическихъ сужденій, — такова, въ общихъ

чертахъ, унижительная исторія дѣленія людей на оптимистовъ и пессимистовъ.

Какія же можно указать причины разобраннаго несоотвѣтствія внутренней жизни?

Главная причина, я думаю, лежитъ въ самой природѣ строенія, какъ опредѣленной психологической величины. Это то свойство его, которое можно назвать его *двусторонностью*. Съ одной стороны оно есть особенно непрочный и неустойчивый элементъ внутренней жизни, являясь, по существу, очень сложнымъ, ирраціональнымъ результатомъ, такъ сказать производной системой неустойчиваго равновѣсія. Съ другой стороны—человѣкъ склоненъ (въ очевидной связи съ тѣмъ, что оно является сложнымъ резюме) считать каждый частный видъ настроенія элементомъ не случайнымъ, а имѣющимъ постоянное значеніе, и связаннымъ незыблемо съ тѣмъ, что человекъ считаетъ существенной и характерной частью своего я. И такое значеніе онъ склоненъ приписывать каждому отдѣльному настроенію по очереди: настроенія обладаютъ какъ бы абсолютной *взаимовытѣсняемостью*. Въ этомъ отношеніи большинство людей слѣпо и глухо къ собственному повседневному опыту.

Однородно вліяетъ и трудность усвоенія мысли, что *настроеніе можетъ опредѣляться не только тѣмъ, что отражается въ нашемъ сознаніи, но въ весьма значительной степени и физиологическими, или элементарно-психологическими моментами* 1).

Отрицательнымъ же условіемъ разбираемаго несоотвѣтствія является склонность людей къ произвольному обобщенію во всякой умственной дѣятельности. Именно одно лишь полное пренебреженіе на дѣлѣ сутью *наведенья* дѣлаетъ возможнымъ для человекъ представить себѣ вышеуказанный процессъ въ обратномъ видѣ: настолько, обыкновенно, незначительны и одно-

1) Насколько велика эта трудность, ясно изъ той роли, которую она, какъ мнѣ кажется, играетъ въ процессѣ образованія *маній величія и прельтдованія*: въ нихъ дано очень яркое и непреодолимо прочное (пріятное или наоборотъ) настроеніе; *упуская изъ виду истинныя, психо-физиологическія причины*, переживающей его вынуждается искать причинъ во внѣшнемъ мірѣ или въ сознаваемыхъ сторонахъ своего я, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, все осталось неизмѣннымъ: появляются на сцену *эти люди и необычныя личныя свойства*, всегда фигурирующія въ указанныхъ маніяхъ. Сказанное, конечно, не оспариваетъ *идіопатологическихъ* основаній маній.

сторонне поняты тѣ факты, которые онъ считаетъ исходнымъ пунктомъ процесса.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, составляя отдѣльную психологическую категорію въ психологизмѣ Чехова, и легкость, съ какой вообще логическая дѣятельность попадаетъ въ зависимость отъ эмоциональныхъ состояній человѣка; а также *легкость, съ какой сравнительно общія оцѣнка колеблется и аберрируется минутными эмоціями.* Невидимый, могучій врагъ—*чувство* магнетически опредѣляетъ и смущаетъ ходъ мысли большинства людей, и безъ того колеблющійся и произвольный, опредѣляемый силой ассоціаций. Всего сильнѣе страдаетъ въ этой анонимной борьбѣ оцѣнка, которую даетъ жизни или людямъ такой безсильный, пристрастный умъ.

Оцѣнка одного и того же положенія, или человѣка, въ особености, — постоянно колеблется въ зависимости отъ настроенія. Возможнымъ становится это, очевидно, потому, что всякое положеніе, а особенно человѣкъ, имѣютъ много признаковъ, которые надо разобрать не разлучая, для того, чтобы удовлетворительно оцѣнить цѣлое. Значить — достаточно выхватывать отдѣльные признаки, чтобы стали возможными *нѣсколько невѣрныхъ оцѣнокъ.* При чемъ часто, для такой односторонней оцѣнки, человѣкъ выхватываетъ изъ реального «пучка» признаковъ и самъ по себѣ ничтожный. Особенно же колеблется, и можетъ быть неправильна оцѣнка *людей,* какъ обладающихъ всегда очень сложной совокупностью признаковъ.

Эта измѣнчивость и аберрація оцѣнки, а отчасти и третья психологическая категорія, только что разобранныя, являются, по своему содержанію, такъ же, какъ и *необоснованность поступковъ,* съ которой я началъ анализъ, общеизвѣстными свойствами психики. Но я настаиваю на такой высокой степени этихъ свойствъ, которая должна сдѣлать соотвѣтственные жизненные примѣры *неправдоподобными,* ибо признаваемая всѣми степень, неопредѣленно по существу, но значительно ниже дѣйствительной. А признаніе ея одно только уяснить намъ глубину чеховскаго реализма. Чтобы сдѣлать правдоподобной эту поразительно высокую степень, я и сосредоточивался подробно на соотвѣтственныхъ причинахъ — ресурсахъ *количества* вообще. Но чувство *неправдоподобія* соотвѣтственныхъ жизненныхъ примѣровъ (при неустранимой неувловимости *количественныхъ* степеней въ

разбираемыхъ сложныхъ явленіяхъ), и послѣ этого указанія мощныхъ причинъ, продолжаетъ быть залогомъ *правдивости* приводимыхъ жизненныхъ иллюстрацій (хоть это и звучитъ парадоксально).

Перехожу къ иллюстраціи произведеніями Чехова сдѣланнаго пока психологическаго анализа, т.-е. приступаю къ узаконенію его именно въ этой статьѣ.

Первая психологическая категорія — несоотвѣтствіе мотивовъ вызваннымъ ими поступкамъ (сравнительное ничтожество мотивовъ). *Юнычъ.* Докторъ Старцевъ сдѣлалъ предложеніе почти незнакомой; его привлекало, что она много читаетъ, бѣгло играетъ и что у нея невинное выраженіе глазъ и щекъ. А когда онъ увидѣлъ ее въ бальномъ платьѣ, то окончательно рѣшился. *Послѣ отказа горевалъ «дня три».* *Три года.* Юлія Сергѣевна не приняла бы предложенія нелюбимаго, почти незнакомаго человѣка, если бы отецъ не отнесся нелѣпо къ ея сообщенію о предложеніи; если бы она не провела одинокой ночи, съ завываніемъ вѣтра въ трубѣ, и со звонками (съ шуршащей проволокой) больныхъ къ доктору, не давшими спать. Уговаривала она себя тѣмъ, что Лаптевъ говоритъ по-французски и живетъ въ столицѣ, гдѣ интересные люди, портнихи и кондитерскія. А черезъ два дня послѣ свадьбы она считала свой бракъ несчастіемъ и ошибкой, и если бы жить не въ Москвѣ, гдѣ можно чудно кататься цѣлый день и дышать свѣжимъ воздухомъ, она не пережила бы этого ужаса.

«Въ родномъ улу». Вѣра вышла замужъ за абсолютно чужого и скучнаго человѣка, потому что нѣсколько мѣсяцевъ ее раздражали тетя, дѣдушка и гости-сосѣди, и она сама ничего не дѣлала; а она знала, что и послѣ брака будетъ жить среди тѣхъ же людей. Послѣ безобразной вспышки гнѣва на безтолковую прислугу она окончательно рѣшила главное въ своей жизни — бракъ.

«Домъ съ мезониномъ». Художникъ хочетъ жениться на Мисюсъ за то, что она восхищалась его картинами, ходила его провожать; а главное потому, что Мисюсъ, въ отрадномъ контрастѣ съ сестрой Лидой, пріобщая его, помогала ему пріятно оставаться въ изящномъ, уютномъ домѣ съ мезониномъ, откуда Лида его выживала. Когда на другой день онъ узнаетъ, что поте-

рялъ, даже безъ прощанья, Мисюсю,—онъ настоящаго горя не ощутилъ совсѣмъ. «Холодное, трезвое настроеніе овладѣло имъ и стало стыдно того, что онъ говорилъ въ этомъ домѣ». Т.-е. въ разсказѣ дано, какъ чуть было не былъ совершонъ «не эквивалентный» поступокъ, и отмѣчено специфическое чувство, вызываемое такимъ жизненнымъ моментомъ.

«*Володя большой и Володя маленькій*». Софья Львовна любила, хоть и элементарно, Володю маленькаго, но вышла замужъ за Володю большаго, съ досады на Володю маленькаго, а также потому, что ей надоѣлъ отецъ-докторъ. А черезъ два мѣсяца у нея уже завязался романъ съ Володей маленькимъ и только немного нетрезвая, она любитъ мужа. Вообще же ей «тяжело, жутко и безобразно» отъ ея брака.

«*Дама съ собачкой*». Изображена связь двухъ семейныхъ людей, завязывающаяся безъ достаточныхъ основаній: нѣтъ сомнѣній, что безъ достаточныхъ, ибо вся цѣль разсказа показать, какъ неважное и несерьезное неожиданно можетъ завязать большой жизненный узелъ.

«*Моя жизнь*». По ничтожнымъ, сравнительно, основаніямъ совершонъ Мисаиломъ Полозневымъ переходъ отъ интеллигентной жизни къ жизни чернорабочаго. Отрицательнымъ условіемъ была легкость этого измѣненія для Полознева съ внѣшней стороны. Положительнымъ—какъ будто принципиальное *credo* о высотѣ физическаго труда; но его не было у Полознева, ибо получивъ доступъ къ высшей формѣ физическаго труда—сельскому хозяйству, онъ оставался равнодушнымъ и безтолковымъ, плохо переносилъ деревню и, бросивъ ее, ни разу не пожалѣлъ. Непосредственно же побудили Полознева сдѣлаться маляромъ поразительно ничтожные факты: нелѣпныя рѣчи отца, пренебреженіе горожанъ за плохой костюмъ, внѣшняя заманчивость перемѣны (возможность спать на землѣ, ходить босикомъ).

«*Три сестры*». Необоснованная женитьба Андрея.

Вторая психологическая категория: несовершенство важнаго безъ достаточныхъ причинъ и вообще необъяснимая, повидимому, бѣдность и машинальность жизни (соединенное дѣйствіе *созерцательной* и *функциональной данностей*, подробно разобранные выше).

Не касаясь еще отдѣльныхъ вещей, можно сказать, что эта категория составляетъ основную психологическую струю произве-

деній Чехова. Особенно осязательной она становится отъ того, что дѣйствующія лица, оглядываясь на свою жизнь, отмѣчаютъ въ ней результаты (и только ихъ) этого психологическаго момента. Отъ этого вся ихъ жизнь дѣлается на мигъ неизъяснимо унылой, — какъ темно-цвѣтные листья, устилающіе опушку осени. Кто все укралъ у нихъ? Въ какія незримыя щели ушли ихъ расцвѣтавшія желанія и жажды-цѣли, не отразясь вовсе въ текущей подъ ними рѣкѣ жизни? Ихъ жизнь оказалась такой мутной, что не отразила ничего изъ воплощающейся въ цѣляхъ и такъ легко гаснущей части души. И, правда, есть незримая, тягучая и упругая пелена, отдѣляющая эти силы души отъ области ихъ жизненнаго воплощенія; это — совмѣстная ткань *конкретности и наложенныхъ категорій жизни*. Подъ ихъ дыханіемъ блѣднѣютъ и все рѣже появляются въ сознаніи, для возможнаго осуществленія, проблемы юности, любимые, но безплотные и ждущіе жизни образы и цѣли. И не появляются новыя, которыя могли бы явиться.

И не понимая причины (такъ какъ эти силы почти неосязаемы, по элементарности и ассоціативности), человекъ только уныло вопрошаетъ о разгадкѣ этой медленной смерти любимцевъ его сознанія и машинальной пустоты всей его жизни. И Чеховскіе герои вопрошаютъ,—требуютъ, чтобы кто-нибудь отвѣтилъ имъ за безсильное увяданіе задачъ ихъ молодости, за необъяснимую пустоту ихъ жизни. Такъ слагается то впечатлѣніе *неспособности къ жизни*, которое лежитъ, не анализированное, безъ восхожденія къ причинамъ, въ основѣ общаго взгляда на Чеховскихъ героевъ.

Разбираемая психологическая категорія потому занимаетъ такое большое мѣсто въ произведеніяхъ Чехова, что центральными фигурами ихъ, обыкновенно, являются лица, принадлежащія къ разбираемому ниже виду русскихъ среднихъ людей (средній умъ, воля слабѣе средняго, чувство развитѣе средняго). Тамъ же указано, что въ такомъ типѣ разбираемый психологическій моментъ имѣетъ чрезвычайно увеличенную силу. При этомъ развитое чувство создаетъ частую оглядку на свою жизнь, и смутное ощущеніе ея общаго характера; а кромѣ того оно обусловитъ меньшую склонность наполнять свою жизнь ничтожнымъ, такъ сказать валяющимся подъ рукой содержаніемъ. Въ результатѣ мы и имѣемъ то психологически характерное въ вещахъ

Чехова, о чемъ только что говорилось, и что формулируется обыкновенно критикой, какъ *неспособность къ жизни, какъ таковая*.

Иллюстрирую разбираемую категорію. На первомъ мѣстѣ *Три сестры*. Жизнь трехъ сестеръ — специфически пустая и машинальная, какъ жизнь заурядныхъ женщинъ, лишенныхъ личного счастья. Онѣ постоянно въ обществѣ однихъ и тѣхъ же пяти-шести лицъ, а такого рода общенье, какъ было указано (ст. 12—13), чрезвычайно злостный, въ разбираемомъ отношеніи, видъ *конкретности*. И отъ этого безслѣдно повторяющагося, всегда малоцѣннаго общенія, и на фонѣ его, онѣ переходятъ къ привычному и машинально налаженному. Вся ихъ жизнь составлена изъ перечисленныхъ выше жизненныхъ категорій: *необходимое* (для денегъ), *органически необходимое* (съ большимъ психологическимъ усложненіемъ—ср. отношеніе къ трапезамъ въ день ангела Ирины) и *функционально-данное* (и общеніе), повторяющееся независимо отъ пріятности по содержанію. *Привычнаго же*, въ точномъ, установленномъ выше смыслѣ, въ жизни трехъ сестеръ немного: уѣхавъ отъ всего вмѣстѣ въ Москву, онѣ мало грустили бы о покинутомъ, независимо отъ того, нашли ли бы онѣ тамъ что-нибудь значительное.

Взгляды, бросаемые на такую жизнь черезъ нѣкоторые промежутки времени, даютъ унылое, безнадежное ощущеніе уходящей между пальцевъ жизни, необъяснимой бѣдности ея: въдѣ все указанное содержаніе жизни, какъ уже было сказано, не производитъ никакихъ измѣненій въ душѣ, не запоминается, какъ повторяющееся и самоочевидное. Такія сцены унынія — самое типичное въ «Трехъ сестрахъ» и повторяются часто. Должно также это свойство жизни отражаться на особенно болѣзненнымъ чувствѣ *постарѣнья*: это чувство и выражаютъ Ирина и Ольга, хотя чувствуютъ онѣ не настоящее постарѣніе, ибо онѣ еще молоды и сильны, а бессмысленность и блѣдную ровность цвѣтенія своей жизни.

Въ одномъ мѣстѣ пьесы, въ самомъ концѣ, тонко ощущается, какъ словно подкрадываются къ сестрамъ незримыя, громадныя силы — сила функциональной и созерцательной данности. Наступаетъ особенно унылый періодъ въ жизни сестеръ (смерть Тузенбаха, уходъ Вершинина съ бригадой) и онѣ твердятъ: «надо жить», сейчасъ, съ углубленнымъ горемъ сознаньемъ; онѣ чув-

ствуютъ это основное строеніе жизни — длинный рядъ чего-то неустранимаго, чего-то и ничтожнаго, и страшно важнаго, управляющаго человѣкомъ, какъ бы ни былъ онъ увлеченъ въ своемъ любимомъ.

Но ярче всего иллюстрируетъ разбираемый психологическій моментъ—мечта трехъ сестеръ о поѣздкѣ въ Москву. Здѣсь поразительно типично выражена трудноисполнимость легко возможнаго самого по себѣ—труднаго, только потому, что оно не причастно ежедневному горизонту жизни, — *безплотно* (ст. 11). Постепенно слова сестеръ «въ Москву» превращаются въ безнадежный стонъ, когда ясно уже, что онѣ такъ и не поѣдутъ въ Москву, хотя это ясно только изъ того, что онѣ до сихъ поръ не поѣхали туда. «Я вижу, что мы никогда не поѣдемъ въ Москву», говоритъ Ирина. Мало-по-малу происходитъ *што-стазирваніе* этой поѣздки въ Москву: недостигнутая частичная новизна становится лозунгомъ новаго вообще, всѣхъ привлекательныхъ возможностей, протестомъ противъ засасывающаго, безсмѣннаго кольца ежедневной жизни. Въ Москву! Въ Москву!

Въ молчаніи, на заднемъ планѣ, нѣчто даже болѣе сильное происходитъ съ братомъ Андреемъ. Тамъ, отчасти, какъ во всякой мужской судьбѣ, дѣйствительно были задатки нормально богатой жизни, была налицо проблема юности (Андрей музыкантъ и хотѣлъ быть профессоромъ). Въ его быстромъ, неизлѣчимомъ упадкѣ отчасти дано вліяніе «среды» (плохая жена), и, повидимому, привычки. Но нѣтъ, не привычки: онъ никакого лишенія не чувствовалъ бы, бросивъ свою управу и выйдя изъ своей комнаты на просторъ, гдѣ онъ могъ бы похудѣть тѣломъ и пополнѣть душой. Надъ нимъ властвуетъ *конкретность*, функционально данное, какъ оно властвуетъ надъ безвольными людьми, совершившими «неэквивалентный» поступокъ (женитьба Андрея). Изъ его комнаты, гдѣ онъ постоянно сидитъ, доносятся въ гостиную звуки скрипки. Это глубоко драматично: тамъ прячетъ свою безславную, медленную, необъяснимую смерть все еще гордое животное — человѣкъ; и заставляетъ звучать струны надъ увядшимъ, но не брошеннымъ букетомъ юности, слегка утѣшая этимъ всю душу и удерживая единственно любимое—не умирающее. А сзади, съ бумагами изъ управы, ходитъ Оерапонтъ, воплощеніе постыло-машинальной и налаженной жизни.

Въ «Трехъ сестрахъ» интересенъ еще докторъ Чебутыкинъ. Его необходимо разсматривать вмѣстѣ съ Телѣгинымъ («Дядя Ваня»). Оба чрезвычайно типичны — какіе-то «осколки» человѣка, все праздное время которыхъ наполнено машинальными, повторяющимися крупицами жизни (вѣчная, до шаржа доведенная газета доктора — символъ *данности*). Конечно, здѣсь и привычка, но не она одна: Чебутыкинъ почти не жалѣеть, уѣзжая въ концѣ пьесы, изъ дома сестеръ (*это паразительно характерно*), и весь онъ имѣетъ оттѣнокъ цинизма, который чуждъ человѣку, бархатно скованному привычкой. Здѣсь присоединяется болѣе элементарное, непонятное человѣку объятіе среды — *конкретнаго, даннаго*. Очень знаменательно, что у этихъ обоихъ «осколковъ» драматическое прошлое: квалифицированное несчастье въ любви. И это прошлое никогда истинно не тревожитъ теченія ихъ нищенски однообразной жизни, — вся она остается имъ пріятна, какъ вязаніе чулка (равнодушіе къ прошлому — характерное слѣдствіе машинальности настоящаго).

У Чебутыкина, впрочемъ, есть рефлексъ на свою жизнь, ощущение безконечной машинальности ея, которое приводитъ у него къ особому цинизму, равнодушію, возводимому въ принципъ: я утомился. «Не все ли равно?» говоритъ онъ, разсказавъ о смерти Тузенбаха. Это мѣсто трагически говоритъ о человѣческой душѣ, о томъ, до чего можетъ дойти всегда наличное, элементарное дѣйствіе на нее жизни. И пьяныя слова Чебутыкина: «можетъ быть я вовсе не существую», говорятъ о томъ же максимумѣ разбираемаго психологическаго момента (машинальности человѣка). Два эти лица — Чебутыкина и, отчасти, Телѣгина, я считаю общечеловѣческимъ типомъ, въ особенномъ, конечно, смыслѣ: они воплощаютъ саму жизнь, въ самомъ элементарномъ дѣйствіи ея на человѣка.

Моя жизнь. Иллюстрируемый психологическій моментъ — составляетъ основной нервъ и затаенный психологическій свѣтъ этого превосходнаго разсказа. Общимъ образомъ объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что основнымъ, оригинальнымъ камнемъ фабулы является физическій трудъ интеллигента, а физическій трудъ — функціональная данность въ самомъ яркомъ, первичномъ значеніи этого слова. Вѣяніе неуловимыхъ силъ, крадущихъ у человѣка живой смыслъ и полетъ его жизни (созерцательной и функціональной данности) одѣваетъ блѣднымъ драматизмомъ простой

рассказъ Полознева и словно равнодушный, чѣмъ-то блѣдный взглядъ его на свою жизнь. Громадная машинальность его жизни видна въ томъ, какъ онъ дошелъ до своего состоянія упадка блѣдными, нормально ощущаемыми уступами; его отношеніемъ къ Домриковой и Анютъ Бологово—въ первомъ случаѣ болѣзненно быстро мѣняющееся, во-второмъ вяло-стоячее жизненное отношеніе, въ зависимости отъ характера обѣхъ дѣвушекъ.

Но, кромѣ этихъ уловимыхъ данныхъ, нѣчто общее и не-уловимое свидѣтельствуетъ въ «Моей жизни» объ освѣщаемой категоріи: ощущенія Полознева даются словно *подъ сурдинкой*. Это именно связано съ машинальностью жизни, созданной созерцательной и функциональной данностью: самъ человѣкъ почти пустъ; непрестанно слѣдя за ведущимъ его процессомъ, онъ отвѣчаетъ только эмоціями, но и онѣ у него, раба безличнаго, заглушенныя, блѣдныя. Въ самый моментъ ихъ онъ уже, чувствуя это, вовлекается въ какое-то незримое, сонное движеніе, словно отнимающее у него сейчасъ же индивидуальное содержаніе его живыхъ минутъ (машинальное теченіе времени, въ созерцаніи и реакціи на «данности»). Ярко иллюстрируется это тѣмъ поразительнымъ, такъ сказать, умолчаніемъ, которымъ окружена въ рассказѣ смерть сестры Мисаила П.,—о ней узнаешь только косвенно, какъ о самоочевидномъ минувшемъ; также всѣмъ его отношеніемъ къ судьбѣ этой любимой сестры.

Дядя Ваня. Здѣсь мое мнѣніе не совсѣмъ рѣшительно, такъ какъ противорѣчитъ словамъ самого дяди Вани. Но я думаю, что, если самоотверженный *modus vivendi* дяди Вани съ Соней въ усадьбѣ и установился на той принципіальной почвѣ, которую дядя Ваня склоненъ преувеличивать изъ самозащиты (самоотверженная работа для великаго человѣка—профессора)—то неизмѣнно сохраняться 25 лѣтъ (!), въ удивительномъ однообразіи деревенской жизни, этотъ *modus vivendi* могъ лишь съ помощью иллюстрируемаго теперь психологическаго момента: на почвѣ машинальности, *данности* жизни. Вѣдь въ этомъ отношеніи особенно типична усадебная жизнь вообще.

И для дяди Вани, и для Сони существуетъ нѣчто внѣшнее къ ихъ ежедневному, тусклому горизонту жизни, нѣчто непричастное ея заскоружло-налаженному теченію (созерцательной и функциональной данности): для Сони пріѣзжаетъ изъ незримой дали красивый докторъ со странными, живыми рѣчами, не за-

мѣчающій ея. Для дяди Вани пріѣхала лѣнивая красавица, равнодушная и непонятно обыкновенная душой, какъ сама жизнь, которую она олицетворила въ ихъ усадьбѣ. И обжигая новой жизнью, это мучительно слилось съ тѣмъ, что эта женщина—жена человѣка, который почти мгновенно сталъ для дяди Вани воплощеніемъ пустой машинальности его лучшихъ 25-ти лѣтъ! И безконечно мучительно, что это новое плѣнительное, ворвавшись ненадолго, ушло, оставивъ прежнюю жизнь, — вывернувъ ее наизнанку, какъ перчатку, проявивъ своимъ яркимъ дыханіемъ и сдѣлавъ ненавистной ея заскорузлую *функциональную данность*. Глубокимъ, истиннымъ драматизмомъ полна послѣдняя сцена—процессъ постепеннаго уѣзжанія, снова въ неуволимую даль, всего привлекательнаго въ жизни двухъ бѣдныхъ. Оголяясь, замыкается около дяди Вани и Сони тотъ же многолѣтній, нищенскій однообразный кругъ функциональной и созерцательной данности, который теперь добровольно принятъ ими и котораго не прорветъ вся сила человѣческаго горя и не расширять простираемая въ даль объятія. Въ этотъ кругъ попадаетъ съ ними только «осколокъ» Телѣгинъ, который тренькаетъ на гитарѣ, словно считая унылыя секунды,—и «узкая» мать дяди Вани.

Три юда. Лаптевъ три года, послѣ необоснованной женитьбы, живетъ безсодержательно и ровно около фамильнаго, торговаго дѣла—именно *около*, а не въ немъ. Тутъ и есть доказательство машинальности жизни Лаптева: жить, по возможности меньше касаясь нелюбимаго дѣла (беру случай, когда это легко), твердить, что не любишь и ничего другого не дѣлать (а вѣдь у Лаптева милліоны). Есть здѣсь и моментъ «заѣданія средой» (купеческой), но не онъ одинъ: Лаптевъ эмансипированъ такъ сказать, имѣть свою волю, получаетъ деньги, живя отдѣльно и не помогая дѣлу. Здѣсь и не привычка, такъ какъ, конечно, онъ не чувствовалъ бы никакого лишенія, бросивъ всю свою эту жизнь; и бросать ее настолько, насколько это само собой дѣлается, не требуя непрерывнаго отвлеченнаго стремленія (сила, необходимая для преодоленія дѣйствія *данности*, конкретности),—Лаптеву очень пріятно (его поѣздка въ Англію). Пассивность, машинальность своей жизни онъ самъ однажды формулируетъ, спрашивая,—что держитъ его у опротивѣвшаго мѣста? его сердце на мгновеніе сжимается предвкушеніемъ новой жизни, «чудной поэтической, можетъ быть даже святой» (?); но онъ самъ же говоритъ, что до смер-

ти не измѣнить своей жизни, не сдвинется съ мѣста законсѣлости (функционально данное). Въ эти три года незамѣтно угасаетъ любовь его къ женѣ и также возникаетъ чувство ея къ нему. Въ концѣ разсказа—апофеозъ машинальности человѣческой жизни иллюстрируемаго психологическаго момента, когда самъ человекъ—несравненный, но все-таки только зритель. Лаптевъ говоритъ себѣ: «Вѣдь еще придется жить можетъ быть 13, 30 лѣтъ. Что-то еще ожидаетъ насъ въ будущемъ! Поживемъ—увидимъ».

Для иллюстраціи той же психологической категоріи ссылаюсь еще на разсказы: *На подводѣ*, *Бабье царство*, *Въ родномъ улѣ*, *О любви*, *Разсказъ 1-жи NN.*, *Вишневы садъ*. Въ этой пьесѣ, мнѣ кажется, поразительная (вѣдь купецъ постоянно напоминаетъ) безпечность, пассивность кучки дворянъ создается всѣми тремя случаями дѣйствія *среды* на пассивность человека но въ значительной степени и самымъ элементарнымъ, который сейчасъ иллюстрируется. Онъ долженъ вѣдь быть особенно силенъ въ дворянахъ - помѣщикахъ: именно въ ихъ жизни конкретность и наложенное—эстетически привлекательно и организовано въ одно цѣлое, обезпечивающее самодовольную сытость и покой сознанія.

Третья психологическая категорія, также весьма важная для пониманія Чехова; *зависимость настроеній отъ ничтожныхъ причинъ*; и въ свою очередь—*зависимость отъ этихъ минутныхъ настроеній общихъ оцѣночныхъ сужденій* (а какъ особый случай динамики настроенія—то, что я выше назвалъ «вихриками»).

Иллюстрація. Главнымъ образомъ—*Скучная исторія*¹⁾. Этотъ великолѣпный разсказъ имѣетъ и большую цѣнность, не типичную для Чехова: проникновенное и талантливое, тонко всестороннее, съ прелестными подробностями и основнымъ то-

¹⁾ Этотъ разсказъ въ равной степени (и даже болѣе) относится къ слѣдующему психологическому моменту (абerraція оцѣнки). Но я разберу его все-таки теперь же, въ виду родственности обоихъ моментовъ, чтобы начать съ значительнаго, всѣмъ знакомаго произведенія Чехова. По общей своей психологической сути *Скучная исторія* очень близка къ разсказу *Архіерей*. Это сходство при крайней соціальной разницѣ выведенныхъ лицъ, а главное то обстоятельство, что Чеховъ въ самомъ началѣ („Скучная исторія“) и въ концѣ своей литературной дѣятельности („Архіерей“) написалъ однородныя вещи—это прекрасно свидѣтельствуетъ о большой типичности для Чехова соответственнаго психическаго момента.

номъ, изображеніе гармонично выдающагося культурнаго, позитивнаго типа: знаменитаго ученаго-естественника. Но въ высшей степени индивидуально то, въ какой моментъ жизни Чеховъ его изображаетъ. Это моментъ, повидимому, необъяснимаго краха, когда человѣку, гармонично и богато прожившему, начинается казаться, что всѣ и все гадко, и вся жизнь его пропала даромъ, что онъ побѣжденъ и долженъ умереть.

Эта переѣна объяснима по-моему только однимъ путемъ. Отъ естественнаго умираянія организма и бессонницы у знаменитаго профессора непрерывно мучительно унылое настроеніе. И здѣсь, съ поразительной силой, выступаетъ разобранная выше природа настроенія: человѣкъ почти неудержимо склоненъ дѣлать подъ вліяніемъ своего настроенія жизнеоцѣночные выводы, гармонирующіе съ этимъ настроеніемъ, — даже если онъ несомнѣнно пойметъ, что это настроеніе отвѣчаетъ какому-то *индивидуальному* (физиологическому) моменту въ немъ, а не *общему* моменту въ жизни. Профессоръ въ *Скучной исторіи* знаетъ, что его настроеніе и мысли, все разрушающія, имѣютъ одну основу—его плохое здоровье. И все-таки онъ не можетъ справиться съ происходящимъ въ немъ процессомъ. Однако такъ сильна и прочна въ немъ оцѣнка, выработанная всей жизнью, такъ ясна картина общей и цѣль частной жизни, что долго въ немъ данъ мучительный дуализмъ: онъ снова и снова утверждаетъ въ своемъ умѣ основное, нормальное *credo*—а рядомъ остается и даже растетъ новое, нелѣпо разрушающее. Ясно даже не формулированное, а просто неудержимо-протягивающее стирающую руку къ девизу и формулѣ всей его прекрасной жизни. Все проходитъ въ умѣ: что правъ онъ былъ всю жизнь и ничто не измѣнилось; что новыя унизительныя мысли «раба и варвара» вызваны разрушеніемъ здоровья, нелѣпы и бессильны. Но все-таки процессъ абберации оцѣнки жизни все растетъ—и наконецъ новое, унизительно-темнящее побѣждаетъ. И финалъ разсказа всецѣло освѣщается разбираемой психологической категоріей. Поводомъ къ капитуляціи послужило ничтожное—поѣздка въ Харьковъ: унылая гостиница, усгалость отъ поѣздки (а не то, что женихъ дочери оказался обманщикомъ—равнодушіе къ этому важному обстоятельству подчеркнуто авторомъ) усилили его основное уныніе и получился выводъ, умерщвляющій смыслъ всей его жизни. Онъ сказалъ себѣ: въ его жизни и мысляхъ не было

единого, живого бога—иначе не разлетѣлось бы его *quasi*-міровоззрѣніе отъ страха смерти и серьезнаго недуга. Не было въ немъ того, что выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній.

Форма вывода весьма замѣчательна: въ него вошло какъ разъ то, что составляетъ психологическій нервъ всего происходящаго; такъ и должно быть у умнаго и сознательнаго человѣка. Но все-таки этотъ моментъ взятъ въ искаженномъ видѣ; не принята во вниманіе специфическая, громадная зависимость «міровоззрѣнія» отъ причинъ этого рода, какъ источниковъ сильныхъ настроеній; названо внѣшнимъ вліяніемъ то, что относится глубочайшимъ образомъ къ психикѣ человѣка. Пришлось тогда, для пониманія происшедшей побѣды, лишить силы побѣжденную сторону—*міровоззрѣніе*, которой она на самомъ дѣлѣ обладала. Къ сожалѣнію не могу показать, какъ превосходно соблюдена постепенность разобраннаго процесса и какое усиливающее значеніе имѣли окружающія профессора лица.

Если не принять мое объясненіе разсказа, то, чтобы какъ-нибудь понимать его, нужно признать, что дѣйствительно міровоззрѣніе профессора было всегда безсильно и мертво, и что такъ оцѣниваетъ его Чеховъ, имѣя цѣлью—дискредитировать его. Я не считаю возможнымъ такое пониманіе. Весь процессъ гибели міровоззрѣнія профессора изображенъ—какъ процессъ *ирраціональный*; не производится *никакой* критики *credo* профессора, наоборотъ онъ все время утверждаетъ прежнюю положительную оцѣнку его—общее отрицательное отношеніе просто *вытѣсняетъ* положительное. И въ окончательную формулировку профессоромъ ничтожества своего *credo* не вошло никакихъ логическихъ моментовъ, а только самъ этотъ фактъ *вытѣсненія*. Профессоръ могъ не признавать за психофизическимъ моментомъ той силы, которою тотъ обладаетъ; и тогда, конечно, максимумъ сознательности и долженъ былъ выразиться въ его осужденіи своего *credo*: разъ побѣдитель ничтоженъ—конечно ничтоженъ и побѣжденный. Я допускаю большее—тотъ же выводъ, и по тѣмъ же причинамъ могъ сдѣлать и самъ Чеховъ (теоретизируя въ этомъ раннемъ своемъ произведеніи). Но суть все-таки въ безспорно нарисованной Чеховымъ *ирраціональности* самого процесса—смутнаго обезцѣниванья *credo* всей жизни; изъ него заключительная формула профессора—лишь неизбѣжное слѣдствіе, разъ онъ не признаетъ мощи психо-физическаго момента. За-

тѣмъ—весьма важно для пониманія сути разсказа то обстоятельство, что вѣдь старческій маразмъ профессора отражается не только на его *credo*, но и на отношеніи его къ людямъ, къ своей семьѣ. И въ этомъ отношеніи дана та же постепенность и иррациональность процесса. Значить дѣло идетъ не о томъ, чтобы заподозрить опредѣленное міровоззрѣніе, а объ изображеніи общаго психологическаго момента—зависимости интеллекта отъ чувства.

Продолжаю иллюстрацію динамики настроенія. *Анна на шеѣ*. Отъ звуковъ музыки въ вечернемъ воздухѣ, и отраженія луны въ природѣ, и звука своего голоса, прекрасно звучавшаго по-французски—Анна пришла въ восторгъ, забывъ свое несчастіе (см. стр. 22—«вихрикъ» отъ элементарно-психологическихъ причинъ).

Поцѣлуй. Некрасивый, застѣнчивый офицеръ Рябовичъ, послѣ случайнаго поцѣлуя въ темнотѣ, очень долго былъ томно счастливъ; а когда второй приѣздъ въ то же имѣніе былъ безразличенъ—имъ овладѣло уныніе и стоя надъ водой онъ осудилъ эту безцѣльную бѣгунью—рѣку. Весь міръ (!) показался Рябовичу непонятной, безцѣльной шуткой, а собственная жизнь необыкновенно скудной и убогой. *Учитель словесности*. Заурядный учитель женился на красивой и милой, конечно обыкновенной, дѣвушкѣ; и меньше, чѣмъ черезъ годъ, описывается такой случай. Послѣ пустяшно неприятнаго вечера въ клубѣ, съ какимъ-то осадкомъ въ душѣ учитель возвращается домой, осуждая свою семейную жизнь, какъ нѣчто странное и неопредѣленное. Онъ мечтаетъ о какомъ-то мірѣ чудной борьбы, грубъ съ женой, называетъ себя бездарнымъ и безличнымъ. И на другой день, во время нуднаго посѣщенія тестя, онъ сидитъ одинъ и въ дневникѣ пишетъ, что онъ долженъ сейчасъ же бѣжать отъ засывающей его пошлости—иначе сойдетъ съ ума.

Студентъ. Разсказавъ двумъ вдовамъ исторію отреченія апостола Петра и увидѣвъ слезы Василисы—студентъ какъ-то особенно подумалъ объ этомъ—и радость такая зашевелилась въ немъ, что онъ остановился чтобы перевести духъ («вихрикъ»). И, въ холодномъ разсвѣтномъ полѣ, онъ былъ полонъ невыразимо сладкаго чувства, жизнь казалась ему чудесной, полной високаго смысла, а правда и красота—ея главнымъ содержаніемъ. *Послѣ театра*. Вернувшись изъ театра, Надя, послѣ напускной любовной печали, ощутила неудержимый приливъ радости со

смѣхомъ («вихрикъ») и, для обоснованія своей радости, наскоро думала обо всемъ сразу—о кавалерахъ, влюбленныхъ въ нее, о роялѣ, о мамѣ, о жизни лѣтомъ въ деревнѣ, о карандашѣ—и все было необычайно хорошо. Повидимому—ничтожный, странный рассказъ; но съ моей точки зрѣнія глубоко психологическій и типичный для Чехова.

Три сестры. Чрезвычайно типичны для Ольги, и особенно для Ирины, «вихрики» унынія: таково настроеніе Ирины, когда она приходитъ усталая со службы, когда всѣ разошлись и ряженымъ отказали, во время пожара (здѣсь порывъ отчаянія). Въ день именинъ у Ольги и Ирины—«вихрики» радости (Ирина рассказываетъ какъ проснулась въ постели).

По двѣламъ службы. Слѣдователь Лыжинъ, въ уныніи отъ цѣлой ночи, которую ему предстояло провести во въюгу въ убогой избѣ, рядомъ съ мертвымъ тѣломъ,—дѣлаетъ заключеніе объ отрывочности и бессмысленности всей окружающей его провинціальной жизни, отъ которой только и стѣбитъ уѣхать въ Москву, гдѣ все другое.

Ссылаюсь еще на рассказы: *Враги, Володя, Въ родномъ улу, Дама съ собачкой, Случай изъ практики, Бабье царство.*

! Перехожу къ иллюстраціи психологическаго момента, весьма близкаго только что освѣщенному, также важнаго для пониманія Чехова. Это—*поразительная (дѣлающая неправдоподобными соответственныя примѣры) изменчивость оцѣнки окружающей жизни и людей, главнымъ образомъ—на почвѣ абераціи ея эмоціями и настроеніями.*

Володя большой и Володя маленькій. Во время катанья на тройкѣ слегка опьянѣвшая Софья Львовна говоритъ себѣ, что сегодня въ ресторанѣ она наконецъ убѣдилась, что страстно любитъ мужа, а не вышла за него *par dѣpit*, какъ это ее мучило со дня свадьбы. И что Володю маленькаго она больше не любитъ. Потомъ, когда послѣ катанья съ монашенкой Олей, ей стало грустно—отрезвѣвъ, она уже опять думаетъ, что не любитъ мужа, что ей отъ ея брака—тяжело, жутко и безобразно. И пріѣхавъ домой, она снова «любитъ» Володю маленькаго. *Непріятность.* Весь смыслъ рассказа въ томъ, что, давъ въ запальчивости пощечину фельдшеру, докторъ Овчинниковъ, въ зависимости отъ колебаній своего настроенія и воздѣйствія людей, все мѣняетъ свой взглядъ на происшедшее и на то, что онъ долженъ сдѣ-

лать. И такъ и не находитъ естественнаго выхода. *Враиш*. Охваченный мучительнымъ раздраженіемъ отъ напрасной поѣздки изъ дому, гдѣ только что умеръ его сынъ — докторъ обвиняетъ въ безконечномъ легкомысліи и неуваженіи къ личности увезшаго его Абогина, хотя совершенно очевидно, что Абогинъ не зналъ, что жена его не больна, что они уже не застанутъ ее, потому что она уѣхала съ любовникомъ. И онъ совершенно бессмысленно обвиняетъ Абогина, и въ его лицѣ классъ изнѣженныхъ сибаритовъ, неуважающихъ скромныхъ тружениковъ. *Архіерей*. Перемѣна настроенія, вызванная приближеніемъ болѣзни, заставляетъ архіерея иначе относиться къ своей жизни. Его тяготитъ многое, неразрывно связанное съ архіерействомъ, кажутся ничтожными дѣла, которыми онъ занятъ: онъ судитъ, какъ живой, индивидуальный человѣкъ, а не какъ привычно, благосклонно безличный іерей. Онъ все съ наслажденіемъ вспоминаетъ дѣтство и прошлое; все чего-то недостаетъ, «и все еще кажется, что нѣтъ чего-то самаго важнаго и, какъ въ юности, тянетъ въ туманъ будущаго». Это — великая переѣна для монаха высокаго чина: сквозь традиціонную, благообразную волну безличныхъ чувствъ, составляющихъ суть души высокаго іеромонаха, сочтется жадная струя индивидуальности и переоцѣнки, изъ проснувшейся глубины души. И переѣна эта создана настроеніемъ, вызваннымъ его болѣзнию.

Анна на шеп. Утромъ въ день свадьбы Анна была довольна, что выходитъ за пожилого, некрасиваго человѣка; во время вѣнчанья, и когда они въ вагонѣ — она чувствовала себя виноватой, обманутой и смѣшной. Но когда она вышла на полустанокъ, и тамъ были знакомые, которые любовались ею, съ которыми она говорила по-французски — и была луна въ прудѣ и музыка въ вечернемъ воздухѣ — Анна стала радостная («вихрикъ») и вернулась въ вагонъ, увѣренная, что будетъ счастлива.

Сосѣди. Общій смыслъ разсказа близокъ разсказу *Непріятность*. Оцѣнка, и связанное съ ней отношеніе къ необыкновенному событію (бѣгству сестры Зины къ женатому Власичу) — все время колеблется, въ зависимости отъ настроенія Петра Михайловича; онъ очевидно судитъ событіе съ трехъ-четыреухъ различныхъ сторонъ, существенныхъ и несущественныхъ, не объединяя ихъ ничѣмъ. Поѣхалъ со страшнымъ гнѣвомъ, потомъ было стѣсненіе и страхъ; затѣмъ все казалось естествен-

нымъ отъ простаго тона сестры; потомъ опять показалось невѣроятнымъ; кончилось жалостью къ ней и Власичу, непоправимо ошибшимся и несчастнымъ.

Тотъ случай, когда отъ настроенія мѣняется оцѣнка людей, иллюстрируется разсказомъ *Именины*: беременная Ольга Михайловна, въ жаркій лѣтній день, сильно раздраженная, въ своемъ положеніи, праздничной суматохой, жестоко осуждаетъ всѣхъ гостей, дядю, и своего мужа, лишь отчасти заслуживающаго этого. Ссылаюсь еще на разсказы: *Въ родномъ цулу*, *Крыжовникъ*, *Дуэль*, *Сильныя ощущенія*, *Три года*.

II.

Разобравъ и иллюстрировавъ три вида психическихъ несоотвѣтствій; прикоснувшись такимъ образомъ къ плоти живой души, всегда богато данной, но неуловленной до сихъ поръ подъ достаточно сильный свѣтъ—постараюсь дальше двигаться и понимать въ этой области.

Остановлюсь теперь на свойствѣ психики, менѣе важномъ для характеристики Чехова, но которое само по-себѣ не менѣе обще. Это то, что можно назвать *способностью совмѣщенія*. Въ сознаніи человѣка одновременно могутъ существовать, составляя цѣльное содержаніе его личности, благородные и неблагородные мотивы, настроенія и желанія; важные, исключительнаго для него значенія—и совершенно безразличныя, обыденныя, какъ лѣтніе листья. При чемъ эти уживающіяся противоположности могутъ касаться одного и того же жизненнаго содержанія (благородныя и низкія мотивы одного поступка, двоякая душевная реакція на одно событіе; глубокое уваженіе къ данному лицу и, въ то же время смѣхъ надъ его внѣшнимъ видомъ). Или же онѣ могутъ касаться разнаго содержанія (напр. въ моментъ поглощенія человѣка чѣмъ-нибудь значительнымъ, глубоко его затрагивающимъ—рядомъ могутъ жить и интересоваться его ничтожныя, даже неблагородныя образы, желанія, воспоминанія). Это свойство души, скрываемое, нелѣпое, оскорбительное, имѣетъ, однако же, сложныя, сильныя причины—оно имѣетъ слишкомъ много причинъ.

Необходимой разбираемая *способность совмѣщенія* становится очевидно, главнымъ образомъ, въ силу той сложности реальной

психики, по которой почти каждое, вновь входящее въ жизнь даннаго лица содержаніе стоитъ въ многообразной связи съ его душой, какова она въ этотъ моментъ, со всей глубиной индивидуальности: всѣ задѣтыя струны дрожатъ отвѣтно.

Таково же значеніе и опредѣленнаго слѣдствія этой сложности живой психики: во всякой психикѣ, въ каждый данный моментъ, налажено много параллельныхъ путей и нитей развитія — отдыхающихъ, разомкнутыхъ съ сознаниемъ, въ той или другой степени. Каждая изъ нихъ, разъ это становится необходимымъ, въ силу измѣнившихся условій, приходитъ въ движеніе, проникая въ сознаніе, независимо одна отъ другой.

Наряду съ этимъ—могущественно дѣйствуетъ въ томъ же направленіи и *непрекращаемость элементарныхъ силъ души*: памяти, силлогизма, а главное—ассоціацій. Ихъ первородная работа, со своею ношей, то безцвѣтной, какъ воздухъ, то яркой до изнуренія сознанія, оспариваетъ сознаніе у основного, санкціонируемаго человѣкомъ содержанія его.

Разобранныя только что причины способности *совмѣщенія* тѣмъ самымъ приводятъ (наряду съ другимъ) къ нѣкоторому свойству жизни людей, которое, какъ и все до сихъ поръ мною разобранное, постоянно встрѣчается, и все-таки остается достояніемъ слѣпотаго генія жизни. Я имѣю въ виду — *обыденность переживанія человекомъ необыкновенныхъ событий*. Наряду съ главнымъ содержаніемъ—упрямой вереницей проходятъ въ умѣ человѣка, переживающаго что-либо исключительное, сѣрья крупицы мысли и чувства; даже слышится снова тихій прибой, жившій въ послѣднихъ мирныхъ минутахъ — мгновеньями въ умѣ одна голая мысль: я счастливъ (несчастливъ). И только отдѣльными моментами онъ видитъ ясно лицо посѣтившаго бога.

Вмѣстѣ съ общими причинами *способности совмѣщенія* для разбираемаго теперь свойства надо указать еще одного дѣятеля: *безсиліе* (въ данномъ случаѣ) *воображенія*. Человѣкъ, переживающій необычайное, только мгновеньями можетъ ясно понять значеніе для его жизни случающагося: вѣдь для этого онъ долженъ невыразимо ощутить всю качественную сумму своей жизни. Онъ самъ остается такимъ же, со всей неуловимой, сладкой инерціей жизни; столько осталось кругомъ неизмѣннаго въ жизненной рамкѣ, — что призрачно распадается и уходитъ въ глубь пусто звенящихъ словъ то, что онъ долженъ и хочетъ понять

про свою жизнь. Только потому, продолжая хоть и замедленное, подъяремное свое движение, съ разныхъ, отдѣльныхъ сторонъ, человѣкъ научится понимать важность случившагося.

Порядокъ отмѣчаемыхъ мною психологическихъ моментовъ, въ общемъ, только и опредѣляется значеніемъ ихъ для пониманія Чехова. Поэтому теперь перехожу къ краткому анализу момента, уже упомянутого выше и важнаго для цѣли этой статьи. Это—*чувство-опредѣленную, эмоціонально окрашенную строй жизни*. Это можетъ быть строй жизни, испытанный уже человѣкомъ, или только замѣченный имъ извнѣ; или, наконецъ,—угадываемый, вообще предназначенный, по ощущенію къ жизни, но ощущаемый въ ея великомъ, смутномъ тѣлѣ—въ намекѣ и необычайно смутно. Когда что-нибудь воспроизводитъ въ умѣ человѣка такой строй жизни, онъ испытываетъ какое-то общее, блѣдное волненіе, увеличивающее въ немъ жажду жизни вообще. Чѣмъ неопредѣленнѣе возникшее представленіе въ такомъ строѣ жизни—тѣмъ волненіе прекраснѣе. Оно можетъ почти достигнуть эмоціональной роскоши сновидѣній, давать чувство жизни, какъ великой сокровищницы возможностей, съ туманными воплощеніями ихъ. То же ощущеніе можетъ дать, напротивъ, очень опредѣленный строй жизни; онъ тоже можетъ быть эмоціонально окрашенъ для человѣка и вызывать видоизмѣненное, но того же рода волненіе, вліяя на общую жажду жизни. Такъ можетъ, напр., ощущаться, на конкретныхъ примѣрахъ, какъ уже указывалось,—строй изящной безопасности жизни, или энергично трудовой жизни съ тихими радостями; жизни въ прекрасной природѣ, гдѣ всѣ проявленія становятся, какъ будто, благородными и отрадно мирными—отъ этой рамы-природы, которая замѣняетъ саму картину.

Того же рода ощущеніе можетъ давать какая-нибудь опредѣленная черта общей жизни: ея ширина, сложность, непрерывная преемственность, словно связывающая индивидуальныя души.

Указанный заглушенный широкій аккордъ души вызывается какимъ-нибудь *реальнымъ намекомъ*, какой-нибудь крупницей жизни, хотя бы и второстепенной объективно для извѣстнаго жизненнаго цѣлаго, но по свойству (по крайней мѣрѣ данной) психики пробуждающей чувство именно всего этого жизненнаго цѣлаго. Такимъ образомъ, съ указаннымъ чувствомъ стоитъ въ связи—

обуславливая его въ нѣкоторыхъ случаяхъ — *воспріятіе отдѣльных частей жизни по несущественнымъ объективно, или по крайней мѣрѣ частичнымъ признакамъ*; это и само по себѣ составляетъ важный психологическій моментъ: опредѣленный признакъ несущественъ въ данномъ жизненномъ цѣломъ, но только по немъ оно является эмоціонально окрашеннымъ для даннаго лица, и онъ вслѣдствіе этого приобретаетъ субъективную центральность для этого лица.

Для дальнѣйшаго раскрытія тонкой правды, живущей въ произведеніяхъ Чехова, нужно отмѣтить важный и интересный моментъ *формальнаго самовидѣнія личности*. Независимо отъ индивидуальныхъ свойствъ личности, ея дѣйствительныхъ силъ и способностей — во всѣхъ сужденіяхъ и реакціяхъ большинства людей присутствуетъ иногда почти неуловимый, почти всегда недоказуемый оттѣнокъ — признанія человѣкомъ своей особенности, единственности, превосходства надъ другими людьми въ чемъ-то общемъ и смутномъ. Самъ для себя онъ утверждаетъ (довольствуясь смутнымъ утвержденіемъ) существованіе въ немъ какой-то интимной, деликатной глубины, гдѣ лежитъ и таится (обнаруживаясь необъяснимо бѣдно) всякая всячина, придающая, въ сущности, по его мнѣнію, если съ любовью и чутьемъ взглянуть, какой-то оттѣнокъ особенности и глубоко-индивидуальной объяснимости всему неудачному и мелкому въ его жизни.

Это любопытное свойство, мѣняющее, конечно, свои размѣры, связано, повидимому, неразложимымъ путемъ съ самимъ понятіемъ личности. Но можно отмѣтить, какъ причину, и нѣчто болѣе, такъ сказать, членораздѣльное: только въ себѣ самомъ, но зато въ себѣ *eo ipso* исчерпывающе, знаетъ человѣкъ всю сложную глубину чувства и настроеній, волшебнo-зубкій аппаратъ мотивовъ, ощущаетъ весь непередаваемый спектръ качественной окрашенности эмоцій. Это и даетъ человѣку иллюзію его единственности, какъ чувствующаго и воспринимающаго существа; поразительности, единственности каждаго *до и послѣ*, и *во время* (чего-нибудь), изъ которыхъ слагается для личности она сама, въ свѣтѣ сложнаго рефлекса.

Въ счастливыя минуты личнаго существованія указанный моментъ переходитъ въ потенціальное состояніе, незамѣтенъ, будучи замѣненъ глубочайшимъ образомъ.

Логика и рефлексъ ведутъ съ нимъ всегда неопредѣленно успѣшную борьбу.

Остановлюсь теперь на человѣческомъ *par excellence* свойствѣ—*эгоизмъ*, чтобы отмѣтить въ этомъ гигантскомъ трузимѣ нѣчто сравнительно неуловимое, родственное моменту только что разобранному. Кромѣ того эгоизма, который у всѣхъ на языкѣ, который превращаетъ иногда человѣка въ глухого и слѣпого рыцаря, съ опущеннымъ забраломъ, есть еще эгоизмъ, который, въ отличіе отъ перваго—*дѣятельнаго*, можно назвать эгоизмомъ *воспринимающимъ*. И въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь, не имѣющемъ отношенія къ удовлетворенію личныхъ желаній, человѣкъ воспринимаетъ все изъ жизненной среды, такъ сказать *sub specie sui* (въ томъ отношеніи, какое она имѣетъ къ нему самому ¹⁾). Всякій рассказъ, воспоминаніе, психологическое наблюденіе, мечта, преимущественно, настолько интересуютъ человѣка, насколько вызываютъ ассоціацію съ чѣмъ-нибудь однороднымъ въ его жизни. И въ высказываніи этого личнаго однороднаго состоитъ его почти единственная реакція, которую онъ самъ считаетъ и естественной. «А я»—такова обыкновенная суть репликъ въ разговорахъ, обсуждающихъ и сообщающихъ нѣчто сравнительно интересное. При чемъ сообщаемое въ отвѣтъ можетъ вовсе не быть эмоционально окрашеннымъ для реагирующаго такимъ образомъ: достаточно одной причастности этого его личности.

Продолжая безъ внутренней связи анализъ психологическихъ моментовъ, пока ничѣмъ необъединенныхъ, разберу теперь природу добровольнаго, свободнаго общенія людей, и именно *безсодержательность этого общенія*. Поскольку не дѣйствуютъ тиски вѣжливости и нѣтъ многообразнаго, блѣднаго красованія, возможность котораго такъ часто гонитъ людей навстрѣчу другъ другу (т.-е. если люди привычны или близки),—цѣлые часы могутъ проходить необъяснимо пустыми: молчаніе прерывается лишь ничтожными, обыкновенно безцѣльно описательными замѣчаніями и краткими, но многозначительными обнаруженіями каждымъ по очереди своего я.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ точнѣе было бы вовсе не употреблять слова *эгоизмъ*, замѣнивъ терминъ *воспринимающій эгоизмъ* хотя бы *самостью*. Это означало бы, что имѣется въ виду первоначальное состояніе сознанія, выражающее самодовлѣющую замкнутость живого организма.

И люди все-таки не расходятся, будто ждутъ чего-то. Или просто имъ такъ легче ощущать свое *я*? Отрицательнымъ условіемъ этой *безсодержательности* общенія является громадное значеніе для человѣка самаго факта общенія съ другими людьми — иначе, при отсутствіи содержанія, оно просто прекращалось бы. Общеніе, каково бы оно ни было по содержанію, замѣняетъ среднему человѣку, порабошенному обществомъ, одиночество, которое онъ переноситъ съ большой трудностью и единственнымъ въ своемъ родѣ недугомъ. Положительными причинами скудности общенія являются трудность непрерывнаго содержательнаго общенія, самого по себѣ; затѣмъ — характерное, въ большинствѣ случаевъ, для средняго человѣка—отсутствіе какой-нибудь темы, интересной до принудительности, темы, которая бы напрашивалась и прорывалась на изысканно огражденную арену совмѣстной мысли.

И еще есть причина скудности привычнаго общенія — *самопоглощенность людей*. Порождая, кромѣ скудности, еще нѣкоторыя другія свойства общенія, она обусловливаетъ большую неравномѣрность взаимнаго вниманія людей, находящихся вмѣстѣ; прерывистость усилій каждаго создать общую атмосферу.

И потомъ—эта самопоглощенность людей дѣлаетъ для нихъ живущей, теплящейся цѣлью въ общеніи — почти только обнаруженія своего *я*. И вотъ — пытаются тянуться, но ежеминутно прерываются, сталкиваясь, эти проявленія своего *я*.

И нейтрализуясь между собой въ своей несогласованности, они приводятъ къ молчанію, и опять къ молчанію, или ничтожнымъ замѣчаніямъ.

Для цѣли этой статьи интересно еще остановиться на неискоренимомъ и довольно безобидномъ свойствѣ (средняго) человѣка, окрашивающемъ жизнь людей незримымъ юморомъ. Я имѣю въ виду то, *какъ говорятъ люди на теоретическія темы* ¹⁾.

Здѣсь наблюдаются двѣ основныя особенности, причудливо мѣняющія свои размѣры: зависимость хода мысли отъ индивидуальныхъ ассоціацій, и неправильное обобщеніе — преувеличеніе частичной истинности сужденій.

¹⁾ Это почти совпадаетъ съ тѣмъ, *какъ думаютъ* люди на теоретическія темы, ибо большинство людей способно къ сколько-нибудь продолжительной отвлеченной мысли — только въ разговорахъ.

Первая особенность приводит къ тому, что понятія, фигурирующие въ разговорѣ,—постепенно или рѣзко,—но почти непрерывно мѣняются и мѣняются незамѣтно для самого разговаривающаго. Въ результатѣ, даже если говоритъ одинъ человѣкъ, высказанное имъ, часто съ истиннымъ жаромъ и проникновеніемъ,—представляетъ собой пеструю, грубую мозаику. Человѣкъ самъ себя увелъ, по незримому склону ассоціацій, далеко отъ того, что онъ съ жаромъ началъ излагать. Еще тоньше юморъ положенія, когда говоритъ не одинъ: хотя бы итти рядомъ, и думаютъ, что идутъ, два ума, въ лучшемъ случаѣ сговорившіеся въ началѣ. Но они неувовимо и безсознательно расходятся, каждый по своему склону ассоціацій. А вѣдь каждый новый періодъ весь, повидимому, предназначенъ отвѣтить на только что оконченную тираду собесѣдника! Вторая особенность—*преувеличеніе доли истины*—придаетъ болѣе наглядный юморъ искреннимъ собесѣдованіямъ искреннихъ людей.

Теперь опять перехожу къ иллюстраціи. Нужно узаконить и эту часть психологическаго анализа, найти отмѣченныя имъ психическіе моменты въ произведеніяхъ Чехова.

Способность совмѣщенія и близкая ей — *обыденность переживанія необыкновенныхъ событій*—отразились не ярко въ произведеніяхъ Чехова. Эта малая типичность для Чехова моментовъ, очень важныхъ самихъ по себѣ, получить полное объясненіе въ дальнѣйшемъ: эти психологическіе моменты предполагаютъ, очевидно, для своей наличности—«необыкновенныя» событія, или прямо—сложные, ярко-индивидуальные процессы въ психикѣ. А въ своемъ мѣстѣ, гдѣ будетъ выводиться общая характеристика Чехова, будетъ указано, что онъ, по основной своей психологической задачѣ, почти совсѣмъ не изображаетъ индивидуальныхъ, неповторяющихся психическихъ процессовъ, и рѣдко беретъ для фабулы необыкновенныя событія жизни человѣка. Поскольку же онъ ихъ беретъ, то именно для того, чтобы показать *обыденность* ихъ переживанія людьми. Иллюстрирую въ возможныхъ размѣрахъ этотъ психологическій моментъ. *Враши*. Описывается состояніе доктора Кириллова, въ первый часъ послѣ смерти сына: какъ онъ ходитъ по комнатамъ, поправляетъ абажуръ, садится къ столу, заглядываетъ на секунду въ раскрытую книгу. Все это, конечно, машинально, но все-таки, значить, все это обыденное возможно. Затѣмъ—весьма тонко отмѣчены легкія измѣненія въ

его отношеніи къ Абоѣину, пока тотъ ждетъ его и ѣдетъ съ нимъ («оживляясь...»): перемѣна въ отношеніи къ обыденному событію, совершенно непричастному случившейся великой бѣдѣ, свидѣтельствуесть о нѣкоторой затронутости этимъ событіемъ, слѣдовательно—*обыденности* переживанія этой бѣды.

Сосѣди. Петру Михайловичу то совершенно невѣроятно, то онъ чувствуетъ себя въ обществѣ убѣжавшей изъ дому Зины и любовника ея Власича такъ же обыденно, какъ до событія.

Три сестры. Просто, почти мирно принимается извѣстіе о дуэли и смерти Тузенбаха: *Ирина* (тихо плачетъ). Я знала... Я знала... (мѣсто, пожалуй, шаржированное).

Иллюстраціей того же момента можетъ служить предложеніе Лаптева Юліи Сергѣевнѣ (*Три года*) и особенно—вся романическая психологія любовницы Лаевского въ «*Дуэли*».

Перехожу къ иллюстраціи момента, очень тонкаго и важнаго для Чехова, придающаго индивидуальную прелесть его реализму.

Чувство опредѣленною, эмоціонально окрашенною строемъ жизни (или какого-либо общаго ея свойства). Домъ съ мезониномъ. Главное содержаніе разсказа въ томъ отрадномъ ощущеніи, которое давалъ эстетическому чувству художника этотъ домъ съ мезониномъ (отсюда названіе разсказа): это—ощущеніе безопасно изящной, уютной, словно законно праздною жизни въ усадьбѣ. (Это ощущеніе прямо высказывается самимъ художникомъ въ одно воскресное утро, когда красивыя дѣвушки вернулись изъ церкви, черезъ садъ, въ свѣтлыхъ платьяхъ). Красивую, благородную Лиду художникъ главнымъ образомъ не любитъ за то, что она мѣшаетъ ему стать законнымъ гостемъ въ этой атмосферѣ; Мисюсъ же онъ почти любитъ за обратное отношеніе къ нему и за олицетвореніе этой атмосферы. *Архіерей.* Архіерей неудержимо свѣтло и чудно радостно вспоминаетъ дѣтство; а вѣдь дѣтство и вспоминается всегда, какъ несравненно окрашенный эмоціонально строй жизни—жизни безконечно безопасной и переполненной смутно неотъемлемыми радостями. Никогда не важно, само по себѣ, вспомнить изъ дѣтства какое-нибудь опредѣленное событіе—это всегда лишь показатель несравненно эмоціонально окрашеннаго, одинъ разъ бывающаго въ жизни строя ея. Воспоминанія дѣтства, вообще, ярче всего иллюстрируютъ разбираемый сейчасъ моментъ; и такъ типиченъ здѣсь моментъ эмоціонально окрашен-

наго строя жизни, что этотъ случай его одинъ неотъемлемо украшаетъ всю литературу.

Потомъ, все убѣгая душой изъ тяготящей монастырской атмосферы, архіерей волнуяще радостно вспоминаетъ свою студенческую жизнь за границей; не факты, а саму жизнь его тамъ—ясную, бодрую, полную хорошаго умственного труда сильной юности. *Студентъ*. У него послѣ разказа объ отрѣченіи апостола Петра, и вызванныхъ этимъ слезъ вдовы, возникаетъ ощущение непрерывности, преемственности вселенской земной жизни, неопредѣленно радостно окрыляющее отдѣльнаго, живущаго одинъ разъ человѣка. Отсюда—его восторгъ. *Поцѣлуй*. Поручикъ Рябовичъ ощущаетъ атмосферу барскаго дома: атмосферу тонкаго комфорта, внѣшней эстетичности и впитавшейся въ кровь выдержки (въ обращеніи съ чужими, скучными людьми). Въ *Ионычъ* и *Крыжовникъ* передается то ощущение, которое овладѣваетъ человѣкомъ — среди тихой, отрадно красивой обстановки человѣческаго жилья, въ минуту праздности. Чувство это у Чехова лишь означено, а не характеризуемо, но оно глубоко существенно для человѣческой психики. Привлекательность обычной рамки жизни (неопредѣленно всей жизни цѣликомъ) намекаетъ очень смутно, и столь же восхитительно, на соответственную привлекательность по содержанію самой этой жизни. Это наполняетъ безсодержательный самъ по себѣ мигъ настоящаго — возможнымъ вообще будущимъ, даетъ ему общее жизненное содержаніе, углубляющее самочувствіе цѣлѣдѣтельнаго существа въ моментъ его бездѣтельности. *Три сестры*. Андрей, въ своей думѣ о радостномъ будущемъ говоритъ о свободѣ отъ кваса, гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда, — ощущая строй монотонности и тусклой праздности жизни.

Сошлось еще на разказы: *Въ родномъ уѣлѣ*, *Случай изъ служебной практики*, *Дуэль* (ощущенія Надежды П., идущей купаться) и др.

Къ освѣщаемой психологической категоріи можно отнести съ ихъ эмоціональной стороны и типичныя для Чеховскихъ дѣйствующихъ лицъ — предвкушенія лучшаго будущаго (о нихъ будетъ еще сказано ниже), — особенно, поскольку эта лучшая прекрасная жизнь не понимается, какъ будущая форма жизни общества, а просто, какъ неопредѣленно желанная жизнь; при чемъ намѣренно обходится вопросъ—существуетъ ли она уже, и

гдѣ именно, а если нѣтъ, то какихъ усилій она требуетъ отъ личности. Примѣры: выше цитированное мѣсто изъ *Учитель словесности* и подобное же мѣсто въ *Три года*. Въ подобныхъ рѣчахъ о лучшей свѣтлой жизни дано безконечно смутное ощущение опредѣленнаго эмоционально-окрашеннаго строя жизни; настолько смутное, что характеризуется онъ только отрицательнымъ образомъ: дано ощущение какой-то свѣтящейся пустоты, образуемой самоочевиднымъ отбрасываніемъ массы отрицательнаго въ настоящемъ.

Воспріятіе жизни по несущественнымъ признакамъ. О любви. Алѣйнину было пріятно исполнять обязанности мирового судьи, потому что послѣ грязной деревенской работы онъ сидѣлъ въ креслѣ, въ чистомъ бѣльѣ и съ цѣпью на груди («это такая роскошь...»).

Три года. Думая о своей испорченной новой жизни, Юлія Сергѣевна радуется, что можетъ быстро ѣздить на собственныхъ лошадяхъ по Москвѣ; это спасаетъ ее отъ отчаянія.

И еще тонкое мѣсто, гдѣ тоскующаго, ревнующаго Лаптева успокаиваетъ здоровая свѣжесть лица отъ мороза и выраженіе дѣтскаго страха въ глазахъ жены, торопившейся на пожаръ.

Моя жизнь. Живя въ деревнѣ, истинной стихіи физическаго труда, о которомъ онъ будто бы мечталъ — Мисаилъ Полозневъ объединяетъ въ одномъ впечатлѣніи грубой дикой силы, отталкивающей его отъ деревни — и оборваннаго мужика съ сохой, и свирѣпаго быка, и все мало-мальски крупное и сердитое: барана, цѣпную собаку и т. п.

Сосѣди. Петру Михайловичу помогаетъ ощутить всю важность побѣга сестры то, что она живетъ теперь въ домѣ, гдѣ онъ видитъ оцѣпенѣлую горничную, столъ на шести ногахъ, и знаетъ что когда-то здѣсь засѣкли до смерти человѣка.

Три сестры. Въ моментъ отчаянія Ирина восклицаетъ — что она забываетъ языки, не помнитъ уже какъ по-итальянски «окно».

Ссылаюсь еще на рассказы: *Юнычъ* (его отношеніе къ Котику) *Анна на шепъ*, *Учитель словесности*, *По дѣламъ службы*, *Дуэль* (очень тонкій штрихъ: галстукъ, повязанный Лаевскому его любовницей, наполнилъ ее сожалѣніемъ и нѣжностью къ нему).

Формальное самовидѣніе личности.

Естественно, что этотъ моментъ отразится въ тѣхъ разсказахъ,

которые ведутся отъ лица я; въ такихъ, гдѣ вообще есть лицо, являющееся воспринимающимъ и чувствующимъ центромъ изображаемой жизни. Въ усиленномъ видѣ онъ будетъ данъ въ томъ типѣ людей, къ какому принадлежатъ главныя лица чеховскихъ произведеній: въ людяхъ со среднимъ умомъ, слабой волей и повышеннымъ чувствомъ (эстетически окрашеннымъ).

Домъ съ мезониномъ. Праздный художникъ судить свысока о сестрѣ Мисюсъ, Лиди — энергичной, полезной работницѣ въ уѣздѣ; немного педантъ и самодовольной («по вечерамъ она громко и долго говоритъ о земскихъ дѣлахъ»), но несомнѣнно стоящей выше его, съ извѣстной точки зрѣнія. Тотъ же моментъ, выражающійся въ какой-то внутренней правдоподобности голословныхъ, преувеличенныхъ обвиненій зауряднымъ человѣкомъ, окружающихъ его людей — иллюстрируется рассказами *Моя жизнь*, *Ионычъ*, *Въ родномъ улу*, *По дѣламъ службы*, *Учитель словесности*. Въ самомъ чистомъ и яркомъ видѣ моментъ этотъ данъ въ рассказѣ *Жена*. Здѣсь сквозь него почти невозможно разобрать, что я — нелѣпый, нудный, по поступкамъ часто дурной человѣкъ; и то, что о немъ говорятъ другіе (жена, разбухшій Иванъ Ивановичъ) — остается какъ-то неприложимымъ, несоединеннымъ съ тѣмъ, о комъ сказано, и кто живетъ передъ читателемъ отъ своего лица: тонкій и словно неразложимый результатъ иллюстрируемаго психологическаго момента.

Воспринимающій эпизодъ и связанная съ нимъ по проявленіямъ самопоглощенность — какъ она выражается въ общеніи людей.

Главнымъ образомъ *Три сестры*. Сюда относится все общеніе трехъ сестеръ, Вершинина, Тузенбаха, Кулыгина и Чебутыкина. Выражено настолько ярко, что я ограничиваюсь простой ссылкой. *Дядя Ваня*. Общеніе дяди Вани и Астрова. *Ивановъ*. Здѣсь присоединяется специфическая почва для самопоглощенности — неврастеническая. *Три года*. Общеніе Ярцева и Лаптева. *Дуэль*. Общеніе доктора и Лаевского. *Моя жизнь*. Общеніе медика Благово и я.

Бесодержательность общенія Опять прежде всего *Три сестры* — главнымъ образомъ 1-ое и 2-ое дѣйствія. *Моя жизнь*. Поразительной бесодержательностью общенія отмѣчены недолгіе мѣсяцы жизни Полознева и Должиковой послѣ свадьбы (прямое доказательство — въ описаніи того вечера, когда они рассматриваютъ модныя картинки).

Домъ съ мезониномъ. Художникъ, придя въ гости, садился на ступенькахъ балкона; Мисюсъ иногда продолжала читать; подолгу молчали; приходила заспанная мама; говорили о Лидѣ, играли въ крокетъ, пили чай. *Три года.* Общеніе Лаптева и Панаурова («цѣлый вечеръ могли молчать»); также Юліи Сергѣевны, Ярцева и Кости.

Какъ говорятъ (и думаютъ) люди на теоретическія темы. Иллюстрируютъ: *Три сестры.* Разговоры Вершинина и Тузенбаха. *Моя жизнь.* Бесѣды Благово и я. *Палата № 6.* Рѣчи Андрея Ефимовича. *Домъ съ мезониномъ.* Споры художника и «земской» Лиды. *Пассажиръ I-ю класса.* Здѣсь это представляетъ единственное содержаніе разсказа. Еще: *Три года.* *Учитель словесности* и др.

Самымъ яркимъ примѣромъ одной изъ двухъ особенностей такихъ разговоровъ — преувеличенія доли истины — можетъ служить *сredo* Астрова въ *Дядя Ваня* — о значеніи лѣсовъ (цѣлое социологическое построеніе на почвѣ правильной агрономической мысли). Также — мысли инженера изъ разсказа *Жена*, когда онъ сравниваетъ себя и столяра Бутыгу ¹⁾.

III.

Теперь отъ общей психологической работы перехожу къ разбору психологіи русскаго человѣка минувшей эпохи; точнѣе — *минующей*: весь укладъ психики не можетъ исчезнуть такъ быстро.

Прежде всего въ этой психологіи *подчеркнуты* въ главной своей части отмѣченныя выше обще-психологическія свойства. Причины этого — *общественныя* и, пожалуй, *этнографическія*. Чтобы не фантазировать съ такимъ богатѣйшимъ, но труднымъ факторомъ, какъ *раса* и *климатъ* — ограничусь слѣдующимъ: болѣе или менѣе несомнѣнной чертой характера славянъ, населяющихъ равнины умѣреннаго климата, являются *пассивность* и *созерцательность* ²⁾ — а это должно отражаться усиливающимъ обра-

¹⁾ Для этой иллюстраціи приходится ограничиться ссылками, такъ какъ логическій разборъ соответственныхъ рѣчей Чеховскихъ героев, нужный для доказательства, взялъ бы, по существу, непростительно много мѣста.

²⁾ Этимъ опредѣляется, быть можетъ, малая способность славянъ къ *искусствостроительству*.

зомъ на второмъ психологическомъ моментѣ (стр. 10), основанномъ на дѣйстви созерцательной и функциональной данностей.

Воздѣйствіе русской общественности въ соотвѣтственномъ отношеніи — яснѣе и обильнѣе. Русская общественная жизнь послѣднихъ десятилѣтій — убогая, смутно-машинальная, полная общихъ отрицательныхъ свойствъ—давала очень мало *объективно яснаго—какъ легко возможныхъ, положительныхъ цѣлей общественнаго человѣка*. Это объективно-ясное дано общественной жизнью запада, и оно не только даетъ привычную опору дѣятельности зауряднаго человѣка, придавая ей спокойную силу, но и постоянно дисциплинируетъ и совершенствуетъ его общественныя эмоціи. У русскаго же обывателя почти отсутствуютъ социальныя навыки; нѣтъ традиціонныхъ атмосферъ высшаго порядка (чѣмъ, напр., такъ богата психика англійская); нѣтъ самоочевиднаго и неустраимаго въ возможномъ и необходимомъ въ социальномъ смыслѣ.

Поэтому отъ русскаго обывателя требовалось больше усилій ума и воли, нуженъ былъ болѣе яркій этическій моментъ, чтобы создать себѣ *положительное субъективно-ясное* въ цѣляхъ и средствахъ. Кроме того, условія русской жизни минувшей эпохи, прямымъ образомъ и до чрезвычайности, увеличивали безсиліе и равнодушіе личности. Отсюда — подчеркнутый моментъ бѣдности и машинальности жизни отдѣльнаго человѣка.

Въ связи съ этимъ (отсутствіе яснаго въ цѣляхъ и средствахъ) и отъ потребности отводить душу въ области задушевныхъ личныхъ ощущеній (главнымъ образомъ—любовныхъ)—такой человѣкъ легче будетъ предпринимать важныя поступки по ничтожнымъ основаніямъ: усиливается первый случай того, что я назвалъ свойствомъ «неэквивалентности» психики.

При общей бѣдности впечатлѣній и смутномъ чувствѣ, что нѣчто очень важное и общее неладно въ его жизни (а именно—ея общія рамки) для русскаго обывателя обыденнѣе неврастенической тонусъ нервовъ; довольно ничтожныхъ толчковъ для сильныхъ измѣненій настроенія (и безтолково-общихъ выводовъ изъ него): усиливается третій, послѣдній случай «неэквивалентности».

Такимъ образомъ въ русскомъ человѣкѣ чеховскаго времени значительно усилена вся группа психологическихъ несоотвѣтствій. Далѣе — этимъ же самымъ усиливается и моментъ бессо-

держательности, скудности общенія людей. При зародышевой общественности и отсутствіи здоровой «ассамблейности»—у русскаго человѣка нѣтъ ни привычки, ни любви коллективно чувствовать. Наоборотъ: русскій человѣкъ до болѣзненности келейно чувствуетъ, любитъ и хорошо знаетъ тайну одинокой эмоціи. И моментъ самопоглощенности въ немъ данъ въ недисциплинированномъ, безцеремонно первичномъ видѣ. А въ то же время—стремленіе къ общенію, независимо отъ содержанія его, въ русскомъ человѣкѣ очень сильно: наряду съ недающеюся, хоть и слабо желаемою, частью сверхличной жизни — и среди какъ-то сразу отцвѣтающихъ осуществленій личной жажды—какимъ-то неутраченнымъ, всю душу питающимъ, хотя и блѣднымъ богатствомъ, кажется—общеніе съ другими людьми.

Въ прямой связи со всѣмъ сказаннымъ, въ русскомъ человѣкѣ неестественно развита страсть говорить и все на общія темы (черта прекрасно и богато отраженная русской литературой): разъ такъ трудна, или скучна дѣятельность, то въ этихъ разговорахъ—и самозащита, и самоудовлетвореніе. И въ этихъ безконечныхъ, пристрастныхъ разговорахъ, косвенно обнаруживающихъ убогость біографіи—конечно должна усиленно отразиться особенность мысли средняго человѣка.

Но имѣется и нѣкоторый специфическій моментъ въ психологіи русскаго человѣка данной эпохи. Можно указать, что *чувство въ немъ развитіе ума* — въ томъ смыслѣ, что въ немъ смутно даны оцѣнки и конструкціи жизни, сознательно не формулированныя. Прежде всего здѣсь дѣйствовала сама отрицательность общественной русской жизни того времени; ничтожная доля свободы проявленія личности, бѣдность и машинальность всего вмѣстѣ—ежеминутно, и съ убѣдительною живой дѣйствительности, говорило, по крайней мѣрѣ, и во всякомъ случаѣ, чувству русскаго человѣка—что вокругъ него все какъ-то не то, и должно бы быть иначе. Но при пассивности и заурядной сознательности личности, путемъ такого тренія съ дѣйствительностью, само по себѣ, развивается только *чувство*.

Къ этому присоединяется еще одинъ моментъ: по всему чело-вѣчеству разлиты, доступные внѣшнимъ образомъ, продукты творческой мысли его лучшихъ членовъ. Ихъ идеи о жизни не воспринимаются адекватно всякимъ, кто узналъ ихъ, но все же они оказываютъ дѣйствіе на эмоціи, усложняя и утончая ихъ,

окрашивая смутно отрицательно окружающую дѣйствительность ¹⁾).

Вслѣдствіе же наглядной отрицательности окружающей дѣйствительности—русскій человѣкъ долженъ былъ особенно жадно воспринимать (какъ сказано, главнымъ образомъ—чувствомъ) эти голоса земного откровенія.

Наконецъ, однородно въ сторону развитія и утонченности *чувства* (съ эстетической окраской)—вліяетъ литература (въ силу тѣхъ же причинъ, особенно жадно воспринимаемая); вліяетъ, какъ своимъ часто туманнымъ и вреднымъ трактованіемъ соответственныхъ вопросовъ, такъ и тѣмъ специфическимъ обаяніемъ, которымъ одѣты всѣ воспроизводимыя въ ней переживанія и жизненные положенія.

Въ результатѣ всего сказаннаго — намѣчается очень смутная, исключительно почти отрицательно опредѣляема *картина лучшей жизни*.

Здѣсь уместно указать нѣчто очень важное для окончательнаго пониманія Чехова. Въ связи съ только что сказаннымъ естественъ особый видъ не то выдающагося, не то убогаго русскаго человѣка: онъ будетъ обладать *тонко развитымъ чувствомъ* (съ подчеркнутымъ *эстетическимъ* отбѣнкомъ ²⁾), обладая въ то же время *умомъ не выше средняю, волей же—ниже средняю*.

Смутно, но чутко, даже преувеличенно тонко, такой человѣкъ будетъ ощущать недостатки окружающей дѣйствительности, прилагая къ ней, главнымъ образомъ, недостаточный эстетическій критерій, слишкомъ скоро и легко отказываясь отъ возможной, или уже начатой дѣятельности. Его слабая воля сдѣлаетъ усилія ума, нужныя для уясненія размѣра и причинъ этихъ недостатковъ, — трудными, да и нежелательными, такъ какъ тогда выяснилась бы, быть можетъ, возможность и долгъ что-нибудь дѣлать. И подхлестываемый своей нервной тонкостью и растущей оскоминой отъ своей, такой не эстетической біографіи — и для оправданія слабости своей воли, такой человѣкъ

¹⁾ Этотъ моментъ составляетъ, какъ мнѣ кажется, характерный трагизмъ жизни современной интеллигентной массы.

²⁾ *Эстетическое созерцаніе*, какъ максимумъ пассивности личности, какъ моментъ добровольнаго, самодовлѣющаго пребыванія ея на периферіи—лучше всего отвѣчаетъ слабости воли такого человѣка, повидимому санкционируя ее.

будетъ, съ одной стороны, неосновательно и преувеличенно осуждать окружающую дѣйствительность (особенно людей); съ другой стороны, отводить душу на картинахъ лучшей жизни, намѣченной для него всей совокупностью его жизни. Отъ неврастенической нервозности въ такомъ типѣ сильно подчеркнуть случай психическихъ несоотвѣтствій, касающийся динамики и конструкціи построений; отъ слабости воли усиливается дѣйствіе созерцательной и функциональной данностей.

Въ чемъ же будетъ слабость и въ чемъ цѣнность указаннаго типа? Кому онъ будетъ уступать и кого превосходить среди остальной массы русскихъ обывателей эпохи 80-хъ годовъ? У него сильна, хоть и смутная оглядка на свою жизнь и ощущеніе ея отрицательности (въ опредѣленномъ отношеніи — и сама она будетъ сильнѣе); на бѣдность и машинальность ея, и на совершенные «неэквивалентно» поступки. У него не можетъ быть убогаго самодовольства ничтожнымъ дѣломъ и труднѣе создается машинально отрицательная дѣятельность. Наконецъ — такой человѣкъ преувеличенно и односторонне, но, въ основаніи своемъ, все-таки правильно, съ зародышемъ совершенствованія вообще, относится къ отрицательному вокругъ себя. Изъ окружающихъ его людей онъ, конечно, будетъ выше безсознательныхъ хищниковъ и гоголевскихъ типовъ разной степени. Но честнымъ и энергичнымъ, немного ограниченнымъ и самодовольнымъ людямъ (поскольку самодовольство создается средней развитостью чувства и ума, и нормальностью воли ¹⁾), люди этого типа будутъ уступать съ общественной точки зрѣнія, не уступая имъ, можетъ быть, съ точки зрѣнія индивидуальной. Они же сами, культивируя чрезмѣрно, изъ самооправданія, свой обезпложивающій тонкій аппаратъ — *чувство жизни*, и тайно возлюбленный эстетическій критерій — будутъ преувеличенно отрицательно относиться къ этимъ людямъ и ощущать свое одностороннее, вредное для общественной жизни превосходство.

Въ людяхъ этого типа будетъ дано, какъ это ясно, специфическое чувство *неудовлетворенности личности*. Тонкое чувство намѣчаетъ, конечно по существу туманно, какую-то, повидимому, богатую задачу жизни. Средній умъ и сознательность, и слабая воля

1) То, что можно, пожадуй, назвать *среднимъ положительнымъ земскимъ типомъ* минувшей эпохи.

мѣшаютъ замѣтить въ этой жизненной задачѣ *частичность* ея (чрезмѣрную эстетичность) *недобросовѣстность* (чрезмѣрно отрицательное отношеніе къ окружающему—для оправданія пассивности даннаго лица), и, наконецъ, ненормальность ея—*отвлеченность*: при слабой волѣ мало было уясняюще осуществленныхъ жизненныхъ возможностей и мало испытана окружающая непосредственно дѣйствительность, какъ среда индивидуальной жизни.

Далѣе — эту смутную жизненную задачу мѣшаютъ осуществлять — неумовимо общимъ, замаскированнымъ путемъ, опять-таки слабая воля и тонкое чувство: они создаютъ готовность воздержанія и заставляютъ предпочитать попыткамъ жизненной ориентировки упражненіе неопредѣленное число разъ своего тонкаго аппарата: смутной эстетической оцѣнкѣ своихъ и чужихъ положеній людей, проходящихъ мимо ландшафта жизни, мелькнувшаго случайно. Они же дѣлаютъ эстетически отталкивающимъ и утомительнымъ каждый моментъ въ процессѣ осуществленія частной задачи, и окрашиваютъ кажущимся ничтожествомъ каждое частное воплощеніе воли, всякій разъ сравнивая его противуестественнымъ образомъ—сразу со всей задачей жизни, такой прекрасной въ своей пребывающей туманности.

Сочетаніе двухъ указанныхъ смутностей — смутности самой «задачи жизни», и смутности, замаскированности полного отказа отъ нея на дѣлѣ — создаетъ въ людяхъ этого типа крайне неопредѣленное и охватывающее, постоянное чувство *неудовлетворенности*. Это поразительно усилить третій видъ психическихъ несоотвѣтствій (динамика и конструкція настроенія), чувство эмоціонально окрашенныхъ строевъ жизни и, наконецъ, — моментъ формального самовыдѣленія личности (и непосредственно усиливаемый тонкостью чувства).

Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на признакахъ той картины лучшей жизни, которая неизмѣнно будетъ дана у такого человѣка, составляя *ultima ratio* его существованія, и своимъ блѣднымъ пятномъ вытѣсняя другое блѣдное пятно—задачу его личной жизни, которая разбиралась только что.

Картина эта — всецѣло смутная, опредѣляемая лишь отрицательно; это съ одной стороны—слѣдствіе зауряднаго ума и блѣднаго этического момента, съ другой стороны — самосохраненія: при большей строгости къ себѣ, можетъ быть нашлись бы силы яснѣе опредѣлить размѣры и содержаніе недостатковъ жизни,

и вмѣстѣ съ жизнеосужденіемъ притти и къ самоосужденію. Далѣе—эта смутная картина касается *всей жизни общества*; это—и слѣдствіе смутности (такъ какъ—неясно качество и размѣръ зла), и санкція своего безсилія (всеобщее, неизбѣжное зло, а не нѣчто, связанное отчасти съ данной личностью). Наконецъ,— *это обновленіе придетъ со временемъ*; здѣсь окончательная санкція своей пассивности: прогрессъ обезпеченъ, завися отъ самого хода времени, а не отъ усилій членовъ общества; тутъ же и санкція своей смутности: существуетъ нѣчто объективно ясное въ вопросѣ о положительной жизни.

Въ этой картинѣ лучшей жизни, при общей смутности, будутъ яснѣе другихъ выдѣляться признаки ея *эстетическаго* достоинства. Здѣсь имѣетъ, прежде всего, значеніе преувеличенная сила, которую вообще имѣетъ въ разбираемомъ типѣ русскаго человѣка эстетическій критерій. Но и далѣе: здѣсь кладетъ свои штрихи вліяніе литературы, о которомъ уже упоминалось. Изображеніе литературой жизни часто глубоко вредно дѣйствуетъ на средняго человѣка: здѣсь дѣйствуетъ одностороннее, въ сторону привлекательности и значительности по содержанію, изображеніе, повидимому, заурядной жизни,—а такъ же то специфическое обаяніе, которымъ одѣты всѣ художественно воспроизведенныя переживанія и положенія. Это вмѣстѣ создаетъ во многихъ иллюзорное и вредное отношеніе къ своей жизни,—какъ къ чему-то не настоящему и безвѣтно неудачному.

При указанной общей смутности, все-таки неизбѣжно будутъ отдѣльныя попытки достигнуть большей ясности въ разбираемомъ отношеніи. Онѣ естественно будутъ, прежде всего, выражаться въ обвиненіи непосредственно окружающей жизни (главнымъ образомъ города, въ которомъ живетъ человѣкъ), но обвиненіи произвольномъ и преувеличенномъ; и, преимущественно, будутъ обвиняться окружающіе люди, такъ какъ вообще легче и нагляднѣе обвинять самихъ людей, а не неопредѣленныя совокупности жизни. Или же эти попытки будутъ теоретичны и, на почвѣ общей смутности и недисциплинированности мысли, будутъ выражаться въ созидаемыхъ *ad hoc* парадоксальныхъ и убогихъ *scredo*, на основаніи которыхъ вкривь и вкось осуждается существующее, не пугаясь быстроты и любой степени общности выводовъ.

Нужно еще выдѣлить—въ чемъ заключается характерное для провинціальной русскаго средняго человѣка? Для этого нужно отмѣтить—чѣмъ отличается столичная жизнь, отчасти и вообще жизнь большихъ центровъ. Она и прямо богаче высшими и соціально-безобидными интересами и легкостью удовлетворять ихъ. Но вѣдь и въ столицѣ можно жить и быть очень мало причастнымъ ея истиннымъ преимуществамъ — что же неустраимо? Рѣдко кто отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ сильно вліяетъ сама столичная *рамка*: ощущение принадлежности къ красивому цѣлому, ощущение звенящаго кругомъ потока неопредѣленно положительныхъ и красивыхъ возможностей. Наконецъ, и болѣе элементарное—непростительно элементарное: физическая и эстетическая прелесть столичныхъ улицъ, освѣщенія, толпы и пр.

Въ столичной жизни есть *представительность, зрѣлищность* въ широкомъ смыслѣ (этотъ незамѣнимый кладъ для пустыхъ, центробѣжныхъ душъ), есть внѣшняя, актуальная общность всѣхъ индивидуальныхъ жизней. Столичнаго жителя — словно кто-то шумно и благообразно на рукахъ несетъ. Въ силу всего этого, у него больше эстетичности и благополучія въ налаженномъ и машинальномъ — здоровѣе обиходно-соціальный тонусъ души. Поэтому въ немъ слабѣе игра настроеній и связанныхъ съ нею несостоятельныхъ выводовъ; рѣже также ретроспективный взглядъ на мащинальность и пустоту собственной жизни. Да и по существу — средняя душа въ столицѣ, *caeteris paribus* будетъ благополучнѣе и сытѣе.

Ничего вышеуказаннаго нѣтъ, и нѣтъ въ некультурной и пустынной, глухой русской провинціи. Трудно вѣдаться съ собою заурядной неврастенической душѣ, безъ ясной схемы жизни и бодрящаго ядра ея—гдѣ-нибудь на крошечной станціи, въ избѣ на ночлегѣ, въ долгомъ пути по сѣвернымъ дорогамъ, въ одиночествѣ пустого дома, захваченнаго тризной осенней ночи...

Для предстоящаго рѣшенія вопроса о мировоззрѣніи и тенденціи Чехова весьма важно теперь же подчеркнуть частичный, неподлежащій сомнѣнію результатъ произведеннаго анализа: во всѣхъ отмѣченныхъ *интеллектуальныхъ* моментахъ основной чертой является ихъ *ложность* и недоброкачественность, какъ таковыхъ. *Таковы оцѣнки жизни, вызываемыя минутнымъ настроеніемъ, характеризующія природу настроенія, а не жизнь,*

къ которой относятся. Таковы убогіе, создаваемые *ad hoc credo*; таковы картины *лучшаго будущаго*, психологическая суть которыхъ только что анализировалась. Возможно ли такіе интеллектуальные элементы принимать за сознательныя высказыванія автора?

Возвратимся въ послѣдній разъ къ иллюстраціи.

Иллюстрація элементовъ, специально присущихъ *русскому* провинціальному обывателю 80—90 годовъ, будетъ коротка, ибо основное въ нихъ—*индивидуально высокая степень* общепсихологическихъ моментовъ. А доказательства этой степени невозможны: она только и могла ощущаться уже въ примѣрахъ изъ произведеній Чехова, иллюстрировавшихъ выше обще-психологическіе моменты. Эта степень еще повышается тѣмъ, что герои Чехова принадлежатъ, какъ сказано, къ опредѣленному типу (умъ средней, воля—ниже средней, чувства тоньше средняго). Въ этомъ отношеніи иллюстрація состояла бы въ показаніи, что герои Чехова дѣйствительно принадлежатъ къ этому типу. Ниже это будетъ показано, при подробномъ разборѣ разсказа (*Моя жизнь*), по отношенію къ герою этого разсказа. Здѣсь я просто укажу, кого изъ дѣйствующихъ лицъ Чехова я считаю принадлежащимъ къ этому типу: Полозневъ (*Моя жизнь*), двѣ сестры и братъ (*Три сестры*), Лаптевъ (*Три года*), художникъ (*Домъ съ мезониномъ*), Вѣра (*Въ родномъ улу*), Овчинниковъ (*Непріятность*), слѣдователь (*По дѣламъ службы*), Алѣхинъ (*О любви*), пожалуй Андрей Ефимовичъ (*Палата № 6*) и т. д.

Иллюстрирую кратко моменты, характерные *по содержанію* для русскаго обывателя 80-хъ годовъ.

Смутныя картины лучшей жизни: главнымъ образомъ *Три сестры*. Рѣчи Вершинина и самихъ сестеръ. Дядя Ваня. Здѣсь (заключительная сцена) такъ сильно страданіе, что Соня говорить о небесной, а не земной жизни; чтобы вынести страданіе, не довольно мысли о томъ, что когда-то, другимъ будетъ хорошо. Астровъ же думаетъ, что онъ своей плохой жизнью кому-то грядущему пробиваетъ дорогу. *Случай изъ практики*. Утѣшеніе докторомъ дочери владѣлицы фабрики.

Частичныя попытки уясненія отрицательности окружающей жизни (огульное осужденіе зауряднымъ человѣкомъ окружающихъ людей и убогія *credo ad hoc*). *Моя жизнь*. Разговоры я съ Бологово и особенно три его тирады съ самимъ собой, гдѣ вы-

воды—что всѣ жители города подлы и пошлы; а *доводы*—плохой водопроводъ города, то что мучать животныхъ, много домашнихъ насѣкомыхъ (sic.) и т. под. *Три сестры*. Тирана Андрея въ послѣднемъ дѣйствіи и слова Вершинина («такихъ, какъ вы, теперь только трое»). *Въ родномъ улу*. Отношеніе Вѣры къ обществу на заводѣ. *Дядя Ваня*. Астровъ со своимъ лѣсомъ, о которомъ уже говорилось. *Непріятность*. Разсужденіе Овчинникова. *Домъ съ мезониномъ*. Очень типичны разговоры я съ Лидой.

Многорѣчивость русскаго человѣка. Типичны: Вершининъ и Тузенбахъ (*Три сестры*), Бологово (*Моя жизнь*), Ярцевъ (*Три года*), Власичъ (*Сосѣди*) и т. д.

Значеніе столичной жизни, какъ положительной рамки индивидуальной жизни. Чеховъ изображаетъ почти исключительно провинціаловъ; въ нихъ, какъ сказано было, еще усиливаются отмѣченные выше психологическіе моменты. Отразился въ его произведеніяхъ и специфическій моментъ: преувеличенныя мечтанія провинціаловъ о столицѣ и при томъ—съ ея внѣшней стороны. *Три сестры*. Въ важную минуту оглядки на свою жизнь, Андрей мечтаетъ о ресторанѣ Тѣстова, о публичныхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ можетъ никого не знать и все-таки быть не одинъ. *По дѣламъ службы*. Мечты Старченко. *Три года*. Мысли о столицѣ Юліи Сергѣевны.

IV.

Теперь весь произведенный въ предшествующемъ психологическій анализъ иллюстрированъ довольно подробно. Осталось еще то, что я считаю *квалифицированной* иллюстраціей и подтвержденіемъ моего толкованія Чехова: такой цѣли могутъ служить тѣ произведенія Чехова, которыя, несмотря на свое, повидимому, случайное, до непонятности индивидуальное содержаніе, — все же получаютъ объясненіе изъ развиваемаго въ этой статьѣ взгляда. Къ нимъ и перехожу. *Ивановъ*. Въ этой пьесѣ дано единственное, по яркости, въ русской литературѣ изображеніе *неврастенника*. Неврастенія же, въ значительной степени, характеризуется патологически усиленнымъ и кристаллизовавшимся третьимъ видомъ психическихъ несоотвѣтствій: склонностью человѣка связывать ирраціонально со своимъ настроеніемъ, все равно какъ созданнымъ, оцѣночные выводы разной степени общности. У неврастенника низкій тонусъ нервовъ, почти

постоянное плохое самочувствіе; а отсюда неизбежные выводы, что онъ личность погибшая, пришедшая въ упадокъ въ опредѣленныхъ (индивидуально-мѣняющихся) отношеніяхъ ¹⁾. *Студентъ*. Требующимъ особаго освѣщенія считаетъ этотъ разсказъ и г. Булгаковъ. Выше я связалъ его съ третьимъ видомъ психическихъ несоотвѣтствій.

Черный монахъ. Ковригинъ—маніакъ величія. А какъ было предположено выше—маніи преслѣдованія и величія основаны на патологически усиленномъ вліяніи настроенія на сужденія человѣка, при отрицательномъ условіи: — большой трудности для человѣка принимать *физиологическія* основанія своихъ настроеній, особенно прочныхъ. (Идіопатологическія причины маній—отдѣльно).

Архіерей. Тема очень индивидуальная: архіерей, заболѣвающій тифомъ. Но это хорошая почва для освѣщенія общепсихологическаго момента—зависимости оцѣнки отъ настроенія: отъ болѣзнаго настроенія мѣняется такая безлично кристаллическая цѣнка жизни, какъ оцѣнка высшаго іеромонаха. *Скучная исторія*. Тема опять очень индивидуальная и, по существу, совершенно однородная темѣ «Архіерея»: крахъ отъ старческаго ма-

1) Я не считаю возможнымъ буквальное пониманіе пьесы: придерживаясь его, нужно принять, что Ивановъ, дѣйствительно, надорвался въ такомъ-то непосильно-широкомъ порывѣ труда на пользу законсѣлаго русскаго общества. Исходъ этой борьбы (полный отказъ Иванова отъ дѣятельности, которой, по его словамъ, онъ страстно предавался) настолько индивидуаленъ—особенно въ области общественной работы, гдѣ нормально, и мучась, и негодую, все же продолжать работу; исходъ этотъ настолько индивидуаленъ, что необходимо ярко освѣтить суть минувшей, «подвижнической» работы Иванова и ея невыносимую тяжесть. Разъ этого не дано,—а въ пьесѣ даны только нѣсколько безсодержательныхъ фразъ, то естественно считать тяжесть и ширину общественного порыва Иванова — величиной *субъективной* характеризующей только его самого, его склонность къ неврастенію, а не его дѣятельность саму по себѣ, ни окружающую среду. «Надорвался»—значитъ на самомъ дѣлѣ—достаточно напрягся, чтобы проявить свою неврастенію и имѣть потомъ возможно подобно обосновать свой „надорывъ“ и свою „гибель“. Типично для Иванова, какъ неврастенника, кромѣ утвержденія своей несуществующей гибели, и его равнодушно-себялюбивое отношеніе къ близкимъ людямъ, могущее доходить до жестокости. Я допускаю, однако, что это психологическое содержаніе пьесы затемнено тѣмъ обстоятельствомъ, что Чеховъ теоретизируетъ въ этомъ раннемъ своемъ произведеніи (какъ и въ „Скучной исторіи“), конструируя даже, можетъ быть, происшедшую въ его личной жизни перемѣну (здоровья?).

разма—прочнаго міровоззрѣнія цѣлой жизни крупной личности. Въ своемъ мѣстѣ я старался показать невозможность объяснить такую тему, внѣ психологическаго анализа, мною даннаго.

Посль театра. Описывается индивидуальное и, повидимому, нестоящее взмаха пера состояніе дѣвушки, освѣщаемое однако однимъ изъ существенныхъ для Чехова вообще психологическихъ моментовъ (динамика настроенія, «вихрики»). *Новая дача.* Въ индивидуальной формѣ—отношеніи мужиковъ и семьи инженера, здѣсь данъ, по моему, психологическій моментъ совершенія важнаго изъ-за ничтожныхъ оснований (въ концѣ разсказа мужики идутъ и думаютъ: изъ-за чего, изъ-за какихъ пустяковъ исчезло то свѣтлое и рѣдкое, что было для нихъ въ Новой дачѣ?) Затѣмъ данъ въ этомъ разсказѣ и моментъ *ощущенія определеннаго, эмоціонально окрашеннаго строя жизни* мужики ярко ощущаютъ дачу инженера, съ ея бѣлоснѣжными лошадьми, хорошенькой дѣвочкой, пони, катаніями и иллюминаціями—какъ міръ благополучной, красивой, беззаботной жизни. *Воры.* См. мысли фельдшера въ концѣ разсказа. *Сильныя ощущенія.* Квалифицированная иллюстрація абераціи оцѣнки.

Въ оврагъ и Мужики. Основной задачей такихъ произведеній, неустрашимой для любого писателя, конечно, будетъ — вѣрное изображеніе специфической, трудной для пониманія среды (крестьянской). Но именно поэтому—поскольку въ нихъ можно найти хоть немного изъ типичнаго, утверждаемаго мною о Чеховѣ—я ихъ считаю квалифицированной иллюстраціей моей точки зрѣнія. Что же въ этихъ разсказахъ типично «Чеховскаго»?

Типична для Чехова—сравнительная психологичность описанія имъ деревенской и мѣщанской среды. И въ этой средѣ, гдѣ отчетливы, специфически интересны и значительны до ужаса, бываютъ, повидимому, только дѣла и слова, и гдѣ бытописатели отмѣчаютъ обыкновенно только значительное и рѣзкое—и въ этой средѣ Чехова интересуется сама стихія души, непрерывно данная во времени, съ ея общими неискоренимыми, безцвѣтно обыденными отвѣтами на каждое слово жизни и природы.

Прежде всего — характерна сама фабула «Мужиковъ». Ольга съ мужемъ пріѣхала въ деревню погостить. Воспріятіе извнѣ чуждаго строя жизни даетъ богатую почву для появленія тонкихъ и смутныхъ ощущеній, почву для воспріятія по несущественнымъ хотя бы признакамъ, но по которымъ однимъ этотъ

чуждый строй эмоционально окрашенъ. Такія смутныя, тонкія ощущенія даны съ самаго начала разсказа (увидавъ кошку, глухую оттого, что ее побили—Ольга понимаетъ сразу, какая здѣсь жизнь).

Итакъ, въ этихъ разсказахъ — прежде всего типичны тонкіе, сравнительно, оттѣнки чувства. Напримѣръ: «Когда провожали Анисима, всѣмъ стало почему-то жаль Липы, молча стоящей тутъ же...» Марья была весела, «такъ какъ чувствовала въ невѣсткѣ близкаго человѣка... У Липы, Прасковьи и Костыля, глядѣвшихъ сверху на поле—(и казалось, что дождь помѣшаетъ уборкѣ)—«было весело, радостно и неспокойно на душѣ»... Маленькія дѣвочки жалѣютъ больно Николая и хотятъ сказать ему «ласковое и жалостное». Нѣкоторые оттѣнки, типично тонкіе, какъ будто даны отъ автора — слишкомъ тонки... Во время пожара было страшно, что въ трактирѣ еще не знаютъ и играютъ на гармоникѣ... «Когда вечеромъ у младшихъ Хрюлиныхъ играли на дорогой гармоникѣ и свѣтила луна — то отъ этого становилось на душѣ тревожно и радостно («вихрикъ») отъ элементарно-психологическихъ причинъ) и Уклеево уже не казалось ямой».

Есть еще мѣста, прямо относящіяся къ сказанному мной въ общепсихологической части; и вполне естественно, что на почвѣ общей бессознательности крестьянской души, здѣсь отразиться можетъ, главнымъ образомъ, моментъ *ощущенія определеннаго, эмоционально окрашеннаго строя жизни*. Такъ, напримѣръ, уѣзжая изъ деревни, Анисимъ (*Въ оврагъ*), видя вдали ярко одѣтыхъ дѣвушекъ, ощущаетъ деревенскую жизнь, какъ привычное, безпечное существованіе.

Въ «Мужикахъ» таковы полу-мысли и чувства стариковъ о молодости, какъ неопредѣленно радостномъ, трогательномъ времени жизни. Сюда же, особенно, относится то отрадное ощущеніе, которое даетъ, въ грѣховномъ туманѣ дома Цыбукина («Въ оврагѣ»), жизнь и отдѣльныя комнаты хозяйки Варвары: эти «синія и красныя лампадки», видныя въ ея окнахъ — символъ безмятежно опрятной, благообразной жизни, которую такъ пріятно чувствовать рядомъ, какъ эмоционально окрашенный строй жизни.

Типичны для Чехова также слѣдующія мѣста:

...Когда пришла весна, глядя на солнце, свѣтлую церковь, Ольгѣ до захвата дыханія захотѣлось уйти — куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта... («вихрикъ»).

Имъ (Ленъ и Прасковъ) показалось, «что и онъ—сила и старше кого-то»... «Чувство безграничной скорби было готово овладѣть ими». Но помогло ощущение какой-то прекрасной правды, и кого-то, на небѣ, стерегущаго всю землю. Здѣсь на почвѣ общей смутности психики крестьянина, дано въ интеллектуальномъ зародышѣ, аналогичномъ съ моментомъ чувства эмоционально окрашеннаго строя жизни,— дано то, что само по себѣ, можетъ получить точную формулировку въ сознаниі.

На основаніи всего сказаннаго я считаю двѣ разобранныя вещи Чехова—квалифицированной иллюстраціей моего общаго взгляда на него, хотя, разумѣется, не игнорирую и ихъ соціальной стороны (см. интересный анализъ этой стороны повѣстей г. Овсяннико-Куликовскимъ въ его статьѣ о Чеховѣ).

Что же въ произведеніяхъ Чехова остается незатронутымъ произведеннымъ мною анализомъ? Изъ крупныхъ вещей три: «Дуэль» «Чайка» и «Палата № 6.» Въ этой послѣдней типично однако: *credo* Андрея Ефимовича, сближающее его съ сумасшедшимъ и дающее косвенно толчокъ къ катастрофѣ: *цѣненіе выше всего умственной общенія* типичное для средняго русскаго человѣка, типична общая слабость его воли и характеръ его рѣчи. Наконецъ, изъ намѣченныхъ выше категорій (а именно, *второй* изъ нихъ)—прямо освѣщается *машинальность* его жизни, ярко отраившаяся на его отношеніи къ больницѣ (собственно говоря—преступное попустительство). Но такъ мастерски изображена патологическая атмосфера души, что нельзя не считать ее главной сущью разсказа; а единственный критерій при этомъ—правдивость изображенія.

Повѣсть «Дуэль», по моему, стоитъ особнякомъ, хотя я уже два раза ее цитировалъ, и центральное лицо, Лаевскій, принадлежитъ, въ главномъ, къ любимому чеховскому типу (слабая воля, средній умъ, развитое чувство). Но исключительно отношеніе къ нему Чехова: опредѣленно отрицательное, совпадающее въ общемъ съ преувеличенно-отрицательнымъ отношеніемъ къ нему зоолога Корвона—этого поразительно *нечеховскаго* лица, которому, однакожъ, авторъ явно сочувствуетъ. И вся задача разсказа совершенно не чеховская: изображеніе значительныхъ событій и связанной съ ними душевной динамики, сложный процессъ перерожденія и обновленія человѣка (Лаевскаго). И мнѣ кажется, что эта какъ разъ сторона недостаточно удачна въ

разказѣ, имѣющемъ хорошія отдѣльныя мѣста и интересно задуманные типы ¹⁾. Неудачную тенденціозность этого произведенія Чехова можно, мнѣ кажется, объединить съ опредѣленной идейностью «Иванова» и «Скучной исторіи»: эта неповторяющаяся в послѣдствіи черта достаточно объяснима тѣмъ фактомъ, что всѣ эти три вещи написаны Чеховымъ въ началѣ новаго основнаго періода его творчества, когда онъ пересталъ быть А. Чехонте.

О разказахъ изъ дѣтской и крестьянской психологіи сказано будетъ ниже, такъ же какъ о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова. Особнякомъ стоитъ небольшая группа разказовъ на исключительные, занимательные сюжеты, гдѣ типична для Чехова лишь форма новеллы (*Безъ названія, Пари, На корабль*, отчасти *Разказъ неизвѣстнаго чловѣка*). Нѣсколько крошечныхъ разказовъ глубоко отрицательнаго отношенія къ людямъ можно охарактеризовать какъ клапанъ откровенно-ирраціональнаго пессимизма (*Маска, Переполохъ, Старость, Торжество побѣдителя*).

Остаются еще разказы, вызванные несомнѣнно Чеховскими чертами юмора и чисто описательнаго таланта, не требующими характеристики. Первый моментъ — юморъ, проходя всѣ степени достоинства, отражался часто въ преувеличенно комичныхъ, фельетонныхъ вещахъ, но онъ же вызвалъ и прелестные, тонкіе разказы *Душенька, Тайный совѣтникъ, Чловѣкъ въ футлярѣ*; и наконецъ рассыпалъ блестящія юмора, далъ побочныя, дѣйствующія лица и породилъ немало шаржей въ общей массѣ произведеній Чехова.

Описательный талантъ выразился въ общемъ фонѣ разказовъ, въ цѣломъ рядѣ второстепенныхъ, иногда прекрасныхъ, персонажей; и, далѣе, характеризуя себя, какъ способность почти неудержимо дѣйствующую, породилъ такія недоумѣнныя миниатюры, какъ *Наканунъ поста, У предводительши* и т. д.

Суть всѣхъ указанныхъ группъ разказовъ—очевидна, и ни въ чьемъ сознаніи она не соединяется съ понятіемъ чеховщины, съ понятіемъ типичнаго, единственнаго въ русской литературѣ писателя. Да и сама категорія ихъ такова (исключая юморъ), что нѣтъ еще и рѣчи о выдающемся талантѣ. Цѣлый же рядъ

¹⁾ Въ общемъ близокъ къ *Дуэли* совсѣмъ слабый разказъ—*Разказъ неизвѣстнаго чловѣка*.

произведеній, единство которыхъ всѣ признають, которыя имѣютъ въ виду, говоря о *чеховщинѣ*, а не о *Чеховѣ* (т. е. становясь на достаточную, для общаго анализа, степень индивидуальнаго вниканія); которыя, наконецъ, фактически на языкѣ, когда говорятъ о данномъ любимцѣ публики, — всѣ эти произведения я считаю полно освѣщенными произведеннымъ психологическимъ анализомъ.

V.

Ко всей произведенной иллюстраціи нужно сдѣлать два замѣчанія для ея правильной оцѣнки.

Нѣкоторые изъ психологическихъ моментовъ, разобранныхъ мною *отдѣльно* — въ жизни и произведеніяхъ Чехова объединяются, образуя содержаніе одного жизненнаго мгновенія. Такъ напр., естественно сливаются ощущеніе челоѣкомъ скудности и машинальности своей жизни съ третьей психологической категоріей (при чемъ настроеніе будетъ грустное), съ абераціей оцѣнки окружающихъ людей, и, наконецъ, съ чувствомъ эмоціонально окрашеннаго строя жизни (въ частности—картиной лучшаго будущаго). Примѣръ такого психологическаго комплекса дають напр. *Три сестры* (монологъ Андрея въ 3-мъ дѣйствіи), *Учитель словесности* (душевное состояніе учителя послѣ проигрыша 12 рублей въ клубѣ), и многое другое.

Возможность, и даже неизбѣжность такихъ комбинацій и есть причина того, что я иногда приводилъ выше, въ качествѣ иллюстраціи разныхъ психологическихъ моментовъ, повидимому, одно и то же мѣсто изъ Чехова. Иллюстрація прямо уже такихъ комбинацій, до извѣстной степени, уменьшила бы неизбѣжную, оговоренную уже сухость иллюстраціи. Но разъ замѣнить ее она не можетъ (не всѣ категоріи комбинируемы указаннымъ образомъ), то это значительно удлиннило бы статью.

Второе замѣчаніе состоитъ въ томъ, что, отмѣчая въ произведеніяхъ Чехова, какъ основное ихъ содержаніе, — опредѣленный рядъ психологическихъ моментовъ, я конечно не отрицаю существованія въ нихъ и *соціальной* стороны. Главныя дѣйствующія лица Чехова принадлежатъ, въ большинствѣ случаевъ, къ интеллигенціи (т. е. къ неопредѣленно широкому классу). Съ этимъ соціальнымъ моментомъ связана основа ихъ индивидуальности (воля ниже средняго, чувство выше средняго) и

кромѣ того, и сама по себѣ, — индивидуально высокая степень разобранныхъ и иллюстрированныхъ психологическихъ моментовъ. Но эта социальная почва, поскольку говорить о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ Чехова, въ общемъ, для него только средство, въ томъ смыслѣ, что онъ беретъ самый общій результатъ ея — усиленіе общепсихологическихъ свойствъ, изображеніе которыхъ, какъ таковыхъ, составляетъ основную цѣль его. Онъ не изображаетъ возможнаго индивидуальнаго дѣйствія этой среды, заключающагося въ пополненіи общепсихического элемента специальными психологическими проблемами и оттѣнками, типично возможными именно въ этой средѣ (и въ ея внутреннихъ подраздѣленіяхъ).

Это свое значеніе получаетъ социальная среда у Чехова обыкновенно лишь по отношенію къ второстепеннымъ лицамъ его главныхъ произведеній, и въ мелкихъ вещахъ — и то съ преобладаніемъ внѣшняго бытописанія (описательный талантъ Чехова).

Исключенія изъ указанной только что роли социальной среды у Чехова составляютъ, разумѣется, *Мужики*, *Въ оврагъ*; кромѣ того *Скучная исторія* (прекрасная характеристика психики ученаго), *Архіерей* (тонкая обрисовка высокаго іеромонаха, сравнительная индивидуальность котораго въ почти полномъ отсутствіи личныхъ чувствъ), *Три года*, *Бабые царство* (слегка намѣченная психологія купечества), *Три сестры* (штрихи психологіи военной среды, гдѣ типичное выражается въ общеніи — особая деликатность и мягкость его, воспитанность). Но и здѣсь дана второстепенность социального момента.

VI.

До сихъ поръ я къ пьесамъ Чехова примѣнялъ общепсихологическій методъ; нужно примѣнить еще специальный, болѣе узкій: чѣмъ типичны онѣ именно какъ пьесы? Это тѣмъ нужнѣе, что здѣсь какъ разъ заключенъ моментъ, ставшій очень популярнымъ, создавшій терминъ, любимый публикой, захватанный и стертый какъ пятакъ: вѣдь пьесы Чехова — *пьесы съ настроеніемъ* (*Три сестры* отчасти и *Дядя Ваня*).

Обыкновенный приѣмъ драматическаго искусства состоитъ въ томъ, что передъ зрителемъ центромъ интереса являются по очереди главныя лица пьесы, въ томъ или другомъ значительномъ

ихъ переживаніи. Напротивъ того, у Чехова принципиально не выдѣляется ни одно лицо; всѣ дѣйствующія лица даютъ одну равноправную, однородную группу. И въ органическомъ, безформенно-непрерывномъ общеніи каждый изъ участниковъ ея обнаруживаетъ, въ естественномъ процессѣ, какую-нибудь сторону своего я въ данный моментъ; изъ этихъ выставляемыхъ, такъ сказать, наружу сторонъ, въ зыбкомъ, сцѣпляющемся обнаруженіи, образуется общепсихическая среда, характерная и для всякаго общенія, даннаго въ жизни. Въ то же время, какъ и вообще у Чехова, никакого психологическаго развитія въ дѣйствующихъ лицахъ на сценѣ не происходитъ, нѣтъ яркихъ психологическихъ линій, узловъ, которые раздробили бы указанную смутную психическую среду, дали бы начало какому-нибудь, такъ сказать, кристаллизаціонному процессу.

Въ результатѣ всего этого основнымъ психологическимъ моментомъ, даннымъ на сценѣ, является, до извѣстной степени, общее *настроеніе* (въ частности, у Чехова грустное). Но въ силу тѣхъ же причинъ, и въ зрительѣ почти не возникаетъ никакихъ специальныхъ интересовъ, никакихъ частныхъ психологическихъ проблемъ: его не привлекаетъ логика фактовъ, не возникаетъ сложныхъ, дифференцированныхъ эмоцій; жизненное положеніе и выведенные характеры, по существу, не измѣняются съ первой минуты отдѣльнаго дѣйствія. Въ зрительѣ на первомъ мѣстѣ одно только: отразившись первоначально по тому же закону, какъ и въ дѣйствующихъ лицахъ пьеса, растетъ и окутываетъ его туманно-грустное настроеніе. *Эта элементарная, тѣсная связь зрителя со сценой, по простымъ законамъ психологіи* (вниманіе, психическое воздѣйствіе), *и составляетъ, по моему, суть чеховскихъ пьесъ*; воспріятіе зрителя не содержитъ ничего, чего бы не было въ переживаніяхъ дѣйствующихъ лицъ (но не наоборотъ, конечно); пьеса Чехова *не воспринимается, а заражаетъ*. И всѣ тонкія усилія Московскаго художественнаго театра направлены, какъ мнѣ кажется, на то, чтобы, какъ можно непосредственнѣе и обильнѣе, совершалось переливаніе опредѣленнаго психическаго переживанія—черезъ рампу въ залу.

Слѣдовательно, въ пьесахъ Чехова два неразрывно связанныхъ момента: 1) на сценѣ дано почти одно только настроеніе (общее въ извѣстной мѣрѣ дѣйствующимъ лицамъ); 2) это настроеніе непосредственно переливается въ зрителя. Эти оба момента, и да-

же, какъ ни смѣшно, грустность именно *Чеховскаго* настроенія, и разумѣютъ подъ ходячимъ терминомъ *пьесы съ настроеніемъ*. Въ «Дядѣ Ванѣ» есть и другіе элементы—настолько это и «менѣе типичная» пьеса съ настроеніемъ.)

VII.

Многіе изъ психологическихъ моментовъ, съ которыми имѣла до сихъ поръ дѣло эта статья, гонятъ мысль куда-то въ одну сторону и отъ перебирания ихъ рождается общее отрицательное отношеніе къ душѣ человѣка. Поэтому особенно быстро близится вопросъ, и вообще естественный, конечно: насколько *общихъ* намѣченные психологическіе моменты?

Что, въ предѣлахъ не патологическаго, дѣлаетъ тревожно неровной толпу людей, выдѣляетъ все снова изъ множества—новое, меньшее множество? Самымъ общимъ образомъ это будетъ: развитой аналитическій умъ, связанный съ сознательностью, нормальнымъ рефлексомъ; подчеркнутый этический моментъ; сильныя желанія, сильная воля; способность къ творчеству.

Возрастаніе силы всѣхъ этихъ основныхъ элементовъ въ личности и фактъ наличности творчества имѣютъ, въ той или иной степени, освобождающее значеніе, главнымъ образомъ, по отношенію къ ядру отрицательной части психологизма Чехова—психологическимъ несоотвѣтствіямъ.

Подробно указывать, на чемъ основано это дѣйствіе, отчасти и нѣтъ надобности (по очевидности), а главное—нѣтъ мѣста. Ограничусь слѣдующимъ. Нѣкоторые изъ этихъ моментовъ не характеризуютъ человѣка, въ равной мѣрѣ, во всѣ минуты его существованія; такова способность къ творчеству и сильныя желанія (поскольку дѣло идетъ не о сильномъ темпераментѣ вообще, а отдѣльной, индивидуально сложившейся склонности). Другіе изъ нихъ, наряду съ освобождающимъ, имѣютъ и усиливающее значеніе. Таково отношеніе сильной воли и желаній къ «неэквивалентности» поступковъ; таково отношеніе къ этой же «не эквивалентности» нѣкоторыхъ видовъ творчества (связанныхъ съ яркой впечатлительностью и импульсивностью натуры), и въ извѣстномъ смыслѣ, отношеніе всякаго творчества къ третьему случаю психическихъ несоотвѣтствій (касающемуся динамики и конструкціи настроеній). Наконецъ—развитой этический моментъ пря-

мого дѣйствія на «неэквивалентность» поступковъ не оказываетъ (въ сферѣ *нравственно возможныхъ*, а не *необходимыхъ* поступковъ), а на 2-ой случай психическихъ несоотвѣтствій дѣйствуетъ по признаку сильной воли вообще. Вслѣдствіе всего этого,—точно говоря, истинно освобождающей силой въ разбираемомъ смыслѣ можно считать только *силу анализа и сознательности* (нормального рефлекса). Но необходимо исключить изъ числа освобождающихъ причинъ тѣ изъ разбираемыхъ моментовъ, которые—и не характеризуютъ равно человѣка во всѣ минуты его существованія, и могутъ, наряду съ освобождающимъ, имѣть противоположное значенія. Таковы сильныя желанія и способность къ творчеству. Сильный темпераментъ вообще, тоже слѣдуетъ исключить, т. к. онъ наиболѣе ярко усиливаетъ «неэквивалентность» поступковъ, что косвенно усиливаетъ два остальныхъ вида психическихъ несоотвѣтствій ¹⁾.

Остаются—сильный анализъ и сознательность, сильная воля, и сильная этика. Эти три свойства и являются какъ разъ безспорными признаками положительно выдающагося человѣка въ общественномъ и индивидуальномъ смыслѣ этого слова. Они являются основнымъ содержаніемъ возможнаго вообще прогрессивнаго развитія личности, съ очевиднымъ, чистымъ значеніемъ намѣчаемаго. А слѣдовательно—поскольку точенъ этотъ выводъ, тѣ свойства психики, на которыя они оказываютъ освобождающее дѣйствіе, можно въ общемъ, отнести на долю *средняго человѣка*. Сюда относятся такимъ образомъ и три случая психическихъ несоотвѣтствій, о которыхъ главнымъ образомъ идетъ все время рѣчь по поводу произведеній Чехова. Если говорить съ общепринятой, особенно въ литературной критикѣ, неточностью, можно сказать, слѣдовательно, что эти свойства относятся на долю *человѣка средняго въ оцѣночномъ и статистическомъ смыслѣ*, хотя уже и въ силу только что сказаннаго, эта группа свойствъ менѣе локализованно присуща общей массѣ психикъ.

¹⁾ Это усиленіе основано на томъ, что «неэквивалентно» совершенный важный поступокъ, не давая внутренней полноты жизни, все же заполняетъ и закрѣпляетъ ее фактически, что дѣлаетъ волю инертной и даетъ чувство безразличія ближайшаго будущаго: оно, повидимому, предрѣшено, настоящее пусто, или хуже того, и непонятно разорвано съ прошлымъ. Поэтому *данность* получаетъ громадную силу. А праздность и неудовлетворенность воли—лучшая почва для измѣнчивости настроенія и горемычныхъ выводовъ изъ нихъ.

Но сужденіе о мѣстѣ, которое она занимаетъ въ этой массѣ, еще усложняется большой неопредѣленностью самаго понятія *средній человекъ*. Весьма смутно значеніе, которое обыкновенно придаютъ этому общему термину, много затрудненій въ томъ, какъ различать и связывать *статистическое* и *оцѣночное* значеніе этого термина.

Прежде всего—очевидно, что къ разбираемому объекту (психическія свойства) не приложимо, говоря точно, понятіе статистически средняго, ибо послѣднее, разумѣется, касается количества, а дѣло идетъ о качествахъ; здѣсь возможно лишь понятіе *наибольше распространеннаго вида психикъ*. При чемъ и эта *наибольшая распространенность* будетъ относительной, а не абсолютной, ибо, очевидно, возможно очень много признаковъ, по которымъ создаются отдѣльные виды психикъ, хотя бы и не обширные, каждый въ отдѣльности.

Затѣмъ весьма неясно понятіе *средняго человека* въ *оцѣночномъ* смыслѣ. Самъ терминъ здѣсь негоденъ, потому что врядъ ли теорія оцѣнки можетъ давать *степененія* (терминъ же *средній* подразумѣваетъ, повидимому, *середицу лѣстницы совершенства*). А въ такомъ случаѣ здѣсь дѣло сводится къ тому, чтобы разложить психику на отдѣльные моменты (умъ, воля и т. д.) и каждый брать въ *средней* степени. Но эта величина, сама по себѣ, совершенно неточная, данная только въ неуловимомъ, *жизнейскомъ* чувствѣ.

Вообще же, употребляя разбираемый терминъ въ *оцѣночномъ* смыслѣ, безсознательно принимаютъ за единственный критерій въ этой области специфическое чувство, и въ то же время предполагаютъ совпаденіе *оцѣночнаго* и *статистическаго* вывода.

То, что можетъ соответствовать на дѣлѣ смутному термину *средняго* въ *оцѣночномъ* смыслѣ—это понятіе *нормальной психики*. Этотъ терминъ, съ натяжкой, конечно, можно взять и для обозначенія *наибольше распространеннаго* ¹⁾.

Что касается отношенія *средняго* или *нормальнаго* въ статистическомъ и оцѣночномъ смыслѣ, то много обстоятельствъ мѣшаютъ ихъ совпаденію; это еще ограничиваетъ, слѣдовательно,

¹⁾ Терминъ *нормальный*, какъ извѣстно, имѣетъ еще *органическое*, въ широкомъ смыслѣ, значеніе; при чемъ *нормальное* въ этомъ смыслѣ неопредѣленно родственно понятію *наибольше распространеннаго*.

данный выше выводъ о степени общности «неэквивалентности» психики. Прежде всего *статистически нормальное* есть величина *переменная* (развитіе соціальной психики вообще), и *индивидуальная* (разница культуръ, расъ и національностей). Уже по этому одному не можетъ быть дано совпаденія *нормального* въ двухъ разбираемыхъ смыслахъ, такъ какъ нормальное въ оцѣночномъ смыслѣ должно быть величиной *постоянной*. Съ этимъ связано еще то, что можетъ имѣть неодинаковое, въ обоихъ случаяхъ, значеніе различія психикъ — причастныхъ, и не причастныхъ извѣстному минимуму культуры. Не предполагая этого минимума, статистически нормальное въ отдѣльныхъ случаяхъ неизбѣжно окажется поразительно ниже нормы оцѣночной; а предполагая этотъ минимумъ культуры, статистика, очевидно, перестаетъ быть опредѣленной точкой зрѣнія. — Затѣмъ въ нашемъ вопросѣ специально сомнительно, чтобы можно было говорить одновременно о нормальномъ въ двухъ смыслахъ, ибо дѣло идетъ специально объ отрицательныхъ свойствахъ (случаяхъ психическихъ несоотвѣтствій).

Такимъ образомъ выяснилось, что, употребляя общепринятый и, повидимому, такой законный терминъ *средняю человека*, оперируютъ съ весьма смутнымъ понятіемъ. При этомъ неразрывно сливаются возможное *статистическое* и *оцѣночное* значеніе соответственнаго понятія, безсознательно принимая, что наиболѣе распространенное и есть *среднее* въ оцѣночномъ смыслѣ, а что послѣднее означаетъ—середину лѣстницы совершенствъ.

Изъ сказаннаго я ограничусь слѣдующимъ резюме: 1) терминъ *средняю человека*, какъ смутный и закрѣпляющій ложныя ассоціаціи мысли, надо устранить изъ употребленія, замѣнивъ хотя бы терминами *нормальная* и *наиболѣе распространенная*; 2) «среднее» въ статистическомъ и оцѣночномъ значеніи этого слова—отнюдь не совпадаетъ, а поэтому естественна замѣна одного термина *средній* двумя терминами. Этихъ выводовъ уже достаточно для того, чтобы исчезло общепотребительное понятіе, соответствующее термину *средній человекъ*; 3) разобранные три случая психическихъ несоотвѣтствій обнаруживаютъ, хотя и со сдѣланными оговорками, все же основное тяготѣніе стать свойствами *нормальной* въ статистическомъ отношеніи, т.-е. *сравнительно наиболѣе распространенной психики*.

Однако, признавая, на основаніи сказаннаго, незаконность термина
Вопросы философіи, кн. 79.

мина *средній человекъ*, я сохранию его въ этой литературной статьѣ; тѣмъ болѣе, что пришлось пользоваться имъ въ этой статьѣ уже нѣсколько разъ раньше, чѣмъ я разобралъ сомнительность этого общеупотребительнаго термина.

Таковы въ общемъ факторы, опредѣляющіе степень распространенности «неэквивалентности» психики, составляющей отрицательное ядро отмѣченныхъ выше психическихъ свойствъ. Таковы въ общемъ тѣ ограниченія и неточности, которыя неизбежны при утвержденіи, что ядро это присуще человеку *среднему въ статистическомъ и оцѣночномъ смыслѣ*. Но эти ограниченія и неточности не задѣваютъ того вывода, что часть намѣченныхъ психическихъ свойствъ, остающаяся незатронутой освобождающимъ дѣйствіемъ разобранныхъ четырехъ основныхъ свойствъ психики (сила воли, аналитическаго ума и т. д.), — *присуща психикѣ человека вообще*, въ предѣлахъ не паталогическаго и подлежащаго общему учету: этотъ выводъ не можетъ, разумѣется, измѣниться отъ того — образуетъ ли сфера существованія другихъ свойствъ, подверженныхъ такому ограниченію, правильный, концентрической кругъ внутри этой большой области, или же эта сфера только неопредѣленное ядро ея, съ большими ущербамъ, развѣтвленіями и перерывами.

Я приблизительно опредѣлилъ степень распространенности только для трехъ видовъ психическихъ несоотвѣтствій. Но такъ какъ они образуютъ, какъ мы видѣли, безусловный центръ Чеховскаго психологизма, и особенно требовали такого разбора, вслѣдствіе своей отрицательности, — то теперь я сразу укажу, резюмируя, какія изъ всѣхъ намѣченныхъ выше свойствъ суть, по моему мнѣнію, свойства живой, конкретной психики вообще. Таковы: 1) нѣкоторая, незначительная степень дѣйствій созерцательной и функциональной данности, которая остается всегда, какъ колеблющійся непрерывно плюсъ къ аналитическому свойству личности (2-ой случай псих. несоотвѣт.); 2) способность *совмѣщенія* и частный случай ея — *обыденность переживанія «необыкновенныхъ» событий*; 3) чувство эмоционально окрашеннаго строя жизни; 4) *видоизмѣненный* 3-й случай психическихъ несоотвѣтствій: частныхъ измѣненій настроенія отъ ничтожныхъ толчковъ можетъ не происходить, можетъ не происходить и произвольныхъ оцѣнокъ жизни, иррационально порожденныхъ настроеніемъ (развитой анализъ, сознательность и

не неврастенической тонусъ нервовъ). Но остается зависимость оцѣночныхъ сужденій отъ настроенія въ томъ смыслѣ, что основныя оцѣнки, характерныя глубочайшимъ образомъ для даннаго лица, могутъ проходить въ его сознаніи безсильными призраками, если имъ противорѣчить конкретное настроеніе. Въ данномъ случаѣ человѣкъ не искажаетъ своего міровоззрѣнія минутными факторами, но отъ нихъ зависитъ, чтобы отъ этого міровоззрѣнія остался одинъ интеллектуальный скелетъ и *свое* міровоззрѣніе было равносильно чуждому, въ книгѣ прочитанному, а не запечатлѣнному глубиною души.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Николай Шапиръ.

Философія „московской философско-математической школы“ и ея отношеніе къ интеллектуализму философовъ XVIII вѣка и экономическому матеріализму К. Маркса.

Общественное значеніе книги г. Некрасова: «Московская философско-математическая школа и ея основатели». Связь между философией и математикой.

Основные понятія системы г. Некрасова: многообразіе (комплексъ), функція, многомѣрное пространство, вѣроятность. Общее опредѣленіе знанія, логическое уравненіе и система О. Конта. Система знанія г. Некрасова—классификація въ «многомѣрномъ пространствѣ». Пятое основное понятіе системы г. Некрасова: «мѣрно-свободная воля»; некатегорическая логика.

Приложеніе общей системы знанія г. Некрасова къ частнымъ наукамъ. Общая система знанія. Логическое уравненіе и его обратимость. Детерминизмъ и его свобода отъ идеи «причины». Атомистическій механизмъ Лапласа. Энергетическій детерминизмъ Оствальда. Интеллектуализмъ XVIII вѣка. Экономическій матеріализмъ Маркса. Матеріальныя производительныя силы общества и детальная схема этого понятія.

Приложеніе системы г. Некрасова къ физикѣ, къ биологій, къ соціологій. Основанія внутренней политики по системѣ г. Некрасова. Народное образованіе. Заключение.

Недавно въ русской литературѣ появилась книга: «Московская философско-математическая школа и ея основатели», принадлежащая перу президента математическаго общества при москов-

скомъ университетѣ и попечителя московскаго учебнаго округа, г. П. А. Некрасова ¹⁾).

Предлагая читателю разборъ какого-либо сочиненія, критикъ по закону достаточнаго основанія долженъ прежде всего показать, что разсматриваемый имъ трудъ заслужилъ того, чтобы съ его разборомъ знакомить публику.

Такое достаточное основаніе можетъ быть троякаго рода. Во-первыхъ, разсматриваемый трудъ самъ по себѣ можетъ представлять извѣстную цѣнность; во-вторыхъ, онъ можетъ имѣть положительное или отрицательное общественное значеніе, приобретаемое имъ въ силу существующихъ условій общественной жизни; въ-третьихъ, наконецъ, самая личность автора, міровоззрѣніе которой выясняется въ разсматриваемомъ трудѣ, имѣетъ сама по себѣ или по своему общественному положенію достаточный для читателя интересъ.

Изъ этихъ трехъ родовъ достаточнаго основанія въ данномъ случаѣ несомнѣнно существуетъ налицо послѣдній. Г. Некрасовъ, какъ личность, представляетъ большой общественный интересъ, такъ какъ, будучи попечителемъ московскаго округа, онъ кладетъ рѣшающіе штрихи на всю картину народнаго образованія этого обширнаго района.

Имѣетъ ли мѣсто въ нашемъ случаѣ первый и второй родъ достаточнаго основанія, постараюсь выяснитъ ниже.

Какъ видно изъ самаго заглавія книги, г. Некрасовъ излагаетъ ученіе цѣлой «школы», считая ея основателями: Н. Д. Брашмана, А. Ю. Давидова, Θ. А. Бредихина, Θ. А. Слудскаго, В. Я. Цингера, М. Θ. Хандрикова, Н. В. Бугаева, Н. Н. Алексѣева, А. В. Лѣтникова, С. С. Урусова, К. М. Петерсона, Е. Θ. Сабанина, С. А. Юрьева и П. Л. Чебышева (стр. 6), и ставя себѣ цѣлью «подробно раскрыть и выяснитъ, по мѣрѣ силъ, въ общедоступной формѣ ихъ завѣты и ихъ задачи для будущаго» (стр. 7). Однако изъ его изложенія нельзя выяснитъ, что именно принадлежитъ въ немъ основателямъ «школы», и что лично г. Некрасову, такъ что въ нижеслѣдующемъ я буду называть упоминаемую философскую систему системой г. Некрасова, тѣмъ болѣе что многіе изъ перечисленныхъ выше лицъ уже умерли, и съ ихъ взглядами мы знакомимся такимъ образомъ только на страницахъ разсматриваемой книги.

¹⁾ Статья написана весной 1905 г.

Г. Некрасовъ называетъ излагаемую имъ систему философско-математической, заимствуя изъ математики различные способы, позволяющіе болѣе ясно прецизировать изучаемые вопросы. Эта особенность его труда, какъ и самъ онъ замѣчаетъ (стр. IV), дѣлаетъ его книгу трудно понимаемой для обыкновеннаго читателя. Эта трудность усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ почти не даетъ опредѣлений употребляемыхъ имъ терминовъ, предоставляя читателю самому въ нихъ разбираться. Надо сказать, что нѣкоторые изъ этихъ терминовъ (напр., психомеханика) не употребляются и въ математикѣ. Мнѣ кажется, что читатель, прочтя слово психомеханика, въ большинствѣ случаевъ пойметъ его, какъ названіе вообще точной науки о душевныхъ явленіяхъ. Между тѣмъ авторъ понимаетъ подъ психомеханикой только ту часть душевныхъ явленій, которая имѣетъ общій характеръ непрерывности; всѣ же прочія явленія душевной жизни, не имѣющія этого характера непрерывности, выдѣляются имъ въ особый отдѣлъ знанія—психоаритмологію. Благодаря этому отсутствію ясныхъ опредѣлений и массѣ совершенно новыхъ терминовъ, текстъ книги даже и для знакомаго съ математикой читателя дѣйствительно явится какой-то каблистической абракадаброй. Чтобъ не быть голословнымъ, приведу нѣсколько выдержекъ:

Стр. 32. «Этимъ и обнаруживаются предѣльноаритмологическія свойства этой психофизиологической дѣятельности, когда она кажется непрерывной, какъ бы аналитической».

Стр. 41. «Послѣдовательный мораль-ариетикъ или психоаритмо-механикъ въ своихъ теоретико-познавательныхъ опредѣленіяхъ живо сознаетъ вѣроятность, какъ оцѣнку своихъ возможныхъ колебаній между «да» и «нѣтъ» и вообще какъ мѣру возможности желаемого и ожидаемого; онъ понимаетъ эту оцѣнку какъ необходимую *независимую* координату въ числѣ прочихъ независимыхъ координатъ воображаемой имъ вселенной».

Стр. 48. «Психомеханикъ есть агностикъ, который въ указанномъ выше $n+1$ -мѣрномъ пространствѣ игнорируетъ вѣроятность».

Стр. 51. «Неопозитивисты-кантіанцы разсматриваютъ мотивацию, какъ психомеханическую прямолинейность, живя своимъ сознаниемъ въ области А анализа».

Стр. 135. «И всѣ политическіе и общественные судящіе и рѣшающіе участь лицъ факторы, имѣющіе дѣло съ интеграль-

ными и дифференциальными императивами, не должны руководиться лишь психо-механическимъ учетомъ и должны стремиться психоаритмологически углубить свой интегральный и дифференциальный синтезъ, рѣшающій вопросъ о правильномъ совмѣщеніи мѣрилъ индивидуальнаго, социальнаго и мірового».

Что же заставило автора ступить на путь математической символистики? Онъ по образованію математикъ, и на первый взглядъ этотъ путь можетъ казаться слѣдствіемъ его образованія. Но, взглядываясь въ дѣло глубже, мы неминуемо придемъ къ заключенію, что любая философская система современности неизбѣжно должна носить математическій характеръ. Любой отдѣлъ чело-вѣческаго знанія давно уже утратилъ качественный характеръ и получилъ рѣзко выраженный количественный характеръ. Къ этому количественному характеру стремятся и всѣ методы пріобрѣтенія знаній, не исключая областей психологіи и социологіи. Такимъ образомъ философія далеко отстала бы отъ эмпирическаго знанія, если бы упразднила изъ своего разсмотрѣнія количественные вопросы, такъ что для нея съ этой стороны недостаточно обыкновенныхъ понятій логики, но необходимы еще понятія, созданныя эволюціей математики, каковы на примѣръ, «вѣроятность», «дифференциаль», «интеграль», «функція» и т. п. Съ другой стороны, математика, непрерывно прогрессируя, выдвинула такія дисциплины, какъ теорія вѣроятностей, вариационное исчисленіе, символическое исчисленіе, логическое исчисленіе и теорію многообразій, т.-е. дисциплины, которыя уже готовы соединить въ одну непрерывную систему всѣ возможные умственные процессы, начиная, на примѣръ, процессомъ ариометическаго сложенія и кончая процессомъ нравственнаго вліянія одного чело-вѣка на другого.

Простыя ариометическія дѣйствія развились до понятія о всеобнимающемъ дѣйствиі, до понятія о «функціи» или «функціональной зависимости». Условимся называть словомъ «комплексъ» или «многообразіе» любую часть, произвольно взятую, всего существующаго, — безразлично, будетъ ли это вѣсь какого-либо продукта, получающагося при химической реакціи, сама ли эта наука: химія, или психическое состояніе чело-вѣка, — вообще часть, обладающую нѣсколькими (въ частности однимъ) признаками, вырванную изъ необъятной картины внѣшняго и внутренняго міровъ.

Математикъ недавняго прошлаго могъ сказать относительно двухъ комплексовъ, изъ которыхъ существованіе одного обуславливаетъ существованіе другого: второй комплексъ есть функція перваго, и изъ этихъ словъ мы поняли бы тогда, что оба эти комплекса суть какія-то величины, зависящія одна отъ другой,—напримѣръ, удаленіе лодки отъ точки ея отправленія зависитъ отъ величины протекшаго времени,—а слово функція есть названіе того ариѳметическаго или алгебраическаго дѣйствія, которое нужно произвести съ одной величиной, чтобъ получить другую; въ нашемъ примѣрѣ (если лодка движется равномѣрно) «функція» будетъ простымъ умноженіемъ истекшаго времени на скорость движенія лодки. Это было прежде. Если же теперь математикъ говоритъ, что первый комплексъ есть функція второго, то отсюда далеко еще до ариѳметики или алгебры. Теперь онъ подъ словомъ функція понимаетъ не ариѳметическій, алгебраическій и т. п. процессъ, но вообще какой-либо умственный или даже воображаемый процессъ, при помощи котораго по одному комплексу можно опредѣлить второй; да и самые комплексы не неизбѣжно имѣютъ количественный характеръ, возвысившись такимъ образомъ до того опредѣленія, какое мы дали выше этому слову. Такъ, напримѣръ, французская революція несомнѣнно зависѣла (между прочимъ) отъ количества вырабатываемаго Франціей продукта. Математикъ можетъ сказать: французская революція есть функція количества продукта, выработаннаго страной за такое-то время. Всякому ясно, что такая зависимость имѣется, но въ то же время всякому ясно, что эту функцію мы не выразимъ не только алгебраическими, но и вообще любыми умственными дѣйствіями. Такимъ образомъ функціональная зависимость или идея функціи современной математики покрываетъ собой всевозможныя зависимости комплексовъ другъ отъ друга.

Съ другой стороны, каждый знаетъ, что все человѣческое знаніе представляетъ систему такихъ зависимостей комплексовъ другъ отъ друга или систему функцій въ вышеприведенномъ смыслѣ. То-есть такимъ образомъ теорія міра, или философія, непрерывно сливается въ наше время съ теоріей функцій—отдѣломъ чистой математики, доразвившимся до того, чтобъ поглотить въ себѣ всѣ ея прочіе отдѣлы.

Отсюда, мнѣ кажется, для читателя ясно, что не математиче-

ская спеціальность только, но и само современное положеніе вещей принудили г. Некрасова взять изъ области математики неизбѣжные символы и методы.

Постараемся яснѣ опредѣлить принятія имъ основанія.

Комплексъ или многообразіе г. Некрасовъ понимаетъ въ приведенномъ выше смыслѣ.

То же имѣеть отношеніе и къ идеѣ функціи или функціо-нальной зависимости, такъ что и для г. Некрасова теорія знанія есть теорія функцій, доведенная до своего предѣльнаго развитія.

Та область явленій, которая включаетъ въ себѣ комплексы съ « n » признаками, носить у него названіе n -мѣрнаго пространства. Здѣсь слово «пространство» не употребляется въ геометрическомъ смыслѣ, потому что геометрическое пространство трехъ-мѣрно. Тѣмъ не менѣе назвать «пространствомъ» такое n -мѣрное многообразіе весьма удобно потому, что въ частномъ случаѣ, когда число признаковъ равно тремъ ($n=3$), комплексы этого многообразія могутъ быть условно представлены точками обыкновеннаго геометрическаго пространства. Такъ, напримѣръ, употребляемая характеристика состоянія больного: пульсъ, дыханіе, температура, какъ многообразіе съ тремя признаками, можетъ быть представлена точкой геометрическаго пространства, три разстоянія которой отъ трехъ неподвижныхъ, взаимно перпендикулярныхъ плоскостей будутъ условно представлять каждый изъ трехъ признаковъ упомянутой характеристики. Тогда вся болѣзнь представится нѣкоторой пространственной кривой. Если многообразіе имѣеть два признака, то оно можетъ быть представлено въ двухъ-мѣрномъ пространствѣ. Примѣромъ могутъ служить извѣстныя каждому кривыя температуры больного. Въ нихъ разстояніе точки отъ вертикальной линіи соотвѣтствуетъ протекшему времени, а разстояніе отъ горизонтальной линіи — наблюдаемой въ этотъ моментъ температурѣ. Вся же кривая температуры даетъ намъ графически зависимость температуры отъ времени, т.-е. геометрической видъ этой функціи.

Четвертымъ основнымъ элементомъ въ системѣ г. Некрасова является «вѣроятность». Вѣроятность какого-либо событія есть отношеніе числа благоприятныхъ этому событію шансовъ къ числу всѣхъ возможныхъ. Такъ, напримѣръ, если мы изъ урны, въ которой 2 черныхъ шара и десять бѣлыхъ, хотимъ вынуть

черный шаръ, то мы говоримъ, что вѣроятность событія—выхода черного шара—есть $\frac{2}{12}$. Величина вѣроятности не можетъ превысить единицы. Въ послѣднемъ случаѣ (т.-е. когда вѣроятность равна единицѣ) она становится достовѣрностью. Выходъ черного шара, когда въ урнѣ одни черные шары, достовѣренъ. Вселенная подчиняется закону вѣроятности. Такъ выходъ той или другой стороны при бросаніи монеты имѣетъ вѣроятность равную $\frac{1}{2}$, и дѣйствительно увеличеніе числа бросаній монеты приближаетъ къ единицѣ отношеніе выходовъ той и другой стороны ея, если строеніе монеты однородно. Если же это строеніе неоднородно, то вѣроятность выхода опредѣленной ея стороны не будетъ уже равна $\frac{1}{2}$, но и въ этомъ случаѣ мы можемъ опредѣлить ее опытнымъ путемъ, отыскивая съ желаемой степенью точности предѣлъ, къ которому на практикѣ стремится отношеніе чиселъ выходовъ той и другой стороны монеты. Существуетъ извѣстная задача о нахожденіи величины отношенія окружности круга къ его діаметру (величины π) путемъ бросанія иглы на разлинованный листъ бумаги. Эта задача приведена въ популярной книгѣ Г. Тиссандье: «Научныя развлеченія».

Второе начало термодинамики, охватившее въ настоящее время не только всѣ физическіе, но также и химическіе процессы, повидимому, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ теоріи радиоактивныхъ тѣлъ и вообще матеріи и состоящее въ непрерывномъ ростѣ нѣкоторой величины, называемой энтропией системы, имѣетъ, какъ показалъ Больцманъ въ своей «теоріи газовъ», глубокую внутреннюю связь съ законами вѣроятности. Въ его выводѣ энтропія вполне аналитически выражается нѣкоторой функцией вѣроятности состоянія газа.

Отсюда видно, какое глубокое значеніе въ философіи должна имѣть идея вѣроятности. Между тѣмъ всѣ предшествующія философскія системы почти совершенно игнорировали эту функцію.

Соотвѣтственно вышесказанному мы имѣемъ опредѣленіе знанія: «знать значитъ имѣть всегда возможность по какому-либо данному комплексу опредѣлить какой-либо неизвѣстный комплексъ, совершая съ первымъ комплексомъ извѣстную группу

умственныхъ операций. Эта группа умственныхъ операций называется функцией; мы будемъ означать ее буквой F , такъ что общій видъ любого закона будетъ:

$$\text{Комплексъ } 1\text{-й} = F (\text{комплекса } 2\text{-го}) \dots \dots \dots I)$$

Въ сущности правильнѣе называть мысль, выраженную символически (I), не «закономъ», а просто «логическимъ уравненіемъ» между двумя комплексами, первымъ и вторымъ, потому что современная наука словомъ «законъ» называетъ только такое логическое уравненіе, которое обнимаетъ собой уже довольно значительный кругъ явленій.

Есть мнѣніе, что рано или поздно всѣ или большинство подобныхъ законовъ примутъ математическій видъ ¹⁾, но для нашей цѣли болѣе подробный разборъ этого воззрѣнія не требуется. Если логическое уравненіе принимаетъ этотъ математическій смыслъ, то символъ F просто соотвѣтствуетъ какой-либо системѣ математическихъ дѣйствій.

Всякое логическое уравненіе обладаетъ свойствомъ обратимости, т.е., если мы обладаемъ способомъ F_1 нахождения комп. ₁ по второму комп. ₂ (или ком. ₁ = F_1 [ком. ₂]), всегда существуетъ обратный способъ F_2 , по которому по комп. ₁ мы можемъ опредѣлить ком. ₂ (или ком. ₂ = F_2 [ком. ₁]).

При этомъ нужно помнить, что обращеніе логическаго уравненія почти всегда вводитъ извѣстную неопредѣленность. Такъ, напримѣръ, въ частномъ случаѣ квадратное уравненіе даетъ два отвѣта; а въ болѣе сложныхъ случаяхъ обращенія, когда, напримѣръ, интегрируются дифференціальныя уравненія, могутъ войти совершенно неопредѣленныя функции, которыя для своего опредѣленія нуждаются въ добавочныхъ уравненіяхъ. Но тѣмъ не менѣе вся современная наука признаетъ, что число добавочныхъ уравненій въ дѣйствительности всегда таково, что (въ принципѣ) любой неизвѣстный комплексъ мы можемъ выразить черезъ какой-нибудь изъ извѣстныхъ. Въ этомъ заключается законъ причинности, т.е. законъ того, что всѣ возможные

¹⁾ Его даже высказалъ Кантъ въ „Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft“: „In jeder besonderer Naturlehre nur so viel eigentliche Wissenschaft angetroffen werden könne, als darin Mathematik anzutreffen sei“. (Въ каждомъ отдѣльномъ ученіи о природѣ столько настоящей науки, сколько въ немъ математики.)

комплексы могутъ быть связаны съ извѣстными какимъ-либо логическимъ уравненіемъ.

Съ этой точки зрѣнія знаніе будетъ представляться системой логическихъ уравненій:

$$\left. \begin{array}{l} k_1 = F_1 (k'_1) \\ k_2 = F_2 (k'_2) \\ k_3 = F_3 (k'_3) \\ \dots \dots \dots \\ k_n = F_n (k'_n) \\ \dots \dots \dots \end{array} \right\} \dots \dots \dots II).$$

неопредѣленно продолжаемой, внѣ которой, какъ я уже сказалъ выше, не заключается ни одного возможнаго комплекса, т.-е. въ мірѣ невозможна совершенно безпричинная случайность.

Схема знанія *II* можетъ быть расположена по извѣстной системѣ, и въ этомъ расположеніи въ сущности состоятъ всѣ философскія системы.

Система Конта располагаетъ комплексы схемы *II* по возрастающему числу ихъ признаковъ, т.-е. простѣйшей наукой будетъ область комплексовъ одного признака ($n = 1$, т.-е. арифметика, алгебра), слѣдующей — область комплексовъ двухъ измѣреній (признаковъ) и т. д., восходя до многообразій съ столь большимъ числомъ признаковъ, какова, на примѣръ, область комплексовъ социологій.

Система наукъ Конта является въ настоящее время господствующей, и дѣйствительно на первый взглядъ нѣтъ ничего естественнѣе, какъ расположить области комплексовъ явленій по возрастающему числу признаковъ этихъ комплексовъ.

Но современное движеніе знанія, при которомъ сплошь и рядомъ методы изслѣдованія одной области комплексовъ переносятся съ большимъ успѣхомъ на совершенно чуждую область, показываетъ, что, излагая знаніе по системѣ увеличивающагося числа признаковъ, мы все болѣе и болѣе стали бы повторяться, такъ какъ намъ пришлось бы въ совершенно разныхъ его отдѣлахъ излагать законы одного и того же вида, т.-е. нѣсколько разъ,—и съ развитіемъ знанія все большее число разъ,—повторять теорію одной и той же функціи F_k изъ ряда функцій схемы *II*. Отсюда недалеко уже до желанія расположить логиче-

скія уравненія схеми знанія II по виду тѣхъ функцій (законовъ и методовъ изслѣдованія), которыя обозначены нами въ этой схемѣ буквами $F_1, F_2, F_3 \dots F_n \dots$ *in inf.*

Тогда явится вопросъ, какимъ признакомъ руководствоваться при этой классификаціи функцій; вопросъ несомнѣнно капитальной важности.

За такой рѣшающій признакъ г. Некрасовъ избираетъ «вѣроятность» логическаго уравненія $k_s = F_s (k'_s)$. Поясню это по-дробнѣе.

Въ выводѣ всякаго логическаго уравненія схеми II участвуетъ индукція, т.-е. нѣкоторое конечное (иногда и весьма большое) число наблюдений, подтверждающихъ ея справедливость. Въ силу этого любое изъ уравненій схеми II не будетъ достовѣрно, но только вѣроятно въ пропорціональности числу произведенныхъ наблюдений. Но нѣкоторыя изъ уравненій схеми II , напримѣръ, уравненія теоретической механики, подтверждаются столь большимъ числомъ наблюдений, что можно безъ большой погрѣшности считать ихъ вѣроятность за единицу, т.-е. признать ихъ достовѣрными.

Такимъ образомъ въ системѣ г. Некрасова въ n -мѣрномъ пространствѣ выдѣлится область A такихъ логическихъ уравненій, вѣроятность которыхъ равна единицѣ, т.-е. область, — какъ называетъ авторъ, — «абсолютныхъ или аналитическихъ достовѣрностей» (стр. 45). Логическія уравненія, охватывающія эту область, всѣ будутъ имѣть общее свойство функцій анализа непрерывныхъ измѣненій (стр. 24).

Слѣдующія области расположатся также по убывающей вѣроятности, и функціи, характеризующія логическія уравненія этихъ областей, будутъ уже имѣть прерывный характеръ, т.-е. будутъ функціями «аритмологіи», т.-е. отдѣла математики, занимающагося изученіемъ прерывныхъ измѣненій.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, насколько расположеніе логическихъ уравненій схеми II по «убывающей вѣроятности» будетъ соответствовать въ то же время дѣленію функцій на «непрерывныя и прерывныя», тѣмъ болѣе, что г. Некрасовъ, указывая этотъ методъ, не даетъ его детальнаго развитія, т.-е. не приводитъ конкретныхъ видовъ функцій схеми II .

Во всякомъ случаѣ совпаденіе того и другаго дѣленія требуетъ доказательства, которое въ книгѣ г. Некрасова отсутствуетъ.

Но, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы должны въ то же время сказать, что замѣна Контровой системы классификаціи схемы II какой-либо системой классификаціи, основанной на свойствахъ функций F_1 , F_2 и т. д., заслуживаетъ уваженія, какъ соотвѣтствующая требованію эволюціи науки, уже неудовлетворяющейся классификаціей комплексовъ на основаніи возрастающаго числа ихъ признаковъ.

Взявъ вѣроятность за основной признакъ своей классификаціи, г. Некрасовъ вводитъ въ свою систему волевой коэффициентъ личности, т.-е. дѣлаетъ указаніе на то, что каждый умственный процессъ заключаетъ въ себѣ волевой элементъ, такъ называемую «субъективную вѣроятность». О значеніи волевого коэффициента личности я скажу подробнѣе, когда буду разсматривать приложение г. Некрасовымъ своей системы къ психологіи; теперь же замѣчу только, что дѣйствительно существованіе въ наукѣ спорящихъ между собой теорій доказываетъ, что упоминаемый здѣсь фактъ имѣетъ мѣсто, т.-е. дѣйствительно, если бы люди расположили свои знанія по убывающей субъективной вѣроятности, то системы такихъ знаній были бы весьма различны, и правильность каждой такой системы характеризовалась бы приближеніемъ положенной въ ея основаніе субъективной вѣроятности къ вѣроятности объективной.

Примѣненіе принципа вѣроятности г. Некрасовымъ вводитъ существенное преобразование въ ученіе о функціяхъ логическихъ уравненій относительно ихъ вида, а именно въ ту его часть, которая носитъ названіе логики.

Г. Некрасовъ набрасываетъ схему всеобщей некатегорической логики, частнымъ случаемъ которой является Аристотелевская категорическая логика.

Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу (стр. 38, 39):

«Типичный силлогизмъ абсолютно категорической (аналитической) логики данъ въ слѣдующей схемѣ:

1. *Всѣ люди смертны.*
2. *Сократъ человѣкъ.*
3. *Слѣдовательно, онъ смертенъ».*

«Силлогизмъ же всеобщей или психоаритмологической логики, взятый въ отвлеченіи его отъ моральной оцѣнки и содержащій лишь мѣру возможности факта, свойственнаго обособленному предмету бытія, мы имѣемъ въ слѣдующемъ схематическомъ примѣрѣ:

1. Въ данной странѣ изъ тысячи рожденныхъ дѣтей N лицъ, по достиженіи возраста t лѣтъ, совершаютъ дѣйствіе A (напримѣръ, вступаютъ въ бракъ).

2. Родилось въ этой странѣ дитя, Сократъ.

3. Следовательно, Сократъ можетъ совершить фактъ A по достиженіи возраста t лѣтъ, и вѣроятность этого возможнаго событія опредѣляется N шансами изъ тысячи шансовъ».

«Этотъ сложный силлогизмъ взять еще не во всей его полнотѣ, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ моральная оцѣнка ожиданія факта A , каковой фактъ, пока онъ остается нашей гипотезой, назовемъ тезисомъ силлогизма».

Эта попытка преобразованія категорической логики, имѣющая цѣлью непрерывное соединеніе съ чисто математической теоріей функций, отвѣчаетъ также на одну изъ самыхъ важныхъ потребностей науки.

Новая математика выдвинула такъ называемый способъ приближеній, который былъ неизвѣстенъ древнимъ, занимавшимся категорическими математическими сужденіями. Способъ приближеній—это способъ отвѣта на поставленные вопросы, и именно такого отвѣта, который апіори заключаетъ въ себѣ извѣстную ошибку. Ошибкой современная наука овладѣла, какъ необходимымъ элементомъ познанія, и имѣетъ въ виду не устраненіе ошибки изъ того или иного изслѣдованія, но опредѣленіе ея границъ.

Съ этой стороны математическія сужденія стали также *некатегорическими*. Но подобная *некатегоричность* (введеніе ошибки какъ необходимаго элемента) не имѣетъ еще ничего общаго съ *вѣроятностью* отвѣта, т.-е. съ *некатегоричностью* его въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ г. Некрасовъ. Такъ, напримѣръ, находя приближенную величину π , мы имѣемъ отвѣтъ некатегорическій, но некатегорическій въ первомъ смыслѣ слова.

Если же мы зададимся вопросомъ, будетъ ли, наприм., на тысячномъ мѣстѣ десятичнаго разложенія π стоять цифра 3, то, не производя этого разложенія, мы должны были бы дать отвѣтъ также некатегорическій, но уже во второмъ смыслѣ слова, т.-е. сказать, что вѣроятность нахождения на тысячномъ мѣстѣ разложенія π цифры 3 есть $\frac{1}{10}$.

Вводя въ логику понятіе некатегоричности въ смыслѣ г. Некрасова, мы сближаемъ пробѣлъ между отдѣлами теоріи человѣ-

ческаго мышленія: категорической логикой и математикой до интервала: вѣроятная ошибка—вѣроятность отвѣта.

Этотъ интервалъ не пройденъ все же, но тѣмъ не менѣе читатель видитъ, что перекинуть мостъ между его полюсами уже легче, чѣмъ прямо между категорической логикой и категорической математикой.

Будущее развитіе некатегорической логики и создастъ этотъ мостъ.

Что въ наукѣ существуетъ потребность такого звена, мнѣ кажется, можно видѣть изъ слѣдующаго соображенія. Точное теоретическое познаніе (напр., теоретическая физика) задерживается въ настоящее время въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи безсиліемъ математическаго анализа. Стоитъ припомнить классическую задачу о трехъ точкахъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Чтобъ рѣшить какой-либо вопросъ въ категорически-математическомъ видѣ, а не дѣлать болѣе или менѣе сомнительныхъ допущеній, допущеній, такъ сказать, на глазъ, какъ поступаетъ въ настоящее время большинство теоретическихъ физиковъ, встрѣчая справедливыя жалобы со стороны механиковъ, необходимы такіе методы, которые позволяли бы получать приближенные отвѣты, и именно приближенные не съ точки зрѣнія *величины* функции отвѣта, — такіе методы уже даны математикой, — сколько съ точки зрѣнія *вида* этой функции, какіе методы математикой еще не разработаны. Эти методы давали бы также возможность говорить о *вѣроятномъ* отвѣтѣ.

Читателю не покажется страннымъ, что понятіе вѣроятности можетъ быть распространено на такой безусловно категорическій комплексъ, какъ отвѣтъ на математически сформулированный вопросъ, если онъ припомнитъ, на примѣръ, представленіе идеи детерминизма Лапласовской формулой, откуда свойство категоричности должно быть присуще любому, нематематическому вопросу, становящемуся некатегоричнымъ, благодаря нѣ которому элементу *незнанія*.

Это легко также представить въ конкретномъ примѣрѣ.

Допустимъ, что мы желаемъ на данной страницѣ таблицы логарифмовъ найти стоящія рядомъ въ характеристикѣ четыре цифры 5555, и спрашиваемъ, какова вѣроятность исполненія этого нашего желанія.

Если бы числа характеристикъ были математически случай-

ными (т.-е. не вытекающими изъ развитія одной формулы) цифрами, то читатель зналъ бы, что вѣроятность такого событія довольно мала.

Но вѣроятность *подобно* мала и относительно приведеннаго вопроса о нахожденіи рядомъ цифръ 5555 на данной страницѣ таблицы логарифмовъ, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться эмпирически.

Отсюда видно, что вѣроятность имѣетъ нѣкоторое (конечно этимъ весьма грубымъ примѣромъ еще не выясняемое) отношеніе и къ совершенно доступнымъ нашему полному категорическому знанію явленіямъ, какъ, на примѣръ, въ вопросѣ о числахъ 5555.

Съ этой точки зрѣнія возможно говорить о *вѣроятномъ* отвѣтѣ на математически поставленный вопросъ.

Если бы мы имѣли въ рукахъ намѣчаемый методъ, то могли бы непрерывно переходить отъ любого поставленнаго вопроса къ болѣе и болѣе *категорической* его математической формулировкѣ, т.-е. дали бы строго научную форму тому самому приему, которымъ, какъ искусствомъ, пользуется современная теоретическая наука. Въ этомъ случаѣ мы ввели бы въ изслѣдованіе «незнаніе» какъ необходимый элементъ, подобно тому, какъ методъ приближеній вводитъ «ошибку».

Отсюда видна та роль, которую сыграетъ въ этомъ случаѣ некатегорическая логика, центръ тяжести которой лежитъ такимъ образомъ въ законѣ достаточнаго основанія, совпадающемъ съ принципомъ *наибольшей вѣроятности*.

Нетрудно также видѣть, что при непрерывности перехода математика-логика возможенъ подходъ къ построенію закона исключеннаго третьяго. Именно, если читатель вспомнить доказательство Кёнигсбергера о невозможности болѣе общаго выраженія, чѣмъ комплексное, подчиняющагося основнымъ законамъ количествъ ¹⁾, то, мнѣ кажется, онъ согласится, что это доказательство должно разсматривать, какъ построеніе закона исключеннаго третьяго въ области алгебры. Дѣйствительно, это доказательство есть въ сущности доказательство того, что на алгебраическій вопросъ возможенъ отвѣтъ или дѣйствительный, или мнимый, но не можетъ быть третьяго отвѣта, если соблюдены основные законы количествъ.

¹⁾ См. Ващенко - Захарченко. Алгебраическій анализъ. Кіевъ, 1887 г., стр. 22.

Да простить мнѣ читатель это отступление относительно деталей возможнаго построения некатегорической логики, но я принужденъ былъ его сдѣлать въ виду того, что эта важная мысль осталась совершенно неразвита въ трудѣ г. Некрасова, который въ сущности ограничивается только вышеприведенной схемой некатегорическаго силлогизма.

Между тѣмъ приложеніе принципа вѣроятности къ наукѣ о мышленіи открываетъ намъ широкіе горизонты, давая возможность количественнаго учета относительно такихъ, повидимому, неопредѣленныхъ факторовъ, какъ нравственное ожиданіе, о чемъ г. Некрасовъ долженъ былъ бы говорить подробно въ отдѣлѣ о психологіи, потому что попытки связать теорію нравственнаго ожиданія съ психофизическимъ закономъ Вебера-Фехнера были сдѣланы уже давно, такъ что почва въ этомъ отношеніи не является неподготовленной.

Г. Некрасову тѣмъ болѣе необходимо было подробнѣе разработать вопросъ о нравственномъ ожиданіи, что его система морально биполярнаго пространства является всецѣло покоящейся на этомъ основаніи. Къ сожалѣнію ничего подобнаго мы не находимъ въ его трудѣ.

Принадлежитъ ли такая схема построения логики лично г. Некрасову или заимствована имъ изъ какого-либо другаго источника, къ сожалѣнію, онъ не указываетъ въ разсматриваемой книгѣ.

Насколько я помню такой идеи не содержится въ работахъ Cayley, Ellis'a, Grassmann'a и Boole'a по тому же предмету. Точно также имѣющаяся у меня подъ рукой книжка Dr. E. Schröder'a «Der Operationskreis des Logikkalkuls». (Кругъ дѣйствій логическаго исчисленія) посвящена исключительно категорической логикѣ.

Если эта идея принадлежитъ лично г. Некрасову, то можно только пожелать, чтобъ онъ, какъ лицо съ большой математической подготовкой, не оставлялъ ее общимъ мѣстомъ, а разработалъ детально, написавъ прямо «учебникъ некатегорической логики».

Насколько полны смысла и значенія идеи анализа, вѣроятности и аритмологіи, положенныя г. Некрасовымъ въ основу его философской системы, настолько слабымъ является приложеніе этой системы къ построенію эмпирическихъ наукъ. Раз-

смотримъ этого приложенія я и займусь ниже, предварительно вкратцѣ набросавъ основныя изъ существующихъ системъ: атомистической матеріализмъ (Лапласъ), энергетической детерминизмъ (Оствальдъ), — какъ общія системы, — интеллектуализмъ (матеріалисты XVIII вѣка) и экономизмъ (К. Марксъ), какъ системы социологіи. Въ отношеніи къ этимъ системамъ, по моему мнѣнію, особенно рельефно выступаютъ всѣ качества системы г. Некрасова.

Всякій комплексъ можетъ быть мыслимъ во времени, т.-е. можетъ имѣть признакъ принадлежности къ извѣстному моменту космическаго времени. (Мы будемъ означать космическое время буквой Ξ). Въ системѣ логическихъ уравненій нашего знанія (схема II), пользуясь свойствомъ обратимости логическаго уравненія, мы можемъ произвести такого рода преобразованія, что въ правой части ихъ останется какая-нибудь новая функція, но уже не отъ произвольнаго комплекса, а отъ комплекса, названнаго нами космическимъ временемъ, т.-е. схема II приметъ видъ:

$$\left. \begin{array}{l} k_1 = f_1 (\Xi), \\ k_2 = f_2 (\Xi), \\ k_3 = f_3 (\Xi), \\ \vdots \\ k_n = f_n (\Xi), \\ \dots \\ \text{in inf.} \end{array} \right\} \dots \dots \dots (III),$$

гдѣ f_1, f_2, f_3, \dots суть какія-либо новыя функціи—группы мысленныхъ операций надъ космическимъ временемъ для полученія искомымъ комплексомъ $k_1, k_2, \dots k_n, \dots$

Схему III можно изобразить вкратцѣ, означая всю совокупность комплексомъ k_1, k_2, \dots представляющую вселенную словомъ: Всѣ, а именно

$$\text{Всѣ} = F (\Xi) \dots \dots \dots (IV).$$

Переложенная на слова мысль IV будетъ представлять положеніе, что знаніе стремится къ тому, чтобъ, во-первыхъ, имѣть возможность для каждаго момента космическаго времени (Ξ) предсказать картину міра (все), пользуясь системой мысленныхъ операций (F),—и, во-вторыхъ, что стремленіе къ этому предѣлу не имѣетъ границъ.

Схема IV такимъ образомъ вполне выражаетъ собой идею детерминизма, т.-е. идею того, что все въ мірѣ единообразно можетъ быть опредѣлено, если дано значеніе комплекса, называемаго нами космическимъ временемъ.

Поясню сказанное нѣсколько подробнѣе. Идея схемы знанія IV не изобрѣтена мной. Она, во-первыхъ, представляетъ выраженіе идей Конта о знаніи (и законахъ природы). Во-вторыхъ, она совпадаетъ съ извѣстной формулой знанія Лапласа, если откинуть механической смыслъ Лапласовой формулы. И въ-третьихъ, послѣдніе успѣхи механики, физики и химіи (Кирхгофъ, Максвеллъ, Герцъ, Кюри, Руттерфордъ, Содди, Оствальдъ) не выходили съ одной стороны изъ ея границъ, а съ другой — дали вѣскія основанія тому, чтобъ лишить Лапласову формулу ея механическаго смысла. Эта схема знанія не опредѣляетъ пути, по которому должно итти знаніе (т.-е. не опредѣляетъ метода), но, слѣдовательно, заключаетъ всѣ пути, по которымъ оно двигалось и будетъ двигаться. Такимъ образомъ мы видимъ, что мысль IV значительно не новая. Выразить же логическія уравненія формулами я нашель нужнымъ въ виду того, что, какъ читатель увидить изъ изложеннаго выше, логическія уравненія во многомъ совпадаютъ по своимъ свойствамъ съ чисто математическими уравненіями (напр., обратимостью, исключеніемъ комплексовъ изъ системы логическихъ уравненій и т. под.). Съ другой стороны, математическія отношенія обладаютъ одной драгоценной чертой — неизмѣняемостью смысла. Эта черта отсутствуетъ въ діалектическихъ отношеніяхъ; развитіе знаній развиваетъ и элементарныя идеи, такъ что смыслъ словъ постепенно измѣняется. Можно думать, что и математическимъ идеямъ не чужда эта измѣчивость ¹⁾, но относительно прочихъ идей мы можемъ предположить ихъ постоянными, подобно тому, какъ для счета времени довольствуемся движеніемъ свѣтилъ.

Идеаль (или предѣлъ) знанія, представленный схемой IV, достигается, какъ излагалось выше, человѣчествомъ по частямъ, т.-е. формула IV имѣетъ свойство неограниченнаго дробленія (соотвѣтственно схемамъ II и III).

Такъ, напримѣръ, мы можемъ получить формулу, опредѣляющую положеніе луны на ея орбитѣ для даннаго элемента косми-

¹⁾ Стоить вспомнить пангеометрію и теорію трансцендентныхъ функцій.

ческаго времени, т.-е. изъ формулы IV мы можемъ выдѣлить формулу:

$$\text{положеніе луны} = F_a (\Xi) \dots \dots \dots a).$$

Такое же дробленіе формулы IV должно существовать и для другого произвольнаго и сколь угодно мелкаго явленія, потому что иначе было бы невозможно предсказаніе этого частнаго явленія. Такимъ образомъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ нашего разсужденія — логическому уравненію для произвольно частнаго комплекса.

Какъ формула IV есть предѣльный синтезъ безконечнаго числа логическихъ уравненій, такъ логическое уравненіе I есть соотвѣтствующая частица дробленія формулы IV.

Съ точки зрѣнія схемы IV міръ можетъ быть сравненъ съ механизмомъ, напр., съ часовымъ. Положеніе математически малой точки этого механизма позволяетъ опредѣлить положеніе всѣхъ остальныхъ его точекъ, и, слѣдовательно, все состояніе часовъ, въ частности—время.

Приведу другой примѣръ логическаго уравненія. Зная приростъ населенія, напр., въ Россіи, мы могли бы получить зависимость:

$$\text{число жителей Россіи} = F_b (\Xi) \dots \dots \dots b).$$

По свойству обратимости этого уравненія мы можемъ, наоборотъ, по числу жителей въ Россіи опредѣлить космическое время; вспомнивъ вышеприведенное уравненіе движенія (a) луны и подставивъ въ него время, опредѣленное по (b) въ зависимости отъ числа жителей, получимъ:

$$\text{положеніе луны} = F_c (\text{числа жителей въ Россіи}) \dots \dots c).$$

Подобныя зависимости мыслимы для чего угодно.

Возвращаясь такимъ образомъ къ идеѣ детерминизма, мы открываемъ въ ней еще одно свойство — свободу отъ идеи причины. Съ такой точки зрѣнія: *причина есть только символъ для удобства изслѣдованія.*

На основаніи схемы IV легко представить себѣ основныя идеи вышеупомянутыхъ методовъ міропониманія.

Атомистическій механизмъ (Лапласъ) дѣлитъ формулу IV на двѣ части:

$$\left. \begin{array}{l} \text{движеніе атомовъ вселенной} = F_1 (\Xi), \\ \text{все прочее} = F_2 (\text{движеніе атомовъ}) \end{array} \right\} \dots \dots \dots V.$$

Въ настоящее время мы видимъ, что наука не уложилась въ эти рамки ¹⁾.

Энергетическій детерминизмъ Оствальда дѣлитъ формулу IV на другія части:

$$\left. \begin{array}{l} \text{энергія} = F_1 (\Xi), \\ \text{все прочее} = F_2 (\text{распредѣленія энергіи}) \end{array} \right\} \dots VI).$$

Въ приложеніи къ социологіи ученіе матеріалистовъ XVIII вѣка дѣлило формулу IV на двѣ части слѣдующимъ образомъ:

$$\left. \begin{array}{l} \text{идеи} = F_1 (\Xi), \\ \text{все прочее} = F_2 (\text{идей}). \end{array} \right\} \dots VII,$$

согласно своему основному положенію: *идеи правятъ міромъ*.

Соотвѣтственно этому матеріалисты XVIII вѣка пытались найти законы, которыми опредѣлялось бы въ функціи космическаго времени развитіе идей, т.-е. первую часть формулы VII. На знаменитый законъ трехъ фазисовъ нужно смотрѣть, какъ на одну изъ такихъ попытокъ. Съ нашей точки зрѣнія мы можемъ назвать методъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка интеллектуализмомъ въ социологіи.

Экономическій матеріализмъ былъ реакціей противъ интеллектуалистическаго метода.

Относительно выясненія его схемы можетъ помочь намъ предисловіе «Zur Kritik etc. К. Маркса».

На основаніи его мы можемъ написать ее въ слѣдующей формѣ:

$$\left. \begin{array}{l} \text{Матеріальныя производи-} \\ \text{тельныя силы общества} \end{array} \right\} = F_1 (\Xi), \left. \begin{array}{l} \\ \text{Все остальное} = F_2 (\text{мат. пр. силъ}). \end{array} \right\} \dots VIII.$$

Для опредѣленія базиса этой схемы, т.-е. понятія матеріальныхъ производительныхъ силъ общества можно воспользоваться слѣдующими указаніями ^{2,3,4,5)}.

¹⁾ В. Оствальдъ. Несостоятельность научнаго матеріализма.

²⁾ F. Engels. Der Ursprung der Familie etc. S. VIII. Vorwort zur ersten Aufl. 1884.

³⁾ K. Mark. Das Kapital. Bd. I. Vierter. Abschnitt. 1890.

⁴⁾ I. c. Cap. I. S. 11.

⁵⁾ Франческо Нитти. Народонаселеніе и общественный строй Слб., 1898.

На основаніи ихъ сложное понятіе матеріальныхъ производительныхъ силъ представится слѣдующимъ образомъ.

IX.	Матеріальны производительныя силы, т.-е. то, что опредѣляетъ количество и качество производимыхъ обществомъ продуктовъ и людей.	α — производство продуктовъ.	А — абсолютныя силы, которыми располагаетъ общество.	1) Количество разнаго рода веществъ съ историческими ихъ свойствами, находящихся въ производствѣ.
				2) Количество видовъ энергіи съ историческими ея свойствами, находящихся въ производствѣ.
				3) Абсолютная величина видовъ энергіи, развиваемой людьми съ историческими ихъ свойствами.
IX.	Матеріальны производительныя силы, т.-е. то, что опредѣляетъ количество и качество производимыхъ обществомъ продуктовъ и людей.	α — производство продуктовъ.	В — степень полезнаго дѣйствія абсолютныхъ силъ общества.	1) Орудія, т.-е. механизмы, приводимые въ дѣйствіе человѣческой силой.
				2) Машины, т.-е. механизмы, приводимые въ дѣйствіе силами природы.
				3) Методическія комбинаціи орудій и машинъ — фабрики и производства.
IX.	Матеріальны производительныя силы, т.-е. то, что опредѣляетъ количество и качество производимыхъ обществомъ продуктовъ и людей.	α — производство продуктовъ.	В' — степень полезнаго дѣйствія абсолютнаго прироста.	1) Орудія, т.-е. механизмы, приводимые въ дѣйствіе силой природы.
				2) Машины, т.-е. механизмы, приводимые въ дѣйствіе силами природы.
				3) Методическія комбинаціи орудій и машинъ — фабрики и производства.

Или въ болѣе общихъ чертахъ:

X.	Матер. произв. силы общества.	1) Способность общества производить опредѣленное количество продукта (производство продуктовъ).
		2) Способность общества пользоваться «историческими» свойствами продуктовъ. (Производство знаній) ¹⁾ .
		3) Способность общества къ возобновленію своего состава. (Производство людей).

Всѣ различные методы предсказанія могутъ быть строго раздѣлены на два типа: чисто предсказательные и измѣрительно-

1) См. К. Марксъ. Капиталь. Т. III, стр. 48. Спб., 1896.

предсказательные. Пусть мы имѣемъ логическое уравненіе вида $k_1 = f(t)$, гдѣ t —время, а f —извѣстная группа логическихъ дѣйствій, позволяющая для извѣстныхъ моментовъ времени t предсказывать состояніе комплекса k_1 .

Въ одномъ случаѣ группа f дѣйствій можетъ быть чисто логической (въ частности математической). Такъ, напримѣръ, зная объемъ каменноугольной копи и среднюю ея производительность, мы можемъ для каждаго момента времени предсказать, сколько останется въ ней угля. Это методъ чисто предсказательный. Всѣ, обоснованныя строго математически науки представляютъ по большей части методы этого типа.

Во второмъ случаѣ группа дѣйствій f можетъ состоять, какъ изъ чисто логическихъ операций, такъ и изъ процессовъ наблюденія, заключающихъ въ себѣ измѣреніе. Такъ относительно вышеупомянутой копи, если бы мы знали, что компанія, ей владѣющая, будетъ расширять производство черезъ заранѣе неизвѣстные промежутки времени, то для предсказанія о количествѣ остающагося угля мы должны были бы время отъ времени производить наблюденія выработки. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть составлено на все время разработки желеемое логическое уравненіе $k_1 = f(t)$, гдѣ видъ функціи f былъ бы неизмѣненъ и зависѣлъ бы отъ операций чисто логическихъ. Здѣсь въ функцію f входитъ еще измѣреніе, и это—общій типъ измѣрительно-предсказательнаго метода. Такой типъ наиболѣе господствуетъ въ человѣческомъ знаніи, и это господство возрастаетъ вмѣстѣ съ движеніемъ по Контовой системѣ наукъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Установленіе всякаго новаго закона совершается по методу такого типа.

Зная, что ни геологія, ни географія, ни метеорологія, ни тай-дологія, изъ области которыхъ производство можетъ черпать свою матерію и энергію, не представляютъ чисто предсказательныхъ наукъ, мы можемъ утверждать, что понятіе матеріальныхъ производительныхъ силъ опредѣляется логическимъ уравненіемъ измѣрительно-предсказательнаго типа. Поэтому и экономическій матеріализмъ, имѣя измѣрительно предсказательный базисъ, можетъ быть методомъ только измѣрительно-предсказательнымъ.

Этотъ результатъ мы можемъ обобщить, говоря: *человѣческое знаніе даетъ право утверждать, что всякій методъ социологіи, какъ общій, долженъ быть неизбежно измѣрительно-предсказательнаго*

типа, пока служація ему основаніями отдѣлы знанія сохраняютъ свой измѣрительно-предсказательный типъ.

Между тѣмъ, всѣ утописты, и въ частности г. Некрасовъ, [✓] какъ разъ грѣшатъ противъ этого положенія, пытаясь подводить исторію подъ одну разъ навсегда неизмѣнную схему и забывая, что всѣ эти схемы въ сущности только рабочія гипотезы для удобства уясненія себѣ явленія, и только въ этомъ удобствѣ ихъ оправданіе, такъ какъ съ точки зрѣнія детерминизма совершенно безразлично, какой изъ безконечности комплексовъ мірозданія мы выберемъ за независимое переменное, важно только то, удобно ли его видѣть (измѣрять) и просты ли тѣ функціи, которыми все связывается съ движеніемъ (измѣненіемъ) этого комплекса.

Возвращаемся къ детальному приложенію системы г. Некрасова.

Начинаю съ физики. Здѣсь меня поражаетъ слѣдующее странное обстоятельство. Физика какъ разъ та наука, гдѣ въ настоящее время съ полною строгостью проводится система г. Некрасова. Здѣсь описаніе по отдѣламъ (механика, звукъ, свѣтъ, электричество и проч.) почти вполне замѣнено или частью весьма близко къ тому, чтобы быть замѣненнымъ классификаціей тѣхъ функцій, которыя этимъ отдѣламъ соотвѣтствуютъ. Такъ изъ Максвеллевскихъ уравненій можетъ быть построена теорія электричества, свѣта, и, какъ недавно показалъ Винъ ¹⁾, Ньютоніанская механика, слѣдовательно и теорія звука и упругости. Между тѣмъ г. Некрасовъ проходитъ все это полнѣйшимъ молчаніемъ. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упоминаетъ о физикѣ, высказываетъ прямо ошибочную мысль: «Физическій аритмологизмъ еще возможно подводить подъ механическія нормы, какъ это дѣлаютъ въ теоріи газовъ» (стр. 29). Это уже прямое смѣшеніе комплекса съ его теоріей. Въ физикѣ газъ, представляющійся непрерывнымъ, умышленно представляютъ прерывнымъ (аритмологическимъ, по выраженію г. Некрасова), чтобъ удобнѣе было воспользоваться для его изученія законами вѣроятности, какими при непрерывномъ разсмотрѣннн газа нельзя было бы пользоваться. Эта ошибка г. Некрасова тѣмъ болѣе странна, что предметъ ему близко знакомъ.

¹⁾ W. Wien. Ueber die Möglichkeit einer elektromagnetischen Begründung der Mechanik. Livre jubilaire dédié à H. A. Lorenz. La Haye 1900. Стр. 96.

Химія можетъ быть также близка къ тому, чтобы фактически расположиться по системѣ г. Некрасова, если химикамъ удастся развить электронную теорію матеріи, получившую въ трудахъ Руттерфорда, Содди и др. свое экспериментальное подтвержденіе. Тогда мы имѣли бы снова приведеніе физической непрерывности къ аритмологизму съ цѣлью воспользоваться законами вѣроятности (принципомъ энтропіи), а не наоборотъ, какъ то полагаетъ г. Некрасовъ (1. с.).

Прилагая къ біологіи то, что я говорилъ выше о типахъ методовъ науки, мы не колеблясь должны отнести ее (въ современномъ ея видѣ) къ наукамъ измѣрительно-предсказательнаго типа.

Если знаніе *измѣрительно-предсказательнаго типа* не носитъ въ самомъ себѣ *contradictio in adjecto* (мнѣ кажется никто не сомнѣвается въ отсутствіи такого признака въ біологіи), то критика его возможна только *измѣрительно-предсказательная*.

√ Между тѣмъ такую школьную ошибку противъ этого правила допускаетъ г. Некрасовъ въ приложеніи своей системы къ біологіи (стр. 58, 59, 60, 61, 62). Г. Некрасовъ пытается опровергнуть основныя теоріи современной біологіи чисто логическимъ способомъ, не справляясь съ эмпирикой.

Одно изъ его доказательствъ сомнительности генезиса это связь дифференціала съ его интеграломъ. Интеграль, взятый «до безконечности», часто не имѣетъ свойствъ своего дифференціала. На основаніи этого г. Некрасовъ считаетъ, что справедливое на конечномъ времени можетъ оказаться несправедливымъ въ своемъ интегралѣ, будучи экстраполировано на «безконечность» времени. Можно ли, оставаясь на почвѣ точнаго знанія, такъ произвольно играть словами «весьма большое» время и «безконечность» времени? Г. Некрасову, какъ математику, болѣе чѣмъ кому-либо это не пристало. Нельзя же допустить, что ему неизвѣстно, что геологія и палеонтологія имѣютъ дѣло хотя и съ «весьма большими», но не «безконечными» промежутками времени, относительно которыхъ нельзя допустить, напримѣръ, зависимость *только отъ времени* химическихъ свойствъ вещества одной и той же химической формулы, хотя бы одного изъ бѣлковъ протоплазмы. Такую зависимость мы не отрицаемъ, но даже и для торія и урана она измѣряется миллиардами лѣтъ, а для нерadioактивной матеріи эти промежутки уже несомнѣнно выходятъ за предѣлы палеонтологическихъ періодовъ.

Второе доказательство несостоятельности генезиса—это доказательство невозможности считать *весьма продолжительнымъ* время существованія человѣческаго рода. Это доказательство настолько безцеремонное, что я привожу его цѣликомъ.

«Если принять ту огромную продолжительность существованія человѣческаго рода, которую вычисляють историки-позитивисты, и притомъ допустить происхождение этого рода не отъ одной пары, какъ думаютъ естественники-позитивисты, то средній годовой приростъ человѣческаго населенія пришлось бы принять почти *нулевымъ*, свидѣтельствующимъ либо о черемзѣрной глупости человѣческаго рода по сравненію съ прочими породами, либо (что, конечно, гораздо вѣроятнѣе) о несостоятельности категорическихъ исчисленій позитивистовъ по вопросу о продолжительности существованія на землѣ человѣчества».

Г. Некрасову, какъ изучившему основательно статистику, стыдно игнорировать ея данныя, показывающія съ полной наглядностью, что приростъ населенія не возрастаетъ съ интеллектуальнымъ развитіемъ общества, но часто даже двигается въ обратномъ направленіи. Чтобъ не быть голословнымъ, приведу хотя бы данныя Гефкена и Лонгстафа о движеніи народонаселенія ¹⁾.

Развитіе торговли и увеличеніе народонаселенія на 100 въ продолженіе періода съ 1850 до 1880 г.

Н а ц и и.	Увеличеніе торговли.	Увеличеніе народонаселенія.
Англія	258 на 100	27,4 на 100
Франція	393 »	8,9 »
Бельгія	231 »	23,0 »
Германія	183 »	28,4 »
Италія	170 »	17,9 »
Австро-Венгрія	362 »	23,0 »

Изъ этихъ цифръ читателю видно, что приростъ народонаселенія совершенно лишень *прямой* зависимости отъ интеллектуальнаго состоянія общества и прироста торговли. Особенно малымъ приростомъ за эти тридцать лѣтъ поражаетъ Франція—страна съ наиболѣе увеличившейся торговлей.

¹⁾ Ф. Нитти, I. с. Стр. 330.

И наряду съ существованіемъ въ статистикѣ подобныхъ таблицъ г. Некрасовъ пытается двумя вышеприведенными доказательствами опровергнуть современную позитивную біологію.

Подобную путаницу найдемъ въ посвященныхъ психологіи мѣстахъ книги г. Некрасова. Наряду съ совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ о томъ, что всякій логическій процессъ есть въ то же время процессъ волевой (въ него, какъ звено, входитъ извѣстная субъективная вѣроятность; поэтому въ некатегорической логикѣ долженъ имѣться соотвѣтствующій отдѣлъ о характеристикѣ личности въ логическомъ процессѣ, чтобъ можно было дать общую схему некатегорическаго силлогизма) г. Некрасовъ то говоритъ за детерминизмъ воли (личности), то за ея неопредѣленность, какъ ее называютъ—свободу воли, повторяя извѣстное выраженіе Льва Толстого: «свобода воли есть свобода признавать или отрицать истину» въ своей теоріи «моральной биполярности» n-мѣрнаго пространства. Во всякомъ случаѣ симпатіи г. Некрасова на сторонѣ «неопредѣленности» воли.

Такъ, на стр. 9 г. Некрасовъ говоритъ: «Мышленіе это въ свой чередъ обуславливаетъ ходъ благоразумной рѣчи и благоразумныхъ дѣлъ, а потому ряды словъ и дѣлъ благоразумнаго человѣка *закономѣрны*» (курсивъ нашъ). Такимъ образомъ, разъ закономѣрность поведенія личности допускается, допускается возможность предсказанія этого поведенія—возможность измѣрительно-предсказательной функціи, опредѣляющей это поведеніе, т.-е. воля оказывается настолько же свободной, какъ и вода, вращающая мельничный поставъ; вода свободна его вращать, когда будутъ на лицо необходимыя внѣшнія условія. Такое пониманіе свободы воли есть только допущеніе извѣстнаго временнаго постоянства того феномена, который называется реакціей личности на внѣшнія явленія.

Между тѣмъ на стр. 36—37 г. Некрасовъ пишетъ: «Лапласъ въ своемъ знаменитомъ философскомъ введеніи въ теорію вѣроятностей высказалъ среди глубокихъ разсужденій о связи міровъ физическаго и интеллектуальнаго одно неудачное (?) и притомъ общее опредѣленіе міровыхъ взаимоотношеній, выраженное въ слѣдующей знаменитой фразѣ: «Разумъ, постигшій въ опредѣленное время всѣ силы, одушевляющія природу, взаимныя отношенія всѣхъ существъ, наполняющихъ ее, если бы онъ

сверхъ того былъ достаточно громаденъ, чтобы объять эти данныя анализомъ, заключилъ бы въ одной формулѣ и законы движенія вселенной, и полетъ легчайшей пылинки; для этого высшаго разумѣнія не существовало бы ничего неизвѣстнаго, и какъ будущее, такъ и прошедшее было бы равно открыто предъ его очами. Положеніе это противорѣчитъ автономнымъ проявленіямъ, происходящимъ подъ дѣйствіемъ свободной воли духовно-разумныхъ существъ».

Итакъ, воля, подчиняющаяся *закономѣрности* на стр. 9 для благоразумныхъ поступковъ, т.-е. укладывающаяся въ только что приведенную мысль Лапласа, на стр. 36—37 вновь не укладывается въ это «неудачное» (!) выраженіе (для неблагоразумныхъ поступковъ что ли?) Такое печальное зрѣлище представляетъ философъ тогда, когда не можетъ разобраться въ такомъ сравнительно легкомъ вопросѣ, какъ вопросъ о свободѣ воли, когда онъ смѣшиваетъ *независимость* родившейся въ силу опять-таки извѣстныхъ законовъ личности, независимость, доходящую порой до чисто титанической свободы отъ внѣшнихъ вліяній, съ *свободой, какъ отсутствіемъ определенныхъ законовъ* поведенія такой личности. Чѣмъ выше личность, тѣмъ рѣче ея внутренняя *закономѣрность*, свободная отъ внѣшнихъ вліяній и позволяющая помѣстить себя въ рамкахъ Лапласовой формулы (лучше, конечно, безъ ея атомистическаго смысла), какъ возникшую въ силу извѣстныхъ законовъ *наслѣдственности*.

Уничтоживъ такимъ образомъ однимъ почеркомъ пера Магомета, Спинозу, Шопенгауэра, Лапласа, Конта и Дарвина безъ малѣйшаго признака жалости къ этимъ именамъ, г. Некрасовъ принимается за социологію и политику.

Приведенная мной выше игра г. Некрасова съ процентомъ прироста народонаселенія ложится въ основу доказательства божественнаго происхожденія человѣческаго рода. Я мало знакомъ съ богословской наукой, но не думаю, чтобы богословы стали прибѣгать къ завѣдомо невѣрнымъ доказательствамъ, вродѣ упомянутаго доказательства «безконечности времени» «нулевого процента» при экстраполяціи генезиса человѣческаго рода. Между тѣмъ г. Некрасовъ на стр. 69 повторяетъ: «Исходя изъ очевидности внутренне-эмпирическихъ фактовъ интерполирующаго чистаго сознанія и добросовѣстно (!) экстраполируя въ далекія области прошлаго, мы должны признать основательность болѣе

широкой вѣры, что внутренне-эмпирическія духовныя явленія были всегда, и что они проявлялись, не оставляя по себѣ, какъ и теперь, внѣшнихъ эмпирическихъ слѣдовъ». Справился ли г. Некрасовъ у физиологовъ, что психическая дѣятельность оставляетъ *видимый слѣдъ* ¹⁾? «Поэтому вся антропология, какъ наука, и все ученіе о происхожденіи видовъ, приведенное въ систему на основаніи точной аритмологической теоріи познанія, могутъ въ эмпирическихъ выводахъ, основанныхъ на остаткахъ внѣшнихъ документовъ, быть обсуждаемы лишь некатегорически, при категорическомъ синтетическо-критическомъ (?) религіозномъ признаніи, что высшія разумныя начала самостоятельно существовали *всегда* въ міровой жизни, а затѣмъ сообщены были человѣческому роду въ лицѣ его родоначальниковъ».

Читатель изъ всего изложеннаго выше, надѣюсь, видитъ, на сколько этотъ взглядъ на исторію основанъ на *доказательствѣ*.

На стр. 89 мы получаемъ «этическую классификацію людей:

«1) Истинно мудрые люди, возвысившіеся до критическаго и точно координированнаго истиннаго пониманія авторитетовъ (общихъ и спеціальныхъ)».

«2) Рядовые культурные люди, составляющіе организационный народъ, трудоспособные и съ дѣловыми привычками, выработанными подъ авторитетными вліяніями».

«3) Люди чистаго природнаго невѣдѣнія (агностики) и природнаго неправомочія».

«4) Люди поверхностнаго взгляда, ложныхъ настроеній и ложныхъ началъ».

Далѣе, на стр. 97, г. Некрасовъ заявляетъ: «Въ рационально-построенномъ на началахъ истиннаго гуманизма *государствѣ* *инсоэологическія функции* (функции личныхъ оцѣнокъ и аттестатовъ) должны занимать первое мѣсто, и имѣ должна соответствовать особая власть (полицеймейстеры, городовые, старшіе дворники, или, *horribile dictu*, профессора и ученые?) въ многообразіи прочихъ властей, принадлежащихъ *государству*».

Выяснивъ такимъ образомъ роль государства въ жизни индивидовъ выше приведенной четырехчленной классификаціи, г. Не-

¹⁾ Функционировавшій первый элементъ по внѣшнему виду отличается отъ нефункционировавшаго. См. П. И. Ковалевскій. „Основы механизма душевной дѣятельности“. Харьковъ, 1887. Стр. 57.

красовъ переходить къ вопросу о матеріальныхъ потребностяхъ этихъ индивидовъ.

«Аритмологическая экономія (повидимому это—твореніе г. Некрасова?)¹⁾ строить особыя синтетическія формулы, объединяющія матеріальные интересы человѣка съ интеллектуальными, рассматривая эти формулы въ примѣненіи къ условіямъ не только личной, но и общественной жизни. Стр. 111.

Здѣсь же онъ даетъ формулу: $dY = \frac{k \cdot dX}{X}$, гдѣ Y —цѣнность имѣющагося употребителя матеріальнаго блага, а X —его запасъ, и въ которой мы узнаемъ извѣстный законъ Вебера-Фехнера²⁾ связи между ощущеніемъ и раздраженіемъ, но почему-то не указываетъ источника.

Рѣшительный авторъ считаетъ, что этого взмаха пера достаточно, чтобъ уничтожить трудовую теорію стоимости Карла Маркса и признающее ее русское «Урочное Положеніе», установленное нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ, фактически приводящее стоимость любой вещи къ среднему общественно необходимому для ея воспроизведенія труду и устанавливающее квалификацію этого труда введеніемъ въ расцѣнку *вида* труда.

Три принципа оцѣнки: моральный, умственный (функція оцѣнки относится у г. Некрасова и къ интеллектуальной жизни гражданъ) и экономическій служатъ ему для дальнѣйшаго развитія идеи рациональнаго государства, развиваемой въ слѣдующіе принципы. Затрудняюсь не буквальной ихъ передачей, что прошу мнѣ читателя извинить.

Стр. 159—160. «Первый принципъ: *естественность подвижною гармоническою равновѣсія политическихъ и бытовыхъ функцій и естественность реформъ этихъ функцій*». «Благой (находящійся подъ наблюденіемъ упомянутаго оцѣнивающаго «глаза») — стр. 154—) консерватизмъ свято охраняетъ добрыя старыя привычки и нравы». «Благая» (по оцѣнкѣ того же «глаза») «реформа измѣняетъ плохія привычки къ лучшему».

1) Какъ и почти во всѣхъ мѣстахъ книги нѣтъ ссылки на источникъ этого построенія теоріи цѣнности. Я же лично нигдѣ не встрѣчалъ такой формулы.

2) См. В. Вундтъ. Основанія физиологической психологіи. Москва, 1880. Стр. 350.

Стр. 160—161. «Второй принципъ: *органическая свободосвязность природныхъ и бытовыхъ автономій съ политическими автономіями*».

Стр. 164. «Взаимное довѣріе является необходимымъ условіемъ всякой положительной общественности, но при условіи различенія степеней довѣрія («глазь»!) и аристологическаго комбинированія ихъ». (курсивъ автора).

Стр. 166. «Третій принципъ: *живое сочетаніе уравненій и личныхъ единствъ съ личными неравенствами и различіями и съ большимъ многообразіемъ видовъ природныхъ и бытовыхъ моральныхъ автономій*. Стр. 170. «...обороняя культуру силою полиціи и войска отъ болѣе опасныхъ презрѣнныхъ активныхъ проявленій тьмы и невѣжества, поддерживаемыхъ хитро организованною антисилою...»...

Стр. 170. «Четвертый принципъ: *охрана языка, символовъ и другихъ внешнихъ чертъ соціальной дифференцировки*. Стр. 171. «...всѣ эти формы и знаки частныхъ, общественныхъ и государственныхъ обособленій и отличій имѣютъ большой гносеологическій («глазь»!) и статистическій смыслъ въ правомѣрно организованной жизни культурнаго государства».

Стр. 173. «Пятый принципъ: *примѣненіе статистики и морально статистической развѣдки* (личныя характеристики индивидуумовъ и группъ) *закономѣрностей явленій и расцѣпки къ задачамъ государственной гносеологии* («глазь»), *активной статистической индукціи, соціальной техники и антроподинамики*. Стр. 175. «Каждое (!) государственное и публичное учрежденіе, исполняя на мѣстѣ свои благія спеціальныя функціи въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дифференціальными частями государственнаго организма, можетъ въ то же время служить обсерваторіей (!) для государственнаго статистическаго наблюденія, для точнаго изученія свойствъ и потребностей этихъ дифференціальныхъ частей». Что въ этихъ словахъ кроется мораль-техническое значеніе можно видѣть изъ словъ г. Некрасова на предыдущей страницѣ: «...зоркость... «глаза»... зависитъ отъ миражей (мистификацій), возбуждаемыхъ «преломляемостью» обманчивой и лгушей среды...»

Стр. 189. Шестой принципъ: *организация народнаго образованія и статистическое* («глазь») *управленіе имъ*.

Стр. 189. «Седьмой принципъ: *благая свобода совѣсти и мысли*. Стр. 190. «...гарантіей противъ возможныхъ злоупотребленій сво-

бодю совѣсти и мысли служить... вѣроисповѣдныя и научно-исповѣдныя нормы, допущенныя къ обращенію...»

Стр. 192. «Восьмой принципъ: *судъ и возмездіе*. Стр. 192. «Публичный судъ только тогда и шѣненъ, когда прежде всего самый личный составъ суда построенъ на взвѣшенныхъ («глазъ») разумно этическихъ началахъ строгаго подбора».

Стр. 194. Девятый принципъ: *мѣрная свобода печати*. Стр. 195. «Отрицательная публицистика... заслуживаетъ рѣшительнаго, правомочнаго, осмотрительнаго преслѣдованія».

«Важная роль каеэдры публициста ставить государству задачу о лучшей подготовкѣ и организаціи дѣятелей прессы и о подчиненіи этой политико-общественной организаціи социальной, аристократически организованной власти». Признаться до этого не доходило еще ни одно изъ существовавшихъ и существующихъ государствъ!

Стр. 196. Десятый принципъ: *матеріальное этическое (?!) дѣйствіе защитниковъ и охранителей*. «Эти вооруженные защитники и охранители... обязаны руководиться рыцарскою совѣстью...» (не правда ли, читатель—понятіе строго-математическое?)

Стр. 196. «Одиннадцатый принципъ: *организація сословнаго суда чести*. Стр. 198. «Хитрый лжець можетъ ловко ускользнуть отъ обыкновеннаго уголовнаго суда...» «Судъ же чести имѣеть въ виду верхніе слои морально-координированнаго общества, *имѣющіе высокой коэффиціентъ довѣрія*. «Этотъ судъ долженъ входить въ болѣе глубокія этическія оцѣнки».

Стр. 199. «Двѣнадцатый принципъ: *святость семейнаго союза и отдѣленіе въ мѣру мужскихъ и женскихъ социальныхъ функций*». «Религія, наука и политика признають, ..., святость семейнаго союза, функции котораго освящаются Церковью». Женщины могутъ получать образованіе (стр. 200). Кромѣ этихъ мыслей мнѣ ничего не удалось выдать изъ цѣлой страницы высокопарныхъ выраженій г. Некрасова по поводу такого обширнаго вопроса. Онъ проходитъ молчаніемъ вопросы объ экономическихъ отношеніяхъ супруговъ, объ ихъ общественныхъ и политическихъ правахъ, о разводѣ, о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, о бракахъ сектантовъ и проч.

Далѣе г. Некрасовъ переходитъ къ народному образованію.

Здѣсь безпомощность автора въ приложеніи своей системы ✓ выступаетъ въ особенности рельефно, особенно въ виду того,

что отъ него, какъ лица, близко стоящаго къ дѣлу, можно было бы ожидать цѣнныхъ указаній. Эти «цѣнные указанія» ограничиваются бесодержательными общими мѣстами вродѣ:

Стр. 201. «Обдуманная реформа школьной системы поэтому бываетъ нужна; но она бережетъ все доброе старое и совершается постоянно и непрерывно, открывая и исправляя дѣйствительно плохое, надстраивая благое новое на здоровомъ старомъ, усиленно расширяя народообразовательную сѣть новыми путями, ведущими къ усвоенію положительныхъ и полезныхъ знаній и навыковъ».

Но эти общія мѣста снова красной нитью связываетъ идея того же всепроникающаго «глаза» правительственной опеки, которой, по мнѣнію г. Некрасова, не должна избѣгать хотя бы самая малѣйшая часть народной жизни, и о которой мы упоминали выше, развивая идею его «раціональнаго государства».

Такъ, на стр. 202. «Центральный статистикъ, обрабатывающій совѣстные (!) совѣты и отвѣты на запросы... долженъ... разсмотрѣть ихъ... пропустивъ ихъ черезъ строй тѣхъ истинныхъ этико-соціальныхъ принциповъ...» Чудная статистика!

Стр. 226. «... а потому центральный статистикъ долженъ остерегаться сѣтей лжи, которая искусно умѣетъ опутывать мысль и волю реформаторовъ».

Стр. 227. «Государство... должно относиться къ реформаторскимъ запросамъ жизни... безразлично и пассивно».

Мысль, намѣченную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о желательности при университетахъ кафедръ педагогики, г. Некрасовъ развиваетъ «еще далѣе» (стр. 232), а именно въ идею «*формальной школы*».

Нормальная школа должна быть до извѣстной степени соединяющая «историко-филологическое познаніе съ физико-математическимъ» (стр. 234) подъ эгидой «психоаритмологическаго ретроспективно-провиденціального мышленія» (стр. 235), т.-е. системы «раціональнаго государства» г. Некрасова.

Читатель вѣроятно ждетъ услышать мнѣніе г. Некрасова о системѣ экзаменовъ и оцѣнокъ.

Дѣйствительно, на стр. 221 имѣется мѣсто, относящееся къ этому вопросу.

«Въ окончательномъ итогѣ всѣ побочныя школьныя коллизіи, всѣ дисгармоніи и аномаліи, вызываемыя раздѣленіями и разно-

стями многообразной народообразовательной системы и сѣти, практически сглаживаются и гармонируются хорошо организованною внѣшкольною, но примыкающею къ школьной жизни системою экзамена, оцѣнки и отбора людей для жизненныхъ поприщъ, если, конечно, эта система построена съ мудрою предусмотрительностью, съ гибкою и разумною отзывчивостью на жизненныя потребности государства и общества. Школа же не можетъ разрѣшить этихъ коллизій ученическихъ интересовъ и устранить аномаліи одна, безъ особаго правильно-организованнаго института судей, умудренныхъ наукою, жизненнымъ опытомъ и знаніемъ задачъ и цѣлей государства».

Намѣтивъ такимъ образомъ реформы (!) народнаго образованія и заканчивая пожеланіемъ изыатія всѣхъ учебныхъ заведеній въѣдомствъ Финансовъ, Земледѣлія, Путей Сообщенія и проч. изъ въѣдѣнія этихъ въѣдомствъ и передачи ихъ Министерству Народнаго Просвѣщенія (стр. 229), г. Некрасовъ этимъ не ограничивается. Онъ намѣчаетъ еще одну функцію рациональнаго государства—это функцію «покровительственную политику» относительно аттестованныхъ и прошедшихъ всевозможныя «оцѣнки» питомцевъ школы «рациональнаго государства» на внутреннемъ рынкѣ труда относительно пришлыхъ и неаттестованныхъ элементовъ.

Этимъ мы закончимъ обзоръ этой неудачной попытки г. Некрасова обоснованія «логической системы рациональнаго государства». Подобныя попытки стары, какъ и само человѣчество, и отвѣтъ на нихъ такой же, какъ на предложеніе рѣшеній задачъ о дѣленіи угла на три части и квадратуры круга при помощи циркуля и линейки. Какъ на эти двѣ задачи отвѣчаютъ тѣмъ, что изъ окружностей и прямыхъ невозможно составить такую комбинацію, чтобъ удовлетворить функцію, рѣшающей эти вопросы, такъ утописту можно всегда отвѣтить, что для измѣрительно-предсказательной науки, какова соціологія недостаточно чисто предсказательныхъ методовъ.

Но эти замѣчанія никогда не исправляли и не исправляютъ утопистовъ. Академіи и по сію пору продолжаютъ получать рѣшенія задачъ трисекціи и квадратуры, а соціологическая литература загромождается утопическими теоріями, подобными теоріи г. Некрасова. Эти теоріи иногда начинаютъ прилагаться на практикѣ господствующими классами и по большей части быстро и неизбежно ведутъ къ революціи. ||

Блестящимъ подтвержденіемъ послѣдней мысли можетъ служить январское (нынѣшняго 1905 года) рабочее движеніе въ г. Петербургѣ.

Утопистомъ Плеве было положено въ организацію этого движенія то же самое «аритмологическое автономное начало», которое развиваетъ г. Некрасовъ въ системѣ рациональнаго государства. Была создана организація, которая должна была остаться автономно-аритмологической. Но дѣло, и какое ужасное дѣло, показало ее аналитическій характеръ (т.-е. характеръ не обособленности, а связи съ остальными общественными явленіями) вопреки этимъ аритмологическимъ ожиданіямъ.

Такая судьба ожидаетъ всякую утопію, не считающуюся съ эмпирическими данными жизни. Но горе тѣмъ людямъ, которые станутъ жертвой подобнаго соціологическаго опыта, опирающагося на слѣпую силу.

Въ заключеніе я долженъ извиниться передъ читателемъ, что слишкомъ долго утомлялъ его вниманіе изслѣдованіемъ системы г. Некрасова и ставилъ ее наряду съ такими стройными системами, какъ интеллектуализмъ и противоположный ему экономической матеріализмъ. Основаніемъ этому, какъ я упомянулъ вначалѣ, служитъ общественное положеніе г. Некрасова, особенно важное въ переживаемый Россіей знаменательный моментъ исторіи.

Не могу также не упомянуть о томъ, что нахожу въ высшей степени желательнымъ, съ точки зрѣнія чистой науки, дальнѣйшее развитіе некатегорической логики, намѣчаемой г. Некрасовымъ, но при совершенномъ «аритмологическомъ» ея отдѣленіи отъ утопіи «истинно-рациональнаго государства».

Е. А. Гопіусъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

L'année psychologique, publiée par *A. Binet*, avec collaboration de *H. Beaunis*, *V. Henri*, *Th. Ribot*. Secrétaire de la redaction: *Larguier des Bangeles*. Dixième année. Paris, 1904.

10-й выпускъ «Психологическаго Ежегодника» открывается небольшимъ предисловіемъ редакторовъ, гдѣ указывается на одно нововведеніе въ самомъ изданіи. Нововведеніе это касается второй части «Ежегодника», и мы болѣе подробно скажемъ о немъ при обзорѣннн соотвѣтствующаго отдѣла; теперь же только упомянемъ, что вторая часть, посвященная библіографіи, значительно расширилась, ибо она содержитъ въ себѣ, кромѣ рецензій на отдѣльныя сочиненія, цѣлыя научные обзоры, касающіеся разнообразныхъ отдѣловъ психологіи и смежныхъ съ нею дисциплинъ.

Первый отдѣлъ содержитъ, по обыкновенію, оригинальныя работы, и одна изъ этихъ послѣднихъ относится скорѣе къ области философіи, чѣмъ психологіи. Мы разумѣемъ статью *Michel*'я, гдѣ дается характеристика двухъ выдающихся мыслителей, скончавшихся въ 1903 г., *Г. Спенсера* и *Ш. Ренувье*. Что касается перваго, то, говоритъ Мишель, послѣ смерти *Дарвина* *Г. Спенсеръ* былъ самою крупною знаменитостью современной Англійи, и смерть его найдетъ отзвукъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Люди науки, во всѣхъ странахъ, воздаютъ ему заслуженную честь. Они чествуютъ въ немъ неутомимаго работника, крупнаго мастера въ области фактовъ и идей, автора труда, который если и не заключаетъ въ себѣ оригинальности и непререкаемости въ той степени, въ какой приписываютъ ему

это его восторженные ученики или часто не достаточно знающіе панегиристы, тѣмъ не менѣе изобилуетъ счастливими деталями плодотворными точками зрѣнія и поражаетъ своею грандіозностью. Какъ человѣкъ, Спенсеръ также достоинъ вниманія, являясь яркимъ выраженіемъ лучшихъ сторонъ британскаго генія. Его специализація въ области философіи и чистой науки является первою побѣдою воли надъ неблагоприятными обстоятельствами его тяжелой юности. Его привычка къ ежедневному труду была триумфомъ его духовной силы надъ природною физическою слабостью. Онъ былъ, въ отношеніи къ міру идей, тѣмъ, чѣмъ его соотечественники являются въ отношеніи практической дѣятельности, именно a self made man, т.-е. человѣкъ, всѣмъ обязанный самому себѣ. Вся его жизнь представляетъ прекрасный примѣръ правдивости, безкорыстія, простоты. Погруженный въ свою безконечную работу, онъ жилъ довольно уединенно, хотя не оставался равнодушнымъ къ событіямъ общественной важности. Онъ не разъ горячо выступалъ на защиту поправленныхъ правъ человѣка, хотя въ этомъ случаѣ ему приходилось бороться съ могущественными теченіями въ жизни родной ему націи. Такъ, напримѣръ, онъ поступаетъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: «Факты и комментаріи», гдѣ достаточно страницъ удѣлено блестящей критикѣ имперіализма. Какъ мыслитель, Спенсеръ является философомъ эволюціи. Онъ использовалъ эту формулу, которая является только новѣйшимъ научнымъ переводомъ идеи прогресса или совершенствованія, поставленной на такую высоту именно въ XVIII вѣкѣ, хотя въ этомъ переводѣ есть и значительныя добавленія къ оригиналу. Спенсеръ сумѣлъ воспользоваться драгоценными результатами науки своего времени, въ частности науки о природѣ. Наслѣдственность, естественный отборъ сдѣлались въ его рукахъ главными орудіями для объясненія универса. Мысль, какъ и предметы внѣшняго міра, понятны только при такомъ объясненіи, и отсюда это взаимоотношеніе между мыслью и предметами, взаимное приспособленіе духа и матеріи. Овладѣваніе истиной есть только какъ бы завершеніе этого процесса постоянного приспособленія. Такимъ образомъ, Спенсеръ находится на пути къ монизму, но онъ не идетъ этой дорогой до конца. Онъ отказывается произносить опредѣленное сужденіе о непознаваемомъ, онъ агностикъ. Въ существѣ своемъ его философія носить

примирительный характеръ. Она стремится примирить эмпиризмъ съ апіоризмомъ, науку съ религіей. Спенсеръ желаетъ покончить съ трагическимъ и вѣчнымъ конфликтомъ ума и сердца. Какъ бы ни были спорны нѣкоторые пункты и слабы отдѣльныя части въ философіи Спенсера, заключаетъ авторъ свою характеристику, однако дѣло мыслителя остается очень значительнымъ; а необыкновенная настойчивость и упорство того, кто создалъ этотъ трудъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень умѣренныя средства отъ природы и несовершенное образование самоучки, составляютъ очень интересный и достойный глубокаго вниманія эпизодъ въ исторіи человѣческой мысли.—Вторая часть статьи посвящена характеристикѣ важнѣйшаго французскаго неокритициста Ш. Ренувье. Мишель очень высокаго мнѣнія о французскомъ мыслителѣ. По блеску литературнаго дарованія онъ сравниваетъ его съ Ренаномъ, а по богатству творческихъ идей и по связи между теоретической мыслью и ея практическимъ приложеніемъ—съ Пастеромъ. Авторъ почти только называетъ раннія произведенія философа (*Traité de logique générale et de logique formelle*, *Traité de psychologie rationnelle*, *Principes de la nature*) и кратко характеризуетъ позднѣйшія сочиненія: «*La nouvelle monadologie*» (1899 г.) и «*Le personalisme*» (1903 г.) Последнюю книгу авторъ считаетъ особенно интересной, ибо по его мнѣнію, здѣсь заложены зародыши чисто «философской религіи», которую можно развить въ противовѣсъ атеизму—съ одной стороны и католицизму—съ другой. Упоминаетъ Мишель и о крупномъ трудѣ Ренувье въ области этики, его «*Science morale*», явившемся еще въ 1869 году. По словамъ біографа, это, быть можетъ, со временъ Мальбранша первый на французскомъ языкѣ трактатъ о морали, обезпечившій себѣ безсмертіе. Здѣсь авторъ является индивидуалистомъ, но особаго рода—на манеръ философовъ XVIII вѣка, которые никогда не думали устанавливать напрасной антитезы между индивидуумомъ и государствомъ. Въ этомъ сочиненіи можно встрѣтить такія перспективы социальныхъ отношеній, отъ которыхъ еще очень далека современная французская демократія, будемъ ли мы только принимать ея принципы или же будемъ наблюдать и осуществленіе ихъ на практикѣ. Послѣ краткой характеристики журнала «*Critique philosophique*», издававшагося Ренувье въ теченіе 18 лѣтъ, Мишель трогательно сообщаетъ, со словъ одного изъ ближай-

шихъ учениковъ философа, о послѣднихъ дняхъ покойнаго мыслителя, скончавшагося 1 сентября 1903 года, на 88 году.

Обращаясь теперь къ работамъ психологическаго характера, мы должны прежде всего назвать статью Zwaardemaker'a «О чувствительности уха къ звукамъ въ отношеніи ихъ высоты», которая имѣетъ больше отношенія къ физиологіи, чѣмъ къ психологіи. Здѣсь авторъ излагаетъ исторію вопроса, критически обозрѣваетъ новѣйшіе труды по затронутому предмету и говорить въ заключеніе, что «человѣческое ухо въ различныхъ отношеніяхъ является органомъ очень чувствительнымъ, но чувствительность эта различна въ отношеніи разнообразныхъ звуковъ окружающей среды; въ отношеніи членораздѣльныхъ звуковъ ухо обладаетъ довольно однообразною чувствительностью». Цѣнность этой работы возвышается благодаря приложеннымъ библиографическимъ указаніямъ и таблицѣ, въ которой излагаются результаты новѣйшихъ изслѣдованій относительно различной высоты гласныхъ и согласныхъ звуковъ.

Дальнѣйшія работы, помѣщенные въ настоящемъ «Ежегодникѣ», не столько относятся къ области общей и теоретической психологіи, сколько затрагиваютъ вопросы такъ называемой индивидуальной психологіи, а иногда только касаются смежныхъ съ нею дисциплинъ. Къ числу такихъ статей, прежде всего, нужно отнести двѣ работы главнаго редактора «Ежегодника» А. Бинэ. Одна изъ этихъ работъ имѣетъ своимъ предметомъ психологическій анализъ литературнаго творчества извѣстнаго французскаго драматурга Поля Эрвье (Paul Hervieux). Изслѣдованіе это было произведено на основаніи неоднократныхъ бесѣдъ съ самимъ литераторомъ, изученія его манускриптовъ и, конечно, на основаніи близкаго знакомства съ произведеніями драматурга. Бинэ подробно описываетъ внѣшній обликъ писателя, отмѣчаетъ наслѣдственныя черты и изображаетъ передъ нами процессъ постепеннаго роста драматурга, начиная съ ранняго дѣтства. Особенно подробно останавливается изслѣдователь на анализѣ самаго процесса литературнаго творчества, стараясь охарактеризовать воображеніе, стиль и вообще литературную физиономію французскаго писателя. Важнѣйшіе изъ своихъ выводовъ авторъ резюмируетъ въ концѣ своей работы, и мы приведемъ только нѣкоторыя извлеченія изъ этого резюме, тѣмъ болѣе, что послѣднее имѣетъ больше значенія для характери-

стики духовной фізіономіи Эрвье, чѣмъ для твердо установленныхъ положеній въ общей психологіи. У писателя можно констатировать отсутствіе наслѣдственности въ отношеніи литературнаго таланта, ибо онъ родился въ семьѣ коммерсанта, и его братъ посвятилъ себя тоже коммерческой профессіи. Поприще литератора было избрано имъ вполне сознательно, и Эрвье не чувствовалъ инстинктивнаго и непреодолимаго влеченія къ литературѣ. Въ осуществленіи всей его литературной карьеры мы можемъ наблюдать извѣстную настойчивость и методическія усилія, каковыя качества свидѣлствуютъ о преобладаніи въ немъ интеллекта и воли надъ эмоціональною стороною нашей природы. Въ немъ нельзя замѣтить склонности къ религіозности, мистицизму и какимъ-либо суевѣріямъ. Заслуживаетъ быть отмѣченной регулярность и методичность въ самомъ процессѣ работы, которая начинается и оканчивается въ опредѣленный часъ. Эрвье не переживаетъ цѣлыхъ періодовъ недѣланія (какъ, напр., бывало съ Бодлеромъ), все равно какъ не испытываетъ лихорадочныхъ приступовъ безостановочной работы. Авторъ тщательно готовится къ каждой работѣ, предварительно изучивши всѣ необходимые документы. Работа выполняется сравнительно медленно, и благодаря этому творческая мысль большею частью выливается въ опредѣленную форму, такъ что автору рѣдко приходится передѣлывать или, гѣмъ болѣе, уничтожать свои болѣе ранніе манускрипты. Рефлексія постоянно сопровождаетъ процессъ труда, и авторъ всегда можетъ дать отчетъ въ самой незначительной детали работы. Воображеніе носитъ логическій характеръ, такъ что писатель даже затрудняется провести границу между воображеніемъ и чисто критическимъ чувствомъ. Въ процессѣ работы авторъ ясно сознаетъ, что онъ одинъ, что онъ дѣлаетъ извѣстное усиліе, творить, дѣйствуетъ вполне сознательно, чувствуетъ отвѣтственность за то, что онъ создаетъ, говоритъ именно съ самимъ собою, отъ имени своихъ дѣйствующихъ лицъ; наоборотъ, онъ не испытываетъ ощущенія, подобно нѣкоторымъ другимъ авторамъ, что онъ какъ бы раздвояется или воплощается въ другихъ личностей или находится въ состояніи какого-то экстаза, дѣйствуя вполне автоматически и не чувствуя никакой отвѣтственности за продукты своего творчества: ничего подобнаго у него нѣтъ. Вообще, весь процессъ творчества происходитъ у Эрвье

вполнѣ сознательно, и французскій драматургъ, разсматриваемый именно какъ писатель, представляетъ собою, по замѣчанію Бинэ, «почти совершеннѣйшій образецъ рационализированнаго человѣка».

Другая работа того же автора изъ области индивидуальной психологіи касается графологіи и носитъ такое заглавіе: «Графологія и ея показанія относительно пола, возраста и ума». Авторъ, по обыкновению, вводитъ читателя въ самую лабораторію своихъ изслѣдованій и подробно излагаетъ весь процессъ работы. Такъ, онъ описываетъ самые документы, которые служили предметомъ графологическаго изслѣдованія, при чемъ наиболѣе удобнымъ матеріаломъ, по его мнѣнію, являются адреса на конвертахъ, гдѣ само содержаніе не даетъ никакихъ презумпцій въ пользу пола или другихъ особенностей автора. Даетъ затѣмъ Бинэ и характеристику экспертовъ, которые принимали участіе въ рабствѣ (Сгеріеух-Jamin и Eloy). Пытается далѣе изслѣдователь, на основаніи, главнымъ образомъ, показаній экспертовъ, установить отличительныя черты, характеризующія женское письмо. Въ результатѣ своихъ изслѣдованій Бинэ приходитъ къ заключенію, что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ экспертъ можетъ опредѣлить полъ съ точностью 90%, и изъ ста разсмотрѣнныхъ имъ почерковъ только 10 получаютъ неправильную квалификацію. Обыкновенныя лица, не имѣющія такого опыта, какъ упомянутые эксперты, дѣлають, конечно, гораздо большее количество ошибокъ. Что касается опредѣленія (на основаніи почерка) возраста и умственнаго развитія, то Бинэ, за недостаткомъ мѣста, не излагаетъ всѣхъ своихъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ. Онъ только замѣчаетъ, что при опредѣленіи возраста Кронье-Жаменомъ среднее отклоненіе отъ настоящей цифры равнялось 10, между тѣмъ какъ у обыкновенныхъ лицъ ошибки были нѣсколько чаще. Для установленія различій въ умственномъ отношеніи Бинэ успѣлъ выполнить только такого рода опыты. Онъ нѣсколько разъ давалъ упомянутымъ графологамъ для разсмотрѣнія почерки двухъ лицъ, значительное различіе которыхъ въ отношеніи интеллекта являлось для него безспорнымъ фактомъ. Изъ 36 случаевъ одни изъ графологовъ сдѣлали только 3 ошибки, другіе—5, нѣкоторые—6. По мнѣнію Бинэ, все это даетъ надежду, что и въ этомъ отношеніи графологія можетъ доставить впослѣдствіи нѣкоторый цѣнный матеріалъ для экспериментальной психологіи.

Къ области педагогической психологіи или педологіи относятся двѣ работы самого Бинэ, подъ заглавіемъ: «Обзоръ текущихъ работъ въ Обществѣ психологіи дитяти» и Larguier des Bangels: «Замѣтки о способахъ заучиванья». Первая изъ этихъ статей имѣетъ въ виду дѣятельность Общества для изученія дѣтской природы, основаннаго по иниціативѣ извѣстнаго Бюисона. Бинэ характеризуетъ здѣсь работы различныхъ комиссій или отдѣленій, учрежденныхъ при этомъ Обществѣ. Таковы комиссія по изученію нравственныхъ чувствованій, по изслѣдованію памяти, комиссія по изученію дѣтей, ненормальныхъ въ какомъ-либо отношеніи, графологическая комиссія. Авторъ, характеризуя дѣятельность этихъ комиссій, останавливается не столько на результатахъ изслѣдованій (они часто еще не заключаютъ въ себѣ желательной опредѣленности), сколько на самыхъ способахъ изученія тѣхъ или другихъ особенностей въ жизни дитяти, и въ этомъ отношеніи знакомство съ этими изслѣдованіями можетъ оказаться очень поучительнымъ для всѣхъ тѣхъ родителей и воспитателей, которые интересуются и даже увлекаются такъ называемыми педологическими изысканіями. Такъ отсюда можно видѣть, какія трудности представляетъ выработка вопросниковъ, при помощи которыхъ главнымъ образомъ производятся упомянутыя изслѣдованія. Справедливо подчеркивается здѣсь необходимость осторожнаго отношенія и къ тѣмъ результатамъ, которые получаются при помощи указаннаго метода.

Работа Larguier des Bangels посвящена продолженію тѣхъ изслѣдованій надъ различными способами заучиванія, которыя были имъ предприняты еще въ 1901 году. Тогда онъ пришелъ къ убѣжденію (ранѣе высказанному нѣкоторыми другими экспериментаторами), что заучиваніе путемъ прочтенія всего литературнаго отрывка оставляетъ гораздо болѣе прочныя слѣды, чѣмъ запоминаніе по маленькимъ дозамъ. Но тогдашніе эксперименты автора имѣли въ виду воспроизведеніе черезъ сравнительно короткій промежутокъ, въ настоящей же работѣ онъ удлиняетъ этотъ срокъ и въ результатѣ приходитъ къ прежнему выводу. «Особенная устойчивость ассоціацій, полученныхъ путемъ общихъ (а не частныхъ) повтореній,—замѣчаетъ онъ въ заключеніе,—отличается бросающеюся въ глаза продолжительностью. Она ясно обнаруживается по истеченіи двухъ лѣтъ».

Есть въ настоящемъ «Ежегодникѣ» одна статья, посвященная психопатологіи. Мы разумѣемъ совмѣстную работу Bourdon'a и Dodie подъ заглавіемъ: «Случай постоянной амнезіи съ тактильной асимболіей, осложненной другими расстройствами». Названные ученые описываютъ здѣсь расстройства, которыя наблюдались у одного больного, пораженнаго ударомъ. Больной различалъ тепло и холодъ, нѣкоторые запахи и вкусы, хотя нѣкоторыхъ обыденныхъ предметовъ (напр., кофе) не узнавалъ по запаху. Что касается зрѣнія, то онъ не различалъ отдѣльныхъ написанныхъ буквъ, какъ и цѣлыхъ словъ. Вообще, онъ страдалъ словесной слѣпотой, но у него не наблюдалось полной психической слѣпоты (онъ различалъ при помощи зрѣнія окружающіе его предметы). Слухъ сохранился довольно хорошо. Что касается воспріятій осязательныхъ, то здѣсь наблюдались значительныя расстройства, и если больной правильно называлъ сухое, влажное, мягкое и т. п., то онъ не узнавалъ, путемъ одного только осязанія, безъ участія зрѣнія, такихъ предметовъ, какъ ножъ, шляпа, ножницы и т. п. Движенія рукъ медленны и неправильны. Способность рѣчи въ общемъ сохранена, но больной страдалъ парафазіей. Память серьезно поражена. Воспоминанія о недавнемъ почти совсѣмъ отсутствовали, между тѣмъ какъ больной помнитъ нѣкоторые, очень давно имѣвшіе мѣсто факты. Авторы не рѣшаются произнести окончательнаго сужденія о болѣе спеціальныхъ причинахъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ явленій (въ особенности—тактильной асимболіи), тѣмъ болѣе, что еще не закончено анатомическое и гистологическое изслѣдованіе мозга больного (больной умеръ).

Области антропологіи касается очень краткая (меньше 3 страницъ) замѣтка самого Бинэ, затрогивающая вопросъ о кефалометрической техникѣ. Но мы не будемъ останавливаться на ней, тѣмъ болѣе что она и не претендуетъ на какіе-нибудь строго-опредѣленные выводы.

Зоопсихологія представлена въ «Ежегодникѣ» работой Lecailon'a: «О біологіи и психологіи одного вида паука (*Chiracanthium carnifex*)». Послѣ краткихъ замѣчаній біологическаго характера (мѣсто нахождения, краткое описаніе устройства гнѣзда и т. п.), авторъ переходитъ къ психологической части своей работы, которая представляетъ для насъ болѣе болѣе интересъ. Здѣсь идетъ рѣчь объ опытахъ автора надъ чувствомъ материнской любви

у названнаго вида пауковъ. Въ результатѣ своихъ довольно многочисленныхъ опытовъ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Инстинктъ материнства у пауковъ этого типа выражается, прежде всего, въ томъ, что самка очень настойчиво и энергично охраняетъ гнѣздо, гдѣ ею положены яички. Если ее взять изъ собственного гнѣзда и помѣстить въ гнѣздо другой самки, то она сначала, повидимому, неловко чувствуетъ себя въ немъ, но затѣмъ привыкаетъ къ нему и защищаетъ его съ такою же энергійей, какъ и свое собственное. Самка обнаруживаетъ привязанность, повидимому, только къ общему содержанію гнѣзда, будутъ ли въ немъ яйца или дѣтеныши, при чемъ каждый изъ послѣднихъ, рассматриваемый индивидуально, не привлекаетъ къ себѣ ея чувства. Если положить въ гнѣздо другую самку, то первая приходитъ въ сильный гнѣвъ. Въ случаѣ разрушенія гнѣзда самка ведетъ себя такъ, какъ будто бы она испытываетъ жестокое страданіе: она въ теченіе нѣсколькихъ дней не удаляется отъ остатковъ прежняго гнѣзда и иногда даже умираетъ тамъ. Что касается молодыхъ паучковъ, то они, повидимому, не обнаруживаютъ никакого чувства въ отношеніи своей матери. Значеніе характеризуемой работы нѣсколько умалется чертами антропоморфизма, которыя можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ автора.

Вторая часть «Ежегодника» представляетъ собою, какъ мы уже говорили, нѣкоторое нововведеніе, ибо она посвящена не анализу отдѣльныхъ сочиненій, а «общимъ обзорамъ» по разнымъ отдѣламъ психологіи и смежныхъ съ нею дисциплинъ. Такъ Henneguy даетъ характеристику новѣйшихъ изслѣдованій о строеніи нервной клѣтки, Van Gehuchten подвергаетъ анализу «законъ Waller»¹⁾, а Friedericq обзрѣваетъ работы по физиологіи нервной системы. Въ слѣдующей главѣ, посвященной невропатологіи, Grasset изображаетъ положеніе вопроса о нейронѣ, а Pitres характеризуетъ типичнѣйшія проявленія психастеніи. Далѣе Deniker анализируетъ выдающіеся труды по антропологіи, а Blum даетъ характеристику современныхъ педологическихъ изслѣдованій во

¹⁾ Законъ этотъ формулируется такъ: „Когда нарушаютъ цѣлость нерва и при этомъ мѣшаютъ восстановленію нарушенной связи, то периферическій концы, отдѣленный отъ своего питательнаго центра, вырождается, между тѣмъ какъ центральный концы, не порвавшій связи съ центромъ, остается нормальнымъ.“

Франціи. Области педологіи же касается статья Демоог'а и De Croly, обсуждающая положеніе вопроса о воспитаніи ненормальныхъ дѣтей. Simon резюмируетъ послѣдніе результаты изъ нѣкоторыхъ областей психопатологіи, а въ слѣдующей за этимъ статьѣ Mallapert обзрѣваетъ наиболѣе цѣнные труды изъ области философіи и морали. De Varigny въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Психологическая хроника», касается новѣйшихъ изслѣдованій изъ различныхъ областей психологіи и въ частности имѣетъ въ виду психологію первобытнаго человѣка и отчасти зоопсихологію. Наконецъ, въ своей послѣдней замѣткѣ Бинэ пытается вскрыть психологическія основанія методологическихъ ошибокъ, которыя легко констатировать въ нѣкоторыхъ научныхъ работахъ, явившихся за самыя послѣдніе годы.

Третья часть «Ежегодника» посвящена спеціальному анализу новѣйшихъ изслѣдованій изъ различныхъ отдѣловъ психологіи и заканчивается, по обыкновенію, большимъ библиографическимъ указателемъ, столь цѣннымъ для всякаго работника въ области психологіи.

Н. Виноградовъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи:

Dr. Richard Avenarius. Der Menschliche Weltbegriff. Leipzig, 1905. Ст. 134. Ц. 5 м.

Андреевичъ. Л. Н. Толстой. Монографія. Спб., 1905. Ц. 1 р. Ст. 264.

Adolf Bastian. Die Lehre vom Denken. III Teil. Berlin, 1905. Ст. 305.

А. Баулина. Отрывки. Спб., 1905. Ст. 87.

Акад. В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. IV. Спб., 1905. Ст. 329.

Введение въ философію Герберта Спенсера. Въ краткомъ изложеніи И. М. Любомудрова. Ковровъ, 1905. Ст. 62. Ц. 40 к.

Григорій Вольтне. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб., 1905. Ст. 27. Ц. 30 к.

Его же. Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Спб., 1905. Ст. 48. Ц. 30 к.

С. М. Житковъ. Когда Россія ... побѣдитъ Японію? Спб., 1905. Ст. 106. Ц.

Библиотека для самообразованія:

VI. И. Кантъ. Вѣчный миръ. Философскій очеркъ. Перев. студ. С. М. Роговина и Б. В. Чредина, подъ ред. проф. гр. Л. А. Камаровскаго. XXIV+73. Ц. 40 к. :

XXXIII. Д. Романсъ. Духовная эволюція чловѣка. Перев. Е. И. Бошнякъ, подъ ред. Н. Д. Виноградова. XXV+618. Ц. 2 р.

Н. Карѣвъ. Мысли объ основахъ нравственности. Прологомены по этикѣ. Спб., 1905. Ст. VII+160. Ц. 40 к.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисловіемъ Ю. И. Айхенвальда. Москва, 1905. Ст. XXX+293. Ц. 1 р. 25 к.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи. Спб., 1905. Ст. LXVII+943+IV. Ц. 4 р.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтынова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, написаннымъ Н. Денисюкъ. Вып. II. Москва, 1905. Ц. 1 р. Ст. 327.

А. Луговой. «Цѣль вашей жизни?» Спб. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к. Ст. 353.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. Педагогическое отдѣленіе. Одесса, 1904. Ст. 276.

Н. М. Минскій. Религія будущаго. (Философскіе разговоры.) Спб., 1905. Ст. 302. Ц. 2 р.

Московскій литературно-художественный кружокъ. Москва, 1905. Ст. 56.

П. А. Некрасовъ. Государство и Академія. Москва, 1905. Ст.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ за 1904 г. Спб., 1905. Ст. 107.

Dr. Maria Raich. Fiechte, Seine Ethik und seine Stellung zum Problem des Individualismus. Tübingen, 1905. Ст. VII+195.

Илья Смоленскій. Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Одесса, 1906. Ц. 1 р. Ст. II+175.

Уставъ союза для борьбы съ дѣтскою смертностью въ Россіи. Спб., 1905. Ст. 20.

Проф. Г. Челпановъ. Введеніе въ философію. Кіевъ, 1905. Ст. V+532. Ц. 2 р. 50 к.

Обзоръ журналовъ.

Mind, Vol XIII, New Series, №№ 49—52. Январь—октябрь 1904 г.

F. H. Bradley. Опредѣленіе воли.

Авторъ намѣренъ въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи оставаться въ области эмпирической психологіи и поэтому онъ будетъ здѣсь говорить лишь о той волѣ, которая познается и испытывается, какъ таковая (wich is Known and experienced as such). Воленіе (a volition) есть самоосуществленіе идеи, съ которою отождествлено наше я (the self-realisation of an idea with wich the self is identified). И это воленіе есть цѣлое, въ которомъ мы находимъ слѣдующіе элементы. Въ немъ можно различать: 1) существованіе, 2) идею переменны и 3) дѣйствительную переменну идеей существующаго по направленію къ 4) содержанію идеи, при чемъ 5) въ этой переменнѣ наше я чувствуетъ свою реализацію (in this change the self feels itself realised). Разсматривая первый элементъ воленія, т.-е. существованіе, мы видимъ, что это есть то, что дано мнѣ въ настоящій моментъ, это есть реальность, какъ противоположность чему-либо, чисто идеальному. Въ актѣ воленія совершается измѣненіе этого существующаго, какъ такового; но этого мало: существующее не только измѣняется, но еще измѣняется въ томъ направленіи, которое указываетъ ему идея. Такимъ образомъ и совершается самоосуществленіе идеи. Могутъ возразить, что воля уже потому не можетъ быть измѣненіемъ существующаго идеей, что бываютъ воленія, при которыхъ идея не реализуется, примѣромъ чего могутъ служить: рѣшеніе и измѣреніе (resolve and intention), парализованная воля, и, наконецъ, факты одобренія и неодобренія. Но если бы рѣшеніе и намѣреніе были сами по себѣ волснїями,

тогда нельзя было бы говорить объ *одномъ только* (mere) рѣшеніи и объ *одномъ только* (mere) намѣреніи. Рѣшеніе по своему существу не есть воленіе и бываетъ имъ лишь случайно. Рѣшеніе отличается отъ воленія тѣмъ, что оно направлено на нѣчто такое, что, какъ намъ извѣстно, еще не существуетъ, тогда какъ воленіе всегда направлено на данное въ настоящій моментъ «это» (the present «this»). Одобреніе не есть воленіе, если только одобряемая идея не есть идея переменны. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разъясненію второй части своей формулы: къ вопросу объ отождественіи идеи съ нашимъ я. «Я» и «не-я» противопоставлены другъ другу какъ теоретически, такъ и практически, но лишь въ практическомъ отношеніи «не-я» противодѣйствуетъ нашему «я». И это противодѣйствіе «не-я» совпадаетъ съ отождествленіемъ нашего «я» съ борющейся идеей. Эта идея есть идея переменны въ «не-я» и, какъ таковая, она является для меня такимъ же объектомъ, какъ и «не-я»; но, съ другой стороны, я чувствую себя объединеннымъ съ этой идеей, такъ какъ я чувствую, что именно при посредствѣ этой идеи я вступаю въ коллизію съ «не-я». И мое чувство единенія съ идеей и чувство противодѣйствія объекта являются не двумя различными фактами, а двумя точками зрѣнія на одинъ и тотъ же фактъ. Установивши, такимъ образомъ, свое основное положеніе, авторъ подробно разсматриваетъ многочисленныя возраженія на свою точку зрѣнія. Такъ, напримѣръ, большая часть его третьей и послѣдней статьи занята разборомъ возраженія, исходящаго изъ факта множественности волевыхъ типовъ.

W. H. Fairbrother.— Отношеніе этики къ метафизикѣ.

Авторъ ставитъ двойной вопросъ: 1) Мыслились ли этическія ученія своими наиболѣ выдающимися представителями зависимыми отъ соотвѣтствующихъ метафизическихъ вѣрованій? или 2) *in abstracto*, является ли наука о нравственности такимъ предметомъ, на который неизбѣжно вліяютъ наши вѣрованія о конечной природѣ чловѣка и вселенной? Конечно, философски мыслящій умъ склоненъ поставить этотъ вопросъ лишь во второй его формѣ, при чемъ очевидно, что успѣшное рѣшеніе вопроса въ этой формѣ дало бы болѣе окончательный отвѣтъ, чѣмъ какое бы то ни было историческое обозрѣніе, но, къ сожалѣнію, намъ нельзя было бы избѣжать въ данномъ случаѣ *retitio principii*. Историческое же обозрѣніе покажетъ намъ, что, съ одной сто-

роны, значительное количество мыслителей (представителями которыхъ могутъ считаться: Платонъ, Гринъ и Уатсонъ) основываютъ свои нравственныя ученія непосредственно на своихъ метафизическихъ изысканіяхъ, изъ которыхъ они по возможности дедуктивно и выводятъ эти нравственныя ученія; съ другой же стороны, обыкновенно принято считать, что такіе мыслители какъ Кантъ, Милль и Спенсеръ доходятъ до своихъ нравственныхъ ученій иными путями. Однако, при болѣе глубокомъ изученіи вопроса мы видимъ, что у Канта его этическое и метафизическое ученія взаимно зависимы. Затѣмъ Спенсеръ открыто заявляетъ, что его этика есть выводъ изъ законовъ жизни, а то впечатлѣніе, будто у него этика совершенно независима отъ метафизики, получается лишь благодаря беззаботному употребленію имъ утилитарной терминологіи. Что касается Милля, то его ученіе въ концѣ концовъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: а) человѣкъ ничего не желаетъ, кромѣ счастья, б) это счастье = общее счастье, или, по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ счастье другихъ индивидовъ, в) терминъ счастья не есть пустая абстракція, но имѣетъ опредѣленный смыслъ, доступный общему пониманію и вліяющей на поведение. Итакъ, историческій обзоръ привелъ къ признанію зависимости этики отъ метафизики. Правда, англійскіе моралисты XVIII вѣка не прибѣгали къ помощи какой бы то ни было философіи, но это явилось результатомъ ихъ поверхностнаго психологическаго анализа. Однако, можно ли все-таки сказать, что этика бываетъ независима отъ метафизики лишь тогда, когда она не имѣетъ значенія даже и какъ этика? Развѣ нѣтъ ничего хорошаго въ той школѣ, къ которой принадлежатъ, напримѣръ, Седжвикъ и Лесли Стивенъ? Нѣтъ, и у нихъ есть истина, но только эта истина дурно выражена. Защищать независимость этики отъ метафизики можно вполне законно, исходя изъ того соображенія, что мы въ настоящее время не имѣемъ еще такого знанія о реальности, чтобы изъ него дедуктивно выводить правила поведения.

C. M. Walsh. Трансцендентальный идеализмъ и эмпирической реализмъ у Канта.

Эта статья, говоритъ авторъ не имѣетъ цѣлью защитить трансцендентальный реализмъ, отвергнутый Кантомъ. Она лишь стремится доказать, что, отвергая эту теорію, Кантъ не имѣетъ вполне яснаго представленія о предметѣ. Она стремится показать, что

Кантъ не далъ новой состоятельной метафизической теоріи, способной стать наряду съ ранѣе высказанными теоріями, что онъ далъ только мутный и двусмысленный (*muddled and ambiguous*) конгломератъ, который, по тщательномъ разсмотрѣніи, оказывается составленнымъ изъ различныхъ старыхъ ученій.

G. D. Hicks.—Чтенія о философіи проф. Адамсона. (Критическое разсмотрѣніе книги покойнаго проф. Адамсона: «*The Development of Modern Philosophy, with other Lectures and Essays*» 2 vols 1903.)

William L. Davidson. Философія проф. Бена. (Краткій обзоръ заслугъ А. Бена въ области философіи и главнымъ образомъ въ области психологіи.)

Mc. Taggart.—Категоріи количества у Гегеля.

B. Russell.—Теорія Мейнонга о комплексахъ и предположеніяхъ.

Авторъ имѣетъ двойную цѣль: изложить ученіе Мейнонга и выяснить свою точку зрѣнія; согласіе между авторомъ и Мейнонгомъ такъ велико, что объ цѣли можно преслѣдовать одновременно. Теорію познанія часто считаютъ тождественной съ логикой. Эта точка зрѣнія является результатомъ смѣшенія психическихъ состояній съ ихъ объектами; ибо если признать, что познанное предложеніе не тождественно съ его познаніемъ (*the proposition known is not identical with the knowledge of it*), то становится очевиднымъ, что вопросъ о природѣ предложенія отличенъ отъ вопроса о познаніи, и непризнаніе этого различія имѣетъ два дурныя послѣдствія (не считая затрудненій въ области метафизики): оно вводитъ неподходящія психологическія точки зрѣнія въ логику и устраняетъ подходящія психологическія точки зрѣнія изъ теоріи познанія; къ первой ошибкѣ оно ведетъ потому, что знаніе не можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ явленіемъ психическимъ, ко второй—потому, что различіе между логикой и психологіей очевидно и поэтому отгораживаютъ отъ психологіи и теорію познанія. Конечно, теорія познанія не есть психологія, но она есть нѣчто болѣе сложное: ибо она включаетъ въ себя не только то, что психологія можетъ сказать объ увѣренности, но также и отличіе между истиной и ошибкой, ибо знаніе есть лишь увѣренность въ томъ, что истинно.

Такимъ образомъ, къ теоріи познанія можно итти или путемъ логики, или путемъ психологіи. Мейнонгъ шлъ путемъ

психологіи, но съ большою логическою проницательностью. Его основные тезисы, въ общемъ таковы: во всякомъ представленіи и сужденіи нужно отличать содержаніе отъ объекта. Объектъ, если онъ является тѣмъ, что онъ называетъ «объектомъ высшаго порядка»,—есть комплексъ. (The object, when it is what he calls an «object of higher order is» complex.) Статья Мейнонга: «Ueber Gegenstände höherer Ordnung und deren Verhältniss zur inneren Wahrnehmung» посвящена изслѣдованію природы сложности объектовъ и вопросу о данности комплексовъ въ воспріятіи.

Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ книгѣ о «предположеніяхъ» (Annahmen) Мейнонгъ доказываетъ, что сужденіе содержитъ два элемента: убѣжденіе (conviction) и утвержденіе или отрицаніе, при чемъ во многихъ случаяхъ, называемыхъ «предположеніями» второй элементъ существуетъ безъ перваго. Сужденіе и предположеніе отличаются другъ отъ друга не своимъ объектомъ, но лишь тѣмъ, что при первомъ убѣжденіе существуетъ, а при второмъ—отсутствуетъ. Эти предметы сужденія и предположенія, называемыя Мейнонгомъ «объектами» (objectives), входятъ въ составъ комплексовъ, если даже они и не всегда тождественны съ ними.

Обыкновенно считается, что комплексы не могутъ быть предметами представленія, что они могутъ быть лишь предметами сужденія или предположенія. Мейнонгъ доказываетъ ошибочность этого мнѣнія.

G. E. Underhill. — Пользованіе и злоупотребленіе конечными цѣлями.

Несмотря на многочисленные протесты философовъ противъ пользованія конечными цѣлями, ими все-таки постоянно пользуются. Человѣкъ есть дитя природы, и онъ можетъ познать ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ увидѣть себя въ ней (in so far as he can see himself in her). Его самыя основныя идеи: пространства, времени, числа, тождества и т. п. — всѣ возникли вслѣдствіе взаимодействія его духа съ умами другихъ людей и съ окружающими предметами, и онъ вѣритъ имъ лишь настолько, насколько онѣ оправдываются въ его опытѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ, какъ, напримѣръ, идеи числа и мѣры, точны и поэтому особенно охотно употребляются людьми науки; другіе не поддаются точному выраженію и поэтому считаются менѣе важными для науки; такова идея *конечной причины*. Ея происхожденіе изъ размышле-

нiя надъ сознательнымъ волевымъ актомъ челоуѣка очевидно. По аналогiи челоуѣкъ распространяетъ эту идею на всю природу, при чемъ иногда опытъ оправдываетъ это распространенiе, а иногда не оправдываетъ. Но, какъ и въ вопросѣ о приложимости другихъ идей, лишь опытъ можетъ показать пригодность или непригодность этой идеи.

I. M. Bentley.—Психологическое значенiе ясности.

Два основныхъ вопроса могутъ возникнуть относительно психологическаго употребленiя термина «ясность». Во-первыхъ: какъ пользуются этимъ концептомъ въ современной психологiи? Во-вторыхъ: каково отношенiе ясности къ духовному анализу, къ основнымъ явленiямъ сознанiя, главнымъ образомъ къ вниманiю? Послѣ обзора современной литературы авторъ приходитъ къ выводу, что ясность наряду съ качествомъ и интенсивностью, должна считаться характеристикой простыхъ ощущенiй.

F. H. Bradley.—Истина и практика.

Мы всѣ знаемъ, говоритъ авторъ, о новомъ философскомъ евангелии, которое провозглашаетъ себя сокрушителемъ интеллектуализма и заявляетъ, что бытiе и истину нужно искать въ волѣ и практикѣ. Авторъ борется противъ этого новаго направленiя въ лицѣ двухъ его представителей В. Джемса и Шиллера. Онъ ставитъ себѣ задачей показать, почему конечный критерiй истины не можетъ быть чисто практическимъ. Утвержденiю, что истина есть лишь рабочая гипотеза, онъ противопоставляетъ заявленiе, что вѣдь если извѣстная идея оказывается на практикѣ цѣлесообразною, то это происходитъ не отъ того, что нами выбрана, а отъ того, что она хорошо выбрана, т.-е. что она есть истина.

Prof. J. S. Mackenzie.—Безконечное и совершенное.

Часто указывали на любопытный контрастъ во взглядѣ на безконечное у древнихъ грековъ и въ новое время. Для грековъ безконечность имѣла дурной смыслъ, смыслъ чего-то безформеннаго, неопредѣленнаго, отрицательнаго; тогда какъ въ новое время безконечное имѣетъ смыслъ чего-то совершеннаго, наиреальнѣйшаго, положительнаго. Является вопросъ—нѣтъ ли здѣсь основной ошибки въ концепцiи Грековъ, въ современной концепцiи, или въ обѣихъ концепцiяхъ. Гегель пытался отвѣтить на этотъ вопросъ. Авторъ заявляетъ, что его отвѣтъ будетъ во всемъ существенномъ гегелианскимъ, хотя Гегеля и нельзя считать отвѣтственнымъ за всѣ выводы, которые будутъ сдѣланы

авторомъ. Во всей греческой философіи господствовало понятіе формы, какъ дающей опредѣленность предсуществующему матеріалу. Извѣстно, какимъ почтеніемъ пользовались, напр., у Платона геометрія, какъ ученіе объ опредѣленныхъ формахъ. Но съ Декартомъ концепція геометріи измѣнилась: геометрія начала изучать уже не свойства отдѣльныхъ фигуръ, а чисто алгебраическія, отвлеченныя свойства пространства. И съ этой точки зрѣнія концепція цѣлаго явилась болѣе раннею, чѣмъ концепція частей. Происшедшая такимъ образомъ перемѣна особенно ясна при сравненіи Спинозы съ Парменидомъ. Оба мыслителя утверждаютъ, что реально только цѣлое; оба понимаютъ это «цѣлое» въ quasi-геометрическомъ смыслѣ; но, въ то время, какъ Парменидъ учитъ, что цѣлое есть конечное цѣлое, Спиноза утверждаетъ, что цѣлое—абсолютно бесконечно. Моральное послѣдствіе этой перемѣны во взглядѣ на бесконечность имѣетъ двойственный характеръ: положительный и отрицательный. Положительный заключается въ чувствѣ ни съ чѣмъ не сравнимой цѣнности сознанія, способнаго овладѣть Бесконечнымъ; отрицательный заключается въ чувствѣ малоцѣнности всякаго блага, не имѣющаго характера бесконечности. Обѣ соревнующія концепціи имѣютъ то общее основаніе, что обѣ являются отраженіемъ чисто геометрическихъ воззрѣній. Но именно съ этой-то точки зрѣнія обѣ эти концепціи несостоятельны. Геометрическія фигуры не могутъ считаться ни формальнымъ опредѣленіемъ безформенной матеріи, ни ограниченіемъ безграничнаго цѣлаго. Если мы замѣнимъ геометрическое понятіе бесконечнаго телеологическимъ понятіемъ совершеннаго, то мы увидимъ, что, сохраняя всѣ положительныя стороны концепціи бесконечности, мы достигаемъ еще опредѣленности и ясности.

H. G. Wells.—Скептицизмъ орудія.

Авторъ заявляетъ, что не будучи спеціалистомъ въ философіи, спервоначально онъ хотѣлъ даже назвать свою лекцію—статья есть воспроизведеніе лекціи въ Оксфордѣ: «Философія любителя») и привыкши обращаться лишь съ частными явленіями и конкретными предметами, онъ не думаетъ излагать какой-либо новой философской теоріи, но высказываетъ лишь свое мнѣніе, согласно которому общіе вопросы нравственности и социологіи не подлежатъ непосредственному доказательству и должны быть переданы въ вѣдѣніе религіи и поэзіи.

T. M. Forsyth. — Концепція опыта въ ея отношеніи къ развитію англійской философіи.

Краткій обзоръ взглядовъ на опытъ у Локка, въ Шотландской школѣ, у Милля, Феррьера и Грота.

William James. — Гуманизмъ и Истина.

Статья В. Джемса написана въ отвѣтъ на вышеизложенную статью Брэдли «Истина и Практика». Джемсъ утверждаетъ, что статья Брэдли въ общемъ есть просто *ignotatio elenchi*. Свои возраженія Джемсъ формулируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) чтобы быть истиннымъ, опытъ какъ перцептуальный, такъ и концептуальный, долженъ согласоваться (*conform*) съ дѣйствительностью. 2) Подъ «дѣйствительностью» гуманизмъ понимаетъ не что иное, какъ другіе концептуальные или перцептуальные опыты, съ которыми данный въ настоящій моментъ опытъ можетъ быть фактически примѣшанъ. 3) Подъ «согласованіемъ» гуманизмъ понимаетъ установленіе такого соотношенія (*taking account-of*), когда возможно достиженіе удовлетворительнаго результата какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. 4) Термины: «установленіе соотношенія» и «удовлетворительный» (*satisfactory*) не могутъ быть опредѣлены: такъ много путей, посредствомъ которыхъ эти требованія могутъ быть практически выполнены. 5) Неопредѣленно и въ общемъ (*vaguely and in general*) мы входимъ въ соотношеніе съ дѣйствительностью, когда *сохраняемъ* ее въ возможно неизмѣнномъ видѣ (*by preserving it in as unmodified a form as possible*). Но чтобы быть удовлетворительной, эта дѣйствительность не должна противорѣчить другимъ дѣйствительностямъ, находящимся внѣ ея, которыя также могутъ требовать своего сохраненія. 6) Эти два факта, что данныя опыта, какъ концептуальнаго, такъ и перцептуальнаго, требуютъ своего сохраненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взаимодействуютъ другъ съ другомъ, — являются основаніями того, что зовется «объективностью» или независимостью дѣйствительности, съ которою данный опытъ долженъ согласоваться. 7) Прагматически, какъ виртуальная, такъ и данная въ дѣйствительности истина означаютъ одно и то же: возможность одного единственнаго отвѣта, *когда вопросъ поставленъ* (*the possibility of only one answer, when once the question is raised*).

A. E. Taylor. — Духъ и тѣло въ новѣйшей психологіи.

Цѣль этой статьи, говоритъ авторъ, заключается въ защитѣ и

преобразованіи стараго ученія о взаимодѣйствіи, — ученія, которое, въ настоящее время слѣдуетъ считать самую удовлетворительную теоріей соотношенія духа и тѣла. Конечно, это ученіе о взаимодѣйствіи не лишено трудностей, но эти трудности, въ сущности, присущи всякому случаю видимой передачи дѣйствія съ одного тѣла на другое, тогда какъ столь популярное въ настоящее время ученіе о параллелизмѣ усложняетъ проблему, вводя новыя и тяжелыя затрудненія, вызванныя принятіемъ произвольныхъ метафизическихъ гипотезъ. Авторъ доказываетъ: 1) что ученіе о взаимодѣйствіи духа и тѣла есть лучшая рабочая гипотеза въ психологіи и 2) что это ученіе защищается лишь какъ рабочая гипотеза, а не какъ конечная метафизическая истина. Въ то же время авторъ доказываетъ, что никакое другое ученіе не можетъ здѣсь быть рабочей гипотезой и что, специально ученіе о параллелизмѣ есть не что иное, какъ *ignoratio elenchi*.

F. C. S. Schiller.—Въ защиту гуманизма.

Эта статья есть отвѣтъ на ту же (вышеизложенную) статью Брэдли «Истина и Практика», на которую уже отвѣчалъ В. Джемсъ въ вышеизложенной статьѣ «Гуманизмъ и Истина». Шиллеръ подвергаетъ статью Брэдли детальному разбору.

T. K. Abbott.—Новыя данныя касательно проблемы Молинё. Случай д-ра Рамсея.

Проблема Молинё, какъ извѣстно, такова: если слѣпой отъ рожденія, научившійся отличать при помощи осязанія кубъ отъ шара, получить возможность видѣть, то, спрашивается, сможетъ ли онъ при помощи одного зрѣнія, не прикасаясь къ предметамъ положеннымъ передъ нимъ, сказать, гдѣ шаръ, а гдѣ кубъ? Авторъ цитируетъ случай, описанный д-ромъ Рамсеемъ въ медицинскомъ журналѣ *Lancet*. Рѣчь идетъ о слѣпомъ отъ рожденія (вслѣдствіе катаракта) тридцатилѣтнемъ человѣкѣ, научившемся благодаря одному лишь осязанію исправлять обязанности садовника. Д-ръ Рамсей возвратилъ ему зрѣніе. Спустя нѣсколько дней Рамсей показалъ своему больному мячъ и небольшой кирпичъ и спросилъ, гдѣ мячъ, и гдѣ кирпичъ. Больной «смотрѣлъ на предметы нѣсколько минутъ, вертя головой изъ стороны въ сторону, а также впередъ и назадъ... въ то же время я замѣтилъ, говоритъ Рамсей, что его пальцы нервно двигались, какъ бы осязая предметы въ воображеніи». Затѣмъ больной правильно указалъ, гдѣ мячъ и гдѣ кирпичъ, и на вопросъ доктора,

какъ онъ угадалъ, отвѣтилъ, что онъ такъ привыкъ осязать предметы, что составилъ себѣ понятіе объ ихъ формахъ.

П. Мокиевскій.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band XVII. Neue Folge. X Band. 1904 г. 1 Heft.

Carl Hebler.—*Объ Аристотелевскомъ опредѣленіи трагедіи.*

Имѣя въ виду точно установить, что именно разумѣлъ Аристотель подъ трагедіей, авторъ: 1) подвергаетъ тщательному анализу понятія страха и состраданія, входящія въ составъ аристотелевскаго опредѣленія трагедіи, и указываетъ на разницу пониманія имъ этихъ чувствованій въ поэтикѣ и риторикѣ; 2) пытается опредѣлить, какъ понималъ самъ Аристотель значеніе трагедіи. Въ окончательномъ выводѣ авторъ доказываетъ, что подъ трагическимъ страхомъ и состраданіемъ по Аристотелю надо понимать не страхъ зрителя за себя лично передъ возможнымъ подобнымъ же несчастіемъ, и не страхъ за страдающаго героя, но настолько полное самоотождествленіе зрителя съ трагическимъ героемъ, что онъ внутренно какъ бы переживаетъ съ этимъ послѣднимъ всѣ его страданія, все же сознавая при этомъ свое отъ него отличіе. Что касается значенія трагедіи, то, по мнѣнію автора, Аристотель разумѣлъ его въ смыслѣ нравственнаго «очищенія» души зрителя посредствомъ страха и состраданія, причемъ степень нравственнаго вліянія ставилась имъ въ связь съ общимъ нравственнымъ развитіемъ зрителя.

Dr. Eisele.—*О демонологіи Плутарха Херонейскаго.*

Подвергнувъ разбору нѣкоторыя сочиненія Плутарха Херонейскаго, наиболѣе важныя для опредѣленія значенія демонологіи въ его системѣ, авторъ заявляетъ, что вопреки установившемуся мнѣнію, вѣра въ демоническія силы далеко не имѣетъ такого важнаго значенія для его гносеологическихъ воззрѣній. Изъ всѣхъ довольно многочисленныхъ гипотезъ относительно того, что разумѣтъ подъ демоническими силами у Плутарха, авторъ считаетъ наиболѣе вѣроятной ту, которая разсматриваетъ эти силы, какъ особыя духовныя сущности, вселяющіяся въ души людей, составляющія какъ бы ихъ неотъемлемую часть, ихъ второе «я», и содѣйствующія непосредственному общенію челоуѣческихъ душъ съ потустороннимъ міромъ.

R. Witten.—*Категоріи Аристотеля.*

Вопреки всѣмъ сомнѣніямъ въ подлинности «категорій» Аристотеля, авторъ настоящей статьи не только настаиваетъ на истинной принадлежности этого сочиненія Аристотелю (въ чемъ онъ ссылается на изслѣдованіе Целлера), но старается еще доказать, что и по содержанію, и по формѣ изложенія «категоріи» являются единымъ органическимъ цѣлымъ, всѣ отдѣльныя части котораго, не исключая заключенія, находятся между собою въ тѣсной необходимой связи. На основаніи изслѣдованія этого сочиненія съ внѣшней и внутренней стороны, авторъ относитъ его къ области діалектики, что придаетъ «категоріямъ» методологическій характеръ. Но кромѣ чисто-діалектической области, гдѣ категоріи представляютъ только простую классификацію словъ и понятій, Аристотель примѣняетъ ихъ и къ эмпирической, употребляя въ смыслѣ отношеній отвлеченныхъ понятій къ дѣйствительности, а также и къ области метафизики, гдѣ однако эта проблема не имѣетъ большого значенія. Діалектико-эмпирический характеръ «категорій» стоитъ въ тѣсной связи: 1) съ личностью самого Аристотеля—діалектика и эмпирика въ одно и то же время, и 2) съ общегреческимъ стремленіемъ ко всему наглядному и конкретному.

O. L. Umfrid.—*Право и ея проведеніе по К. Chr. Planck'у.*

Въ основѣ правового порядка по теоріи Planck'a должна лежать единая истинная религія и нравственность, необходимость которыхъ естественно вытекаетъ изъ самаго понятія человеческого существа. Planck различаетъ три ступени религіозно-нравственного совершенствованія человеческой воли, окончательнымъ результатомъ котораго является полное единеніе индивидуальных цѣлей и стремленій съ общечеловѣческими. Это единеніе достигается помощью закона о призваніи, сообразно которому каждый индивидуумъ опредѣляется обществомъ къ тому труду, занимаясь которымъ онъ будетъ въ состояніи осуществить наибольшую общую пользу. Наиболѣе полному и совершенному осуществленію въ жизни государства закона о призваніи содѣйствуютъ: 1) учрежденіе особыхъ мѣстныхъ ассоціацій или товариществъ, наблюдающихъ за правильнымъ производствомъ работъ и ихъ оцѣнкой, и 2) соотвѣтствующая организація какъ общаго, такъ и спеціальнаго образованія, въ основу котораго должно быть положено полное равенство состояній и сословій. Возникающій благодаря такому устройству правовой порядокъ отзы-

вается въ высшей степени благотворно на экономическомъ, на политическомъ и на социальномъ строѣ государства, которое окончательной своей цѣлью ставитъ не узко-національныя, а общечеловѣческія культурныя задачи.

Prof. doc. Paul Schwarzkopff.—*Ницше и возникновеніе нравственныхъ представленій.*

Великая заслуга Ницше состоитъ въ томъ, что онъ явился самоотверженнымъ апостоломъ индивидуализма, хотя въ своемъ увлеченіи допустилъ односторонность, принявъ въ расчетъ только эгоистическіе мотивы человѣческой души и стараясь на нихъ основать всю нравственность. Альтруистическія же побужденія, на сомомъ дѣлѣ не менѣе сильныя, онъ совершенно оставилъ въ сторонѣ, принявъ по своему обыкновенію часть истины за самую истину и въ своемъ увлеченіи не замѣчая сдѣланной ошибки. Тѣмъ не менѣе нельзя не считатьъ съ его основной мыслью, въ высшей степени важной и безусловно справедливой, которая состоитъ въ желаніи показать постепенное развитіе нравственныхъ началъ въ человѣкѣ въ зависимости отъ исторической, психологической и культурной эволюцій. Эта теорія нравственной эволюціи находитъ себѣ вѣское подтвержденіе, какъ 1) въ историческомъ доказательствѣ (постепенная замѣна кровной мести уплатой виры и т. д.), такъ и 2) въ этимологическомъ (слова, обозначающія нравственныя понятія, первоначально относились къ конкретнымъ вещамъ и только съ теченіемъ времени были отнесены въ абстрактную область), и въ качествѣ необходимаго дополненія ко всякаго рода обоснованію нравственности заслуживаетъ вниманія.

Heft 2. Theodor Lorenz.—*Добавленіе къ біографіи Беркли.*

Авторъ цитируетъ и комментируетъ 2 латинскія письма Беркли, относящіяся къ 1711 г. и написанныя имъ къ неизвѣстному, но оба вѣроятно къ одному и тому же лицу. Въ одномъ изъ нихъ Беркли говоритъ по поводу рецензіи на его «Новую теорію зрѣнія», что и даетъ автору поводъ считать адресатомъ обоихъ писемъ Жана Леклерка, амстердамскаго профессора, издававшего въ 1703—1713 г. журналъ «Bibliothèque choisie», гдѣ и помѣщена названная рецензія. Въ ней Леклеркъ постарался дать правильную, вполнѣ безпристрастную оцѣнку этого важнаго труда, серьезное научное значеніе котораго не скрылось отъ его взора. Приводимыя письма находятся въ собраніи манускриптовъ Беркли,

принадлежавшемъ раньше Henry John Rose, а теперь находящемся въ рукахъ его сына W. F. Rose.

Georg Jaeger.—*Локкз, критическое изысканіе идей либерализма и возникновенія національно экономическихъ воззрѣній.* Heft 2, 3 и 4.

Авторъ настоящей статьи задается цѣлью прослѣдить, какъ отразились освободительныя идеи на характерѣ философскихъ, религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ воззрѣній Локка, и что новаго внесъ его либерализмъ въ каждую изъ этихъ областей. Болѣе всего онъ останавливается на значеніи Локка въ социально-экономической области, считая его представителемъ теории капитализма, прямымъ предшественникомъ Маркса, и выводя изъ принципа капиталистическаго различія его ученіе о политическомъ и социальномъ строѣ общества. Эта идея учрежденія національнаго государства на основахъ капитализма не есть плодъ отвлеченнаго мышленія, а почерпнута Локкомъ изъ самой жизни англійскаго народа, который такимъ образомъ является ея настоящимъ творцомъ. Изъ Англій принципъ національной экономіи проникъ и въ другія государства и реализовался въ нихъ, подвергнувшись неизбежной переработкѣ.

Dr. J. Pollak.—*Развитіе арабской и еврейской философіи въ средніе вѣка.*

По мнѣнію автора арабская и еврейская литература являются не только отраженіемъ греческой, но имѣютъ и свое собственное самостоятельное развитіе, совершающееся по всеобщимъ основнымъ законамъ. Какъ въ арабской, такъ и въ еврейской философіи мы можемъ прослѣдить тѣ же основные періоды, которые имѣютъ мѣсто въ развитіи философіи всѣхъ народовъ вообще, а именно: 1) періодъ натурфилософскій; 2) религіозный, и 3) періодъ проникновенія въ національную философію чуждыхъ вліяній, результатомъ котораго является скептическое направленіе. Возникновеніе чисто-философскаго направленія, чуждаго всякой религіозной окраски, авторъ относитъ у арабовъ къ началу девятаго вѣка, считая первымъ крупнымъ философомъ въ этой области Ishâk al Kindî, родомъ изъ Багдада. Въ дальнѣйшемъ развитіи арабской философской мысли авторъ намѣчаетъ два теченія, изъ которыхъ первое, находясь подъ вліяніемъ греческой, и преимущественно аристотелевской философіи, признаетъ въ дѣлѣ познанія истины только путь логическихъ доказательствъ, а второе, допуская это рациональное познаніе, счи-

таетъ его недостаточнымъ, и для полноты знанія требуетъ еще необходимости мистическаго воспріятія. Каждое изъ всѣхъ названныхъ направленій имѣло у арабовъ своихъ болѣе или менѣе крупныхъ представителей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли немаловажное значеніе не только для христіанскихъ схоластическихъ, но и для позднѣйшихъ мыслителей. Такимъ образомъ, арабская философія явилась не только посредницей въ дѣлѣ распространенія восточной образованности въ Европѣ, но и затронула важнѣйшіе вопросы, волновавшіе впослѣдствіи мыслящее челоувѣчество, и намѣтила главнѣйшія теченія универсальнаго философскаго развитія. Въ этомъ ея немалая заслуга. Тѣ же выводы дѣлаются авторомъ и относительно еврейской философіи, изслѣдованію которой посвящена вторая часть настоящей статьи.

А. Hoffmann.—*Ученіе о мірообразованіи у Декарта. Нефт 2 и 3.*

Настоящая статья посвящена краткому изложенію и разбору механической теоріи Декарта о мірообразованіи, которой авторъ приписываетъ очень большое значеніе въ дѣлѣ развитія универсальной натурфилософіи. Въ первой части своей статьи онъ доказываетъ зависимость этой теоріи отъ предшествующихъ системъ древняго міра и среднихъ вѣковъ, которыя приготовили ей почву, и находятъ зачатки декартовской точки зрѣнія еще у Анаксагора въ его ученіи о пустомъ пространствѣ и въ соединеніи телеологіи съ естественной космогоніей. Изъ другихъ древнефилософскихъ системъ авторъ особенно подробно останавливается на Аристотелѣ и на пивагорейцахъ, которые своей гармоніей чиселъ приготовили блестящую арену для приложенія математики къ объясненію природы и положили начало точному математическому изслѣдованію. Съ этой же точки зрѣнія вліяніе на механическія воззрѣнія Декарта разсматриваются авторомъ системы средневѣковыхъ ученыхъ—Гассенди, Коперника, Галилея и особенно Кеплера, на зависимость Декарта отъ котораго указывалъ еще Лейбницъ. Испытавъ на себѣ всѣ эти вліянія, теорія Декарта явилась связующимъ звеномъ между воззрѣніями древняго и новаго міра, и въ свою очередь отразилась на позднѣйшихъ философскихъ системахъ. Разсмотрѣнію этой стороны вопроса авторъ посвящаетъ вторую часть своей статьи и находить слѣды вліянія механической теоріи не только у Лейбница, Канта и Лапласа, но даже видитъ въ Декартѣ предшественника Дар-

вина, эволюціонистовъ и матеріалистовъ, хотя конечно въ силу малаго развитія современныхъ ему естественныхъ наукъ, онъ могъ сдѣлать въ этомъ направленіи только нѣкоторые намеки. Создавъ цѣлую эпоху въ философіи и естествознаніи, теорія Декарта не прошла безслѣдно и для другихъ областей человѣческаго знанія, оказавъ свое вліяніе и на математику, и на механику, и даже отчасти на медицину и на литературу. Кромѣ того, проповѣдывая міровоззрѣніе по духу прямо противоположное клерикальнымъ теоріямъ средневѣковья, великая теорія положила начало новаго скептическаго направлєнія въ религіи.

Heft 3. Tönnies.—*Hobbes Analecten.*

Въ этой статьѣ приводятся и комментируются нѣкоторыя письма Гоббеса отъ 1628—1674 г., большая часть которыхъ еще не опубликована. Остальныя же хотя и напечатаны, но все-таки мало доступны, вслѣдствіе того, что относятся къ очень рѣдкимъ изданіямъ. Почти всѣ эти письма адресованы или къ семейству графа Девонширскаго, или къ герцогинѣ Невшательской и интересны: 1) съ точки зрѣнія характеристики отношеній философа къ этимъ лицамъ, игравшимъ важную роль въ его судьбѣ, и 2) съ точки зрѣнія тѣхъ педагогическихъ, политическихъ, психологическихъ и моральныхъ воззрѣній, которыя Гоббесъ достаточно подробно развиваетъ, особенно въ письмахъ къ своему воспитаннику, юному графу Девонширскому.

Paul Ziertmann.—*О сочиненіи Шэфтсбери, до сихъ поръ неправильно приписываемомъ Локку.*

По мнѣнію автора этой статьи, трактатъ «On the Woman Commonwealth», считающійся однимъ изъ юношескихъ сочиненій Локка и интересный съ точки зрѣнія проводимыхъ въ немъ взглядовъ, указывающихъ на зависимость этого философа отъ Гоббеса, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ Локку, такъ какъ: 1) по многимъ даннымъ текста и языка долженъ быть отнесенъ не къ 60-мъ, но къ 90-мъ годамъ семнадцатаго столѣтія и 2) сильно отличается какъ по формѣ, такъ и по содержанію отъ всѣхъ другихъ сочиненій Локка. Настоящимъ авторомъ этого сочиненія Циртманъ считаетъ Шефтсбери, въ бумагахъ котораго оно и найдено подъ названіемъ «a manuscript in the handwriting of Locke». Болѣе подробныя доказательства своей догадки авторъ откладываетъ до слѣдующихъ номеровъ «Archiv'a».

Prof. Alessandro Chiappelli. — *О двоякой редакціи Платоновскаго Тезтета.*

Несмотря на всѣ, даже самыя тщательныя изслѣдованія хронологической стороны Платоновскихъ діалоговъ, этотъ вопросъ и теперь еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ во многихъ сочиненіяхъ мы наталкиваемся на необъяснимыя противорѣчія съ этой точки зрѣнія. Большой свѣтъ въ этомъ направленіи, по мнѣнію автора настоящей статьи, можетъ пролить гипотеза о періодическихъ пересмотрахъ и поправкахъ, которыя вносилъ самъ Платонъ въ свои сочиненія, особенно въ тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе отвѣчали интересамъ и запросамъ его современниковъ. Эта гипотеза не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ примѣры подобныхъ пересмотровъ и періодическихъ исправленій довольно часто встрѣчались въ древнемъ мірѣ, хотя бы, на примѣръ, у Аристофана. Въ пользу же того, что Платонъ дѣйствительно предпринималъ подобную работу, говорятъ: 1) нѣкоторыя свидѣтельства древнихъ, на примѣръ Діонисія и 2) существованіе многочисленныхъ изданій его сочиненій въ Афинахъ. Свою догадку авторъ старается подтвердить на разборѣ одного изъ наиболѣе распространенныхъ въ то время діалоговъ, именно на «Теэтетѣ». Этотъ разборъ позволяетъ ему открыть въ этомъ сочиненіи цѣлый рядъ мѣстъ, связь которыхъ съ основнымъ содержаніемъ діалога настолько искусственна, что легко возникаетъ предположеніе о позднѣйшемъ ихъ введеніи въ текстъ. Это же мнѣніе подтверждается многими выраженіями въ самомъ текстѣ. Благодаря гипотезѣ о пересмотрахъ, автору удается устранить много неясностей и противорѣчій въ названномъ діалогѣ и окончательно отнести время его возникновенія къ 390-му году. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ: если ему удастся провѣрить свою гипотезу на другихъ сочиненіяхъ Платона, то многое въ нихъ сдѣлается яснымъ и найдетъ свое объясненіе.

A. Döring. — *О двухъ Бэконахъ.*

Статья касается вопроса о вліяніи Роджера Бэкона на философскія воззрѣнія его англійскаго однофамильца Франсиса Бэкона, котораго многіе изъ комментаторовъ обвиняли въ плагиатѣ. Признавая безусловную возможность заимствованія, по крайней мѣрѣ въ основномъ направленіи системы, авторъ настоящей статьи тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ дѣлать оконча-

тельное заключеніе въ томъ или иномъ смыслѣ, настаиваетъ на тщательномъ изученіи и сравненіи хода мыслей обоихъ философовъ и времени изданія ихъ сочиненій. Нѣкоторое доказательство въ пользу Франсиса Бэкона авторъ видитъ въ томъ обстоятельстве, что ко времени изданія его сочиненій многое изъ сочиненій Роджера Бэкона еще не было извѣстно и опубликовано, хотя, съ другой стороны Франсисъ Бэконъ не можетъ считаться и совершенно оправданнымъ, такъ какъ онъ легко могъ имѣть возможность познакомиться съ этими сочиненіями въ видѣ рукописныхъ списковъ.

Heft 4. Ernst Bickel.—*Диалогъ изъ Академіи Аркезилая.*

Имѣя въ виду опредѣлить время и мѣсто возникновенія сборника «Корпусъ новой тетралогіи», обыкновенно приписываемаго Платону, авторъ подвергаетъ тщательному анализу послѣдній изъ всѣхъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ діалоговъ, именно трактатъ объ Алкивиадѣ, и на основаніи этого разсмотрѣнія дѣлаетъ заключеніе и обо всемъ сборникѣ. Характеръ религиозныхъ и философскихъ воззрѣній названнаго сочиненія, родственныи Платону, но въ то же время носящій на себѣ явные слѣды скепсиса, а также довольно рѣзкіе нападки на стоиковъ и циниковъ, даютъ автору поводъ относить трактатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь сборникъ къ среднему періоду Платоновской Академіи, какъ извѣстно, отличавшемуся этими направленіями, т. е. именно ко времени главенства въ ней Аркезилая.

Kurt Worm.—*Естественное право у Спинозы.*

По мнѣнію автора настоящей статьи, понятіе естественнаго права у Спинозы лежитъ въ основѣ всѣхъ его воззрѣній, и настолько тѣсно связано со всѣми другими элементами его философіи, что отдѣльное его изученіе абсолютно невозможно. Естественное право понимается Спинозой въ смыслѣ закона самосохраненія, которымъ инстинктивно руководствуется въ своихъ поступкахъ каждое живое существо. Изъ этого основнаго понятія вытекаетъ вся нравственная, политическая и экономическая философія Спинозы, который такимъ образомъ кладетъ въ основу своего міровоззрѣнія принципъ естественной необходимости и является какъ бы первымъ представителемъ естественномеханическаго направленія въ философіи. Такое толкованіе Спинозовскаго естественнаго права, по мнѣнію автора, имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ доказываетъ его несо-

миѣнное сродство съ новѣйшими социальными и экономическими теоріями, въ основѣ которыхъ мы можемъ прослѣдить тотъ же принципъ, а именно съ теоріями эмпиристовъ, эволюціонистовъ и марксистовъ.

Constantin Sauter. — *Перипатетическая философія въ Сиріи и у арабовъ.*

Очеркъ посвященъ изображенію историческихъ судебъ греческой философіи въ Сиріи и у арабовъ, которыя были весьма различны въ зависимости отъ національныхъ и религіозныхъ особенностей этихъ народовъ. Сочиненія Аристотеля проникли въ Сирію въ IV вѣкѣ, послѣ принятія христіанства въ странѣ, и переводились и изучались преимущественно въ монастыряхъ. Но знаніе Аристотеля ограничивалось только знакомствомъ съ его логическими сочиненіями—Органомъ и первой Аналитикой; даже вторая Аналитика была имъ совѣмъ неизвѣстна. Такое ограниченіе объясняется узко-монашескимъ направленіемъ Сирійской философіи, преслѣдовавшей другія сочиненія Аристотеля за ихъ противорѣчіе съ христіанствомъ. Совѣмъ иначе обстояло дѣло у арабовъ, которые познакомились съ греческой философіей черезъ персовъ, во множествѣ жившихъ при дворѣ абассидовъ. Въ Багдадѣ существовало даже особое бюро переводовъ, такъ какъ халифы, а за ними и всѣ остальные, серьезно интересовались чужестранной философіей. Но здѣсь переводились и изучались уже не одни логическія сочиненія Аристотеля, но и вся его метафизика, этика, физика и даже разнообразныя комментаріи къ нимъ. Въ результатѣ арабы, получившіе свое философское образованіе отъ сирійцевъ черезъ персовъ, совершенно затмили своихъ учителей, переводы которыхъ впослѣдствіи почти затерялись въ арабскихъ и дошли до насъ только въ видѣ небольшихъ отрывковъ.

Н. Аникіева.

Rivista filosofica. Сентябрь—февраль 1904—1905 гг.

G. Zuccante. *Понятіе блага у Сократа.*

Авторъ доказываетъ, что Сократа напрасно обвиняютъ въ утилитаризмѣ, такъ какъ и изъ сочиненій Ксенофонта, и изъ діалоговъ Платона одинаково ясно, что Сократъ, говоря о благѣ, какъ о цѣли нашей дѣятельности, все-таки высшимъ благомъ почиталъ знаніе, безъ котораго всякое благо легко превращается

въ зло; какъ на идеаль, Сократъ всегда указывалъ на «евпраксію», высшую разумную дѣятельность человѣка, стремящагося къ совершенству.

А. Gorralli. *Практическія задачи философіи права.*

Нѣкоторые ученые, напр. Vanni, считаютъ философію права наукой чисто нормативной, а другіе отказываютъ ей въ возможности указать какія-нибудь цѣли, потому что она безсильна въ отысканіи причинъ. Для примиренія этихъ взглядовъ Gorralli предлагаетъ признать философію права такою наукою, которая, опираясь на социологію и на выводы отдѣльныхъ юридическихъ наукъ, изучаетъ «условія и нормы, при помощи которыхъ можно постепенно улучшить различныя юридическія установленія». Собственно же нормативною наукою авторъ считаетъ политику права, которая указываетъ способы проведенія въ жизнь «лучезарныхъ идеаловъ», выработанныхъ философіею права.

G. Tarozzi. *Ученіе о семьѣ и обществѣ.*

Гдѣ бы ни встрѣчалъ авторъ обычное доселѣ подчиненіе семьи обществу—у Гроція ли или у социологовъ, съ точки зрѣнія экономической или юридической,—онъ всегда считаетъ его не выдерживающимъ критики. Генетическое объясненіе семьи также неудовлетворительно, ибо указать происхожденіе факта вовсе не значить объяснить его: такъ, отъ признаваемого весьма многими патріархальнаго характера первобытной семьи никакъ нельзя перейти къ объясненію того значенія, которое имѣлъ въ семьѣ отецъ, какъ лицо, отвѣтственное за всю семью. Авторъ полагаетъ, что изученіе семьи должно быть отнесено одновременно и къ психологіи, и къ социологіи, такъ какъ семья есть фактъ въ одно и то же время социальный и моральный; исторія семьи есть, по его мнѣнію, исторія постепеннаго перехода власти законной во власть нравственную въ связи съ развитіемъ основного свойства семьи—взаимнаго долга ея членовъ и ихъ отвѣтственности передъ другими социальными группами.

E. Sacchi. *Пожительная религія и религія духа у Сабатье.*

Противопоставленіе религіи духа положительнымъ религіямъ есть, въ сущности, вражда Сабатье противъ католичества, главнымъ образомъ противъ папства и церкви. Главнымъ признакомъ ложности католичества Сабатье считаетъ догматъ о непогрѣшимости папы, а между тѣмъ Sacchi полагаетъ, что эта непогрѣшимость церкви или ея главы есть необходимый элементъ

всякой религіи. Далѣе, Сабатье противопоставляетъ церковь царству Христа и утверждаетъ, что Иисусъ Христосъ вовсе не предвидѣлъ образованія церкви, а ожидалъ близкаго конца міра; поэтому Сабатье считаетъ іерархію и догму признаками паденія религіи, забывая, что безъ нихъ не дошло бы до насъ и самое ученіе Спасителя. Въ заключеніе Sacchi высказываетъ полное сочувствіе религіи духа или служенія добродѣтели, которую проповѣдуетъ Сабатье, но признаетъ ее идеальной, пока недоступною для человѣчества.

F. Cantella. *Джіакомо Леопарди и Максъ Штирнеръ.*

Философскіе взгляды Штирнера и Леопарди проникнуты истиннымъ пессимизмомъ: оба они, разсматривая какъ все человѣчество въ его исторіи, такъ и жизнь отдѣльныхъ людей, приходятъ къ убѣжденію, что съ развитіемъ разума постепенно утрачиваются добрыя свойства человѣческой природы, и люди неизбежно приходятъ къ полному эгоизму, даже къ отрицанію существованія чего бы то ни было, кромѣ своего «я». Но между нѣмецкимъ философомъ и итальянскимъ поэтомъ есть существенная разниаца — въ выводахъ, которые они дѣлаютъ изъ своего пессимизма. Штирнеръ съ нетерпѣніемъ ждетъ наступленія полнаго господства эгоизма, когда на землѣ будетъ настоящій рай «безъ угрызенія совѣсти, потому что безъ грѣха». Леопарди не можетъ сочувствовать наступленію такого эгоизма, онъ ищетъ отъ него спасенія, но не въ господствѣ разума, а, напротивъ,— въ восстановленіи правъ чувствительности и воображенія, которыя совершенно подавлены въ человѣчествѣ чрезмѣрнымъ развитіемъ разума.

E. Morselli. *Общество и нравственные идеалы.*

Въ вопросѣ объ отношеніи индивидуума и общества Спенсеръ и Вундтъ являются представителями двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: Спенсеръ ставитъ на первомъ мѣстѣ развитіе индивидуальности, какъ первую ступень въ жизни общества, а этика Вундта стремится пріобрѣсти универсальный характеръ, приписывая общей волѣ преимущественное значеніе передъ индивидуальною. Въ сущности, оба ученые въ основу изученія общества кладутъ психологію, первый — ума, а второй — воли, и при этомъ каждый изъ нихъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, смѣшивая социальную и моральную точки зрѣнія на общество. Это противорѣчіе особенно замѣтно у Спенсера: то онъ тре-

буетъ свободы развитія для каждаго индивидуума, то признаетъ эту свободу невозможною, когда все развитіе общества объясняетъ только наслѣдственностью и внѣшними условіями жизни этого общества. Morgelli, желая примирить Вундта и Спенсера, считаетъ необходимымъ признавать взаимодѣйствіе индивидуума и общества, ибо точно опредѣлить границы ихъ вліянія другъ на друга совершенно невозможно.

В. Varisco. *Философія „случайности“.*

Авторъ, согласно съ детерминистами, признаетъ строгую подчиненность въ явленіяхъ внѣшняго міра, но не какъ законъ, а просто какъ наблюдаемый нами фактъ. Что же касается психическихъ явленій, то относительно ихъ онъ не считаетъ возможнымъ примкнуть ни къ детерминистамъ, ни къ ихъ противникамъ, философамъ такъ назыв. случайности (contingenza): Varisco полагаетъ, что отсутствіе строгой закономерности въ психическомъ мірѣ (а на этомъ отсутствіи и основано ученіе о случайности), есть только видимое и объясняется невозможностью дѣлать точныя наблюденія надъ душевною жизнью и открывать ея законы.

А. Pagano. *Историческое развитіе понятія естественнаго права.*

Сначала разсматриваются въ историческомъ порядкѣ этическія ученія различныхъ философовъ древняго и новаго міра, при чемъ авторъ нерѣдко смѣшиваетъ естественное право съ нравственностью. Далѣе слѣдуетъ изложеніе взглядовъ самого Pagano. Если принять, говоритъ онъ, что естественное право указываетъ истинную, идеальную природу человѣка и требуетъ возможно большаго проявленія ея въ жизни, то легко примирить различныя точки зрѣнія на естественное право: цѣль его состоитъ не въ наибольшемъ блаженствѣ, какъ думали философы гедонистическаго направленія, и не въ высшей свободѣ индивидуума, какъ полагали философы XVIII в. съ Кантомъ и Фихте во главѣ, а въ томъ, чтобы, развивая лучшія стороны человѣческой природы, сдѣлать человѣка наиболѣе пригоднымъ къ жизни общественной и тѣмъ способствовать улучшенію этой послѣдней.

R. Montuori. *„Государь“ Маккіавелли и политика Гоббса.*

Авторъ отказывается признать самостоятельный [характеръ за философскими теоріями Гоббса, считая ихъ заимствованными у Маккіавелли. Такъ, пессимизмъ Гоббса, его отрицательно

отношеніе къ человѣку, ничѣмъ не разнится отъ пессимизма Маккіавелли. Въ ученіи о государствѣ сходство съ Маккіавелли еще замѣтнѣе, и особенно по вопросу о средствахъ, которыя долженъ употреблять государь для охраны и благоустроенія своего государства: Гоббсъ, какъ и Маккіавелли, полагаетъ, что государю для достиженія его цѣлей позволено все, до жестокости, конечно, разумной, включительно. Въ заключеніе авторъ указываетъ сходство даже въ отношеніи общества къ обоимъ философамъ: и тотъ, и другой въ свое время были обвинены въ томъ, что льстили своимъ государямъ, а между тѣмъ ихъ ученія совершенно лишены личнаго характера и являются только строго логическимъ выводомъ изъ одного основнаго принципа.

Н. Вальденбергъ.

Московское Психологическое Общество.

ССХХІ. Протоколъ годичнаго распорядительнаго собранія 29 января 1905 года.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія университета, въ 9 ч. вечера, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, А. Н. Бернштейна, В. В. Воробьева, Д. В. Викторова, Н. А. Иванцова, Н. П. Постовскаго, В. П. Сербскаго, П. В. Тихомирова и кн. С. Н. Трубецкаго.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

1) Были прочитаны и утверждены протоколы трехъ предшествующихъ засѣданій.

2) Секретарь Общества Н. Д. Виноградовъ прочелъ Отчетъ о дѣятельности Общества за 1904 годъ. Н. А. Иванцовъ выразилъ желаніе, чтобы члены ревизіонной-комиссіи представляли свой отчетъ въ годичное засѣданіе Общества. Рѣшено просить гг. членовъ ревизіонной комиссіи доставить свѣдѣнія о результатахъ своей ревизіи въ одно изъ ближайшихъ засѣданій Общества.

3) Казначей Общества Н. А. Абрикосовъ прочелъ отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ Общества за 1904 годъ.

4) Редакторъ журнала «Вопросы Философіи» кн. С. Н. Трубецкой прочелъ отчетъ по изданію журнала за истекшій годъ и доложилъ смѣту на предстоящій годъ.

5) Обсуждался вопросъ о занятіяхъ Общества въ ближайшемъ полугодіи. Изъ присутствовавшихъ членовъ Общества П. В. Тихомировъ, Д. В. Викторовъ и Л. М. Лопатинъ заявили о своемъ намѣреніи изготовить рефераты для ближайшихъ засѣданій Общества. Что касается ранѣе предложеннаго торжественнаго за-

сѣданія въ память Б. Н. Чпчерина, то признано было неудобнымъ устраивать его въ текущемъ полугодіи.

6) Были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: профессоръ В. М. Хвостовъ Л. М. Лопатинымъ, кн. С. Н. Трубецкимъ и Н. А. Иванцовымъ и докторъ психіатръ М. О. Шайкевичъ Л. М. Лопатинымъ, В. П. Сербскимъ и А. Н. Бернштейномъ.

7) Была предложена къ избранію въ члены соревнователи г-жа Н. П. Ферстеръ Л. М. Лопатинымъ и Н. П. Корелиной.

8) Была произведена баллотировка, предложеннаго въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій — въ дѣйствительные члены Общества привать-доцента С.-Петербургскаго университета Н. О. Лосскаго. Баллотиремый оказался избраннымъ единогласно.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за время съ 14-го февраля 1904 года по 28-е января 1905 года.

Составъ Общества.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончался почетный членъ *Х. Зивартъ* и дѣйствительный членъ *В. М. Михайловскій*. Къ 29 января 1905 года Общество состоитъ изъ 19 почетныхъ членовъ, 8 членовъ-учредителей, 159 дѣйствительныхъ членовъ, 20 членовъ-соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ, а всего изъ 213 лицъ.

Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества, избранный въ годичномъ засѣданіи 8-го февраля 1903 года, состоялъ въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя профессора *Л. М. Лопатина*, товарища предсѣдателя—профессора *кн. С. Н. Трубецкаго*, кандидата товарища предсѣдателя—профессора *В. П. Сербскаго*, секретаря—привать-доцента *Н. Д. Виноградова*, товарища секретаря—привать-доцента *А. Н. Бернштейна*, кандидата товарища секретаря—*Н. П. Корелиной*, казначея—*Н. А. Абрикосова*, товарища казначея—привать-доцента *А. С. Бѣлкина*, кандидата товарища казначея—привать-доцента *С. А. Суханова*, бібліотекаря—*Ю. И. Айхенвальда*, ре-

дактора «Трудовъ» Общества—Г. А. Рачинскаго; членами ревизионной комиссіи были: Н. П. Постовскій, приватъ-доцентъ Д. В. Викторовъ и профессоръ П. И. Новгородцевъ.

Дѣятельность Общества.

1) *Засѣданія.* Въ теченіе отчетнаго года Общество имѣло 6 засѣданій, изъ которыхъ три очередныхъ, одно торжественное (въ память Канта), одно годовичное распорядительное и одно соединенное — Психологическаго Общества и Общества невропатологовъ и психіатровъ.

Въ очередныхъ засѣданіяхъ были прочитаны и подвергнуты обсужденію слѣдующія сообщенія:

С. А. Котляревскаго: «Объ истинномъ и мнимомъ реализмѣ».

А. О. Бачинскаго: «Фазы непрерывности».

Л. Е. Оболенскаго: «Этическое значеніе «субъективной социологии» Н. К. Михайловскаго и возраженія противъ нея нашихъ неоидеалистовъ».

Въ торжественномъ засѣданіи были произнесены слѣдующія рѣчи въ память Канта: Л. М. Лопатинимъ—«Теоретическая философія Канта»; П. И. Новгородцевимъ—«Кантъ какъ моралистъ», и В. И. Вернадскимъ—«Кантъ и естествознаніе 18-го вѣка».

Въ соединенномъ засѣданіи Обществъ — Психологическаго и Общества невропатологовъ и психіатровъ былъ заслушанъ и утвержденъ докладъ соединенной комиссіи, избранной для обсуждения вопросовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Обществъ постояннымъ бюро съѣздовъ русскихъ исправительныхъ заведеній. Названный докладъ напечатанъ, по постановленію соединеннаго засѣданія, въ «журналѣ имени С. С. Корсакова» и въ приложеніи къ протоколамъ Психологическаго Общества.

2) Журналъ *Вопросы Философій и Психологій* издавался въ отчетномъ году подъ редакціей Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого; въ составъ редакціоннаго комитета входили, кромѣ того: Ю. И. Айхенвальдъ, А. Н. Бернштейнъ, А. С. Бѣлкинъ, Н. Д. Виноградовъ, Н. А. Иванцовъ, Б. К. Млодзѣвскій, П. И. Новгородцевъ, Г. А. Рачинскій, В. П. Сербскій и Н. А. Умовъ.

3) *Изданія Общества.* Въ отчетномъ году Общество напечатало третьимъ изданіемъ переводъ сочиненія Ф. Паульсена «Введеніе въ философію». Въ началѣ текущаго мѣсяца начаты печатаніе

таньемъ, третьимъ изданіемъ, «Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ» Канта, въ переводѣ Вл. С. Соловьева.

4) Премія Д. А. Столыпина. Въ годичномъ распорядительномъ собраніи 14-го февраля 1904 года постановлено назначить ближайшимъ срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи Д. А. Столыпина 1-е января 1906 года, съ тѣмъ, чтобы если къ этому сроку не будетъ представлено сочиненій или если ни одному изъ представленныхъ сочиненій премія присуждена не будетъ, возбудить въ свое время надлежащее ходатайство объ измѣненіи условій преміи.

Секретарь Психологическаго Общества Н. Виноградовъ.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1904 годъ.

Поступило:

Остатокъ отъ п./г.	162 р. 28 к.
Членскіе взносы	215 „ — „
Пособіе отъ университета	400 „ — „
За продажу изданій Общества	974 „ 85 „
	<u>1752 р. 13 к.</u>

Выдано:

На устройство засѣданій, на вѣнокъ и адресъ	133 р. 50 к.
„ почтов., телегр. и разѣздн.	23 „ 46 „
„ канцеляр., типогр. и наградн.	33 „ 39 „
За книги и журналы для библіотеки	47 „ 66 „
„ шкапъ для библіотеки	37 „ — „
„ объявленія въ газетахъ	51 „ 21 „
Опекуншѣ надъ дѣтьми В. П. Преображенскаго съ продажи соч. Паульсена	532 „ 79 „
Въ типографію Т-ва Кушнерева и К ⁰ за печатаніе сочин. Паульсена	742 „ — „
Въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».	91 „ 31 „
	<u>1692 р. 32 к.</u>
Остатокъ на 1 января 1905 г. въ приходо-расходной кассѣ	59 р. 81 к.

Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества.

Къ 1 января 1905 года:

Въ прихода-расходной кассѣ	59 р. 81 к.
На тек. счету у Юнкеръ и К ^о	124 „ 80 „
На вкладахъ въ Моск. Учетн. Банкѣ:	
Билетъ за № 40668, капиталъ преміи	
Д. А. Столыпина	1000 „ — „
Билетъ за № 12737, накопившіеся %	
на этотъ капиталъ	562 „ 94 „
За 1904 г. слѣдуетъ получить	
% около	63 „ — „
	<u>1810 р. 55 к.</u>

Казначей Психологическаго Общества Н. Абрикосовъ.

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 15-ое ноября
1905 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Ключевскій, Василій Осиповичъ.
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Мержеевскій, Иванъ Павловичъ.
7. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
8. Толстой, гр., Левъ Николаевичъ.
9. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
10. Гартманъ, Эдуардъ (Германія).
11. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
12. Джэмсъ, Уильямъ (С. Америка).
13. Паульсенъ, Фридрихъ (Германія).
14. Рибо, Томасъ (Франція).
15. Рише, Шарль (Франція).
16. Фишеръ, Куно (Германія).
17. Фулье, Альфредъ (Франція).
18. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

19. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
20. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, членъ-корреспондентъ
Академіи Наукъ.
21. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ, } профессора Московск.
22. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } университета.

23. **Муромцевъ**, Сергій Андреевичъ, профессоръ Императорскаго лицея.
24. **Стороженко**, Николай Ильичъ, проф. Моск. унив.
25. **Фортунатовъ**, Филиппъ Ѳеодоровичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
26. **Чупровъ**, Александръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.

Дѣйствительные члены:

27. **Абрикосовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ.
28. **Абрикосовъ**, Николай Алексѣевичъ.
29. **Айхенвальдъ**, Юлій Исаевичъ.
30. **Андреевъ**, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
31. **Анри**, Викторъ.
32. **Аппельротъ**, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
33. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
34. **Балталонъ**, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
35. **Бартеневъ**, Юрій Петровичъ.
36. **Басистовъ**, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
37. **Бачинскій**, Алексѣй Осиповичъ, преподав. средн. учебн. заведеній.
38. **Безобразова**, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
39. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ.
40. **Бернштейнъ**, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
41. **Боборынинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
42. **Бобровъ**, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета.
43. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
44. **Брунъ**, Михаилъ Исакиевичъ, присяжн. повѣрен.
45. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
46. **Булгановъ**, Сергій Николаевичъ, профессоръ Кіевскаго политехническаго института.
47. **Быновскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ-архитект.
48. **Бѣлкинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
49. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
50. **Васильевъ**, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
51. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.

52. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.
53. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
54. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. унив.
55. **Вернадскій**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
56. **Вешняковъ**, Ѳедоръ Владиміровичъ.
57. **Викторовъ**, Давидъ Викторовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
58. **Випперъ**, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
59. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
60. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
61. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Оксфордск. унив.
62. **Воробьевъ**, Викторъ Владиміровичъ, психіатръ.
63. **Вульфертъ**, Антонъ Карловичъ.
64. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
65. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ.
66. **Ганнушкинъ**, Петръ Борисовичъ, психіатръ.
67. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, директоръ дворянскаго пансіона-пріюта.
68. **Гиацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
69. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
70. **Голицынъ**, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
71. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
72. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
73. **Гротъ**, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петерб. унив.
74. **Горская**, Зинаида Степановна.
75. **Гуторъ**, Василій Петровичъ.
76. **Давыдовъ**, Николай Васильевичъ, предсѣдатель Московскаго окр. суда.
77. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
78. **Де-Роберти**, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.
79. **Дерюжинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
80. **Джонстонъ**, Вѣра Владиміровна.
81. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
82. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, священ., профессоръ Москов. университета.
83. **Ефименко**, Александра Яковлевна, писательница.
84. **Жуновскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.

85. **Занцевичъ**, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
86. **Зеленогорскій**, Ѳеодоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
87. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
88. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
89. **Зыковъ**, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
90. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Казанск. унив.
91. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ.
92. **Иванюновъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
93. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
94. **Камаровскій**, гр., Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Казанск. унив.
95. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
96. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
97. **Конисси**, Даниилъ Павловичъ.
98. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи «Вопросовъ Фил. и Псих.».
99. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
100. **Коробкинъ**, Ѳеодоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
101. **Коршъ**, Ѳеодоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.
102. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
103. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
104. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
105. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
106. **Лесевичъ**, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
107. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
108. **Лосскій**, Николай Онуфріевичъ, прив.-доц. Спб. универс.
109. **Любавскій**, Матвѣй Кузьмичъ, проф. Моск. унив.
110. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
111. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
112. **Мамуна**, гр., Иванъ Андреевичъ, врачъ.
113. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
114. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
115. **Милюковъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
116. **Минцловъ**, Рудольфъ Рудольфовичъ.
117. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. унив.

118. Моніевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
119. Мороховецъ, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
120. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ.
121. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
122. Новгородцевъ, Павелъ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
123. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
124. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
125. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ медицины.
126. Первовъ, Павелъ Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. завед.
127. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
128. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, присяжн. повѣрен.
129. Поповъ, Иванъ Васильевичъ, проф. Моск. духовн. акад.
130. Поржезинскій, Викторъ Карловичъ, проф. Моск. унив.
131. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
132. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
133. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
134. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
135. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
136. Ржондновскій, Николай Ивановичъ.
137. Розановъ, Матвѣй Никаноровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
138. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
139. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
140. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
141. Рутковскій, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
142. Рыбановъ, Ѳедоръ Егоровичъ, д-ръ медицины.
143. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
144. Савинъ, Александръ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
145. Саводникъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
146. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, проф. Моск. унив.
147. Серджи, Джованни, проф. антропологии въ Римск. унив.
148. Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
149. Снябинъ, Александръ Николаевичъ, профес. Московской консерв.
150. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ.
151. Соболевскій, Василій Михайловичъ.
152. Соколовскій, Павелъ Эмилиевичъ, проф. Моск. унив.
153. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, доц. Моск. духовн. акад.

154. **Софроновъ**, Ѳедоръ Васильевичъ, земскій врачъ.
155. **Спасскій**, Анатолій Алексѣевичъ, проф. Моск. дух. акад.
156. **Старынневичъ**, Сократъ Ивановичъ.
157. **Стрѣльцовъ**, Павелъ Павловичъ, психіатръ.
158. **Сухановъ**, Сергѣй Алексѣевичъ, д-ръ медицины.
159. **Танѣевъ**, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.
160. **Тимирязевъ**, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
161. **Тимковскій**, Николай Ивановичъ, писатель.
162. **Тихомировъ**, Павелъ Васильевичъ, проф. Моск. дух. акад.
163. **Трубецкой**, кн., Евгений Николаевичъ, проф. Кіевск. унив.
164. **Уляницкій**, Владиміръ Антоновичъ, проф. Харьковскаго университета.
165. **Успенскій**, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
166. **Умовъ**, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
167. **Фаворскій**, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
168. **Филипповъ**, Александръ Никитичъ, проф. Моск. унив.
169. **Фонъ-Штейнъ**, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
170. **Хвостовъ**, Веніаминъ Михайловичъ, проф. Моск. универ.
171. **Цвѣтаевъ**, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
172. **Цертелевъ**, кн., Дмитрій Николаевичъ.
173. **Цингеръ**, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. унив.
174. **Челпановъ**, Георгій Ивановичъ, проф. Кіевск. унив.
175. **Чижъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
176. **Шайкевичъ**, Мартинъ Осиповичъ, психіатръ.
177. **Шварцъ**, Александръ Николаевичъ, попечитель Московскаго учебнаго округа.
178. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
179. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, преподав. средн. учебн. завед.
180. **Шмидтъ**, Евгений Александровичъ.
181. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
182. **Зверлингъ**, Сергѣй Николаевичъ.
183. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
184. **Яноби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
185. **Яковенко**, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены-соревнователи:

186. **Абрикосова**, Марія Филипповна.
187. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.

188. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
189. **Андреева**, Александра Алексѣевна.
190. **Глики**, Юлія Ивановна.
191. **Гончарова**, Анна Сергѣевна.
192. **Горскій**, Константинъ Николаевичъ.
193. **Каринская**, Марія Александровна.
194. **Любеннова**, Юлія Львовна.
195. **Львовъ**, кн., Дмитрій Петровичъ.
196. **Мазаровичъ**, Николай Ивановичъ.
197. **Мошкина**, Екатерина Дмитриевна.
198. **Мальковская**, Софья Александровна.
199. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
200. **Павловъ**, Александръ Владиміровичъ.
201. **Петрункевичъ**, Анастасія Сергѣевна.
202. **Ремезовъ**, Иванъ Дмитриевичъ.
203. **Селивачовъ**, Ѳедоръ Дмитриевичъ.
204. **Ферстеръ**, Наталія Павловна.
205. **Шахъ-Назаровъ**, Семенъ Григорьевичъ.

Члены-корреспонденты:

206. **Гелеръ фонъ-Равенбургъ**.
207. **Макъ Дессуаръ**.
208. **А. Байерсдерферъ**, предсѣд. Мюнхенскаго Психологическаго Общества.
209. **Шренкъ фонъ-Нотцингъ**, секретарь того же Общества.
210. **Левицкій**, И. Н.
211. **Демковъ**, М. И.
212. **Гартвигъ**, Андрей Ѳедоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.
